

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ

Сборник научных трудов

Выпуск I: проблемы источников

Издательство «Апельсин»
Новосибирск, 2016

УДК 314.02

ББК 60.75

63.2

Д 31

Рекомендован к печати

Ученым советом Института истории СО РАН

Публикуется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14 – 01 – 00109 «Демографическая история Западной Сибири: конец XIX – начало XXI вв.».

Редакционный совет серии:

чл.-корр. РАН В. А. Ламин, д-р. ист. наук Е. Т. Артемов, д-р. ист. наук
И. Л. Жеребцов, д-р. ист. наук В. Б. Жиромская,
д-р.ист. наук А. Е. Загребин, д-р. ист. наук В. А. Зверев, д-р. ист. наук
В. А. Исупов, д-р. ист. наук Г. Е. Корнилов.

Редакционная коллегия:

д-р. ист. наук В. А. Исупов (отв. редактор), д-р. ист. наук В. А. Зверев,
канд. ист. наук М. А. Семенов (отв. секретарь), канд. ист. наук А. А. Бурматов,
канд. ист. наук О. Б. Дашинамжилов, канд. ист. наук Н. С. Коробейникова,
канд. ист. наук Я. А. Кузнецова.

Рецензенты:

д-р. ист. наук И. С. Кузнецов
д-р. ист. наук В. И. Исаев

Д 31 **Демографическая история России и регионов.** Сборник научных трудов. Выпуск I: проблемы источников. Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Издательство «Апельсин», 2016. — 304 с.

ISBN 978-591705-002-1

Настоящий сборник научных трудов открывает собой серию публикаций, посвященных актуальным и малоисследованным проблемам демографической истории России и ее регионов. Первый выпуск предполагает анализ статистических и нарративных источников, отражающих весь комплекс историко-демографического развития страны. В последующих сборниках планируется раскрыть вопросы динамики численности, состава, воспроизводства и миграций населения.

В сборник вошли статьи ученых из различных городов России, ведущих исследования по актуальным ныне проблемам демографической истории нашей страны. Материалы сборника адресованы научным работникам, преподавателям высшей и средней школы, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами исторической демографии

ISBN 978-591705-002-1

© Институт истории СО РАН, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие исторической науки, все более сложные задачи, стоящие перед ней, диктуют необходимость расширения исследуемого проблемного поля. Одним из наиболее значимых и динамично развивающихся направлений исследования является историческая демография, ставшая неотъемлемым элементом современной исторической науки.

Еще в 2010 году Институтом истории СО РАН был начат выпуск серии «Проблемы исторической демографии Сибири». Вышедшие в ней четыре сборника показали высокую актуальность подобных исследований, большой интерес научного сообщества к проблемам исторической демографии. В данных сборниках были опубликованы статьи ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Якутска, Ижевска, Сыктывкара и многих других городов. Сложился круг постоянных авторов, активно занимающихся историко-демографическими исследованиями. Круг рассматриваемых проблем далеко вышел за первоначально заявленные рамки исторической демографии Сибири. Все это привело к необходимости расширить территориальные и проблемные рамки и произвести рестарт серии.

Новая серия, ставшая плодом совместных усилий ряда академических учреждений РАН, призвана объединить усилия исследователей исторической демографии со всей территории России и создана для освещения наиболее актуальных проблем исторической демографии сегодняшнего дня.

Обоснованным представляется разделение сборников серии по тематике, что позволит обобщить опыт ведущих ученых, занимающихся демографической историей России по той или иной тематике, наметить основные контуры для перспектив исследования в данной области.

Открывает серию сборник, посвященный важнейшей проблеме исторической демографии, – проблеме источников. В сборнике рассматриваются особенности использования данных переписей (статьи Араловец Н. А., Безносовой Н. П., Гони-

ной Н. В., Жиромской В. Б., Исупова В. А., Нефедовой М. В.), данных текущего учета (статья Бурматова А. А.), метрических книг (статья Сарафанова Д. Е.), духовных росписей (статья Васиной Т. А.). Охарактеризована совокупность имеющихся источников по демографическим проблемам разных периодов (статьи Белова А. В., Заболотской К. А., Белькова А. В., Славинной Л. Н.). Исследованы источники по изучению отдельных демографических процессов – брачности, миграций, заболеваемости (статьи Коробейниковой Н. С., Лапердина В. Б., Семёнова М. А., Чернышевой Н. В.). Особый интерес представляет изучение возможностей нарративных источников для проведения историко-демографических исследований (статья Зверева В. А.).

Настоящий сборник был подготовлен к печати исследователями Сибирского отделения РАН. Следующий сборник серии, готовящийся усилиями ученых Уральского отделения РАН, будет посвящен краугольному камню демографии – воспроизводственным процессам.

Редакционный совет серии благодарит авторов за участие в подготовке сборника и приглашает всех к дальнейшему сотрудничеству!

УДК 314.02
УДК 94(47).066

А. В. Белов
E-mail: belovavhist@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В статье «Демографическая характеристика городов центральных губерний России второй половине XVIII века» рассматривается современное состояние изучения населения городов центральных губерний европейской России в период правления Екатерины II. Показывается перспектива развития этой темы. Ставится вопрос о сложностях рассмотрения данного направления в рамках демографического исследования. Объясняются трудности поиска демографических источников для второй половины XVIII века. На основании малоизвестных документов демонстрируются принимаемые лично императрицей меры по сбору статистических данных, описывающих народонаселение страны, что позволяет найти и использовать новые комплексы документов. Обосновывается необходимость работы с делопроизводственным материалом местных органов управления. Для этой цели используются фонды как центральных, так и местных архивов. Дается анализ новых комплексов документов по данной проблеме, демонстрируются их возможности. В работе приводятся конкретные демографические данные, обнаруженные в ходе архивных изысканий, в том числе по вопросам рождаемости, смертности, возрасту смерти, вступлению в брак. В ряде случаев данные содержат информацию и об иностранных жителях Российской империи.

Ключевые слова: источники, демография, естественное движение населения, Екатерина II, дореформенный период, русский город, дореформенный город, рождаемость, смертность, возраст смерти, вступление в брак, иностранные жители, городское население.

Историко-демографические исследования последнего времени заметно расширяют хронологические рамки. Можно встретить работы по демографии периода древнейшей истории, временам Киевской Руси, Московского царства, а также последующих исторических периодов. Но в основном эти исследования носят крайне узкий характер. Львиная доля работ, охватывающих дореволюционный этап прошлого России, по-прежнему базируется на пореформенном отрезке ее истории. Выбор материала жестко детерминирован достаточной для проведения исследования источниковой базой. Для демографического анализа требуется не просто упоминание тех или иных характеристик. Исследование часто невозможно без наличия достаточно сложных данных, специально собранных, а порой и предварительно обработанных, к тому же охватывающих не эпизодический территориальный объект, а фиксирующих положение дел для целого комплекса таких объектов.

Статистическая служба Российской империи, официально учрежденная при Министерстве полиции в 1811-1812 гг. [1, с. 11-12], по понятным причинам начала свою работу (более или менее активно) лишь в 30-е гг. XIX в. Сохранившиеся в ее фондах данные даже для ближайших предшествующих десятилетий явно недостаточны [2, с. 57-58]. Другие источники часто просто не содержат обстоятельных демографических данных, как, например, ревизии – основной документ по истории народонаселения в Российской империи [3, с. 77]. Правда, помимо них есть еще полицейская и церковная статистика. Она значительно менее общая и более «приземлена», что важно для демографического исследования. Однако и здесь информация часто неполная или требует огромной обработки, не несущей равного себе гарантированного и значимого результата.

Демографическое исследование сдерживается отсутствием комплекса собственно демографических данных, специально собранных и подготовленных на первичном этапе. Но такие материалы (пусть и в ограниченном виде) все же есть. М. В. Кабузан (один из крупнейших знатоков источников народонаселения России и других стран) в свое время писал о бес-

спорном богатстве документальных собраний республиканских и областных архивов [3, с. 9]. Потенциал их в этом направлении крайне мало изучен, но, как показывают новые исследования¹, он весьма значителен и способен закрыть белые пятна истории народонаселения России.

Эпоха Екатерины II, отстающая от нас на каких-то 250 лет, для историков недалекий и хорошо изученный период. Однако для демографа это – глухая древность, особенно в контексте изучения истории русского города. Кроме отсутствия детальных материалов, весьма запутан вопрос о том, какие социальные слои являются собственно этим самым городским населением, и неясна связь этого вопроса с развитием местного самоуправления [4; 5; 6]. Анализ данной проблемы традиционно входит в круг основных вопросов изучения русского города дореформенного периода. Порой он даже закрывает собой от нас внутреннее содержание характера и функций самого города дореформенного периода, который (несмотря на свою близость) по-прежнему остается неизученной темой, которая, по наблюдению занимавшегося этой проблемой историка-урбаниста А. И. Куприянова, «только начинается» [7, с. 14].

Между тем, В. М. Кабузан был прав: во второй половине XVIII в. на уровне введенных Екатериной II наместничеств или генерал-губернаторств (их не стоит путать с аналогичными по названиями, но принципиально иными по сути образованиями XIX в. [8, с. 405]) статистика по населению городов велась. Причем изначально фиксировались не только самые общие, но и специальные показатели естественного движения населения.

Более того, Екатерина II своей инструкцией (судя по наличию массы личной правки, ею и разработанной) вменяла в обязанность высшим сановникам – ее непосредственным представителям в наместничествах страны – сбор сведений о народонаселении вверенных им регионов. Императрица требовала, в частности, вести работу «о повсегодном сведомстве прибыли

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454. Л. 143

и убыли народа». Документ распоряжений в его черновом варианте содержит личную и весьма обстоятельную правку самой Екатерины II, что наглядно свидетельствует о том значении, который придавала ему августейшая правительница. В частности, императрица, наставляя местных администраторов в их первоочередных задачах, желала: «Кроме подушной переписи, впредь учредить надобно по всем городским, сельским и всем тем церквям, где людей крестят, венчают и хоронят. Две шнуровых книги, первая всем в подушной оклад положенным мужеска пола, и писать тут и женск[ий] пол...». Кроме того, требовалось составлять «при конце... отовсюду иметь может сколько народа всякого по статьям мужеска и женска пола родилось», а также создало семьи и умерло. При этом особо оговаривалась необходимость учитывать всех родившихся детей. В том числе непременно дополнить их данные «исключенным числом от законных детей подкидышей родившихся». Екатерину II интересовал даже вопрос о том, сколько было «убитых на драках, воровствах, разбоях и в пьянствах умерших». А также целый ряд других данных. Итогом этих демографических изысканий становились так называемые «перечневые ведомости», которые ежегодно требовалось класть на стол государыни [9].

Выполнение данной программы в то время было крайне сложно, а часто просто невозможно из-за целого ряда причин. В первую очередь, из-за отсутствия опыта, необходимого аппарата, навыков сбора и обработки, нехватки административных кадров, а также материальных затруднений во время войн. Впрочем, даже при этом местные власти занимались выполнением высочайшего задания. По крайней мере, в 1770-1780-е гг. работы в данном направлении велись, и тому есть свидетельства. Трудности отчасти компенсировались хорошо известной способностью самой императрицы находить талантливых и исполнительных людей для реализации задуманных ею планов. Кроме того, в первые годы реформ «благородное шляхетское» общество повсеместно переживало буквально эйфорию, связанную с преобразованием страны, а также процессом т.н. «раскрепощения» дворянства. Так как данные изменения выража-

лись на примере местного управления, суда и самоуправления, в регионах было достигнуто большие результаты. Настолько значительные, что это порой вызывает удивление при понимании степени трудностей и малого срока. Достаточно будет сказать, что калужский и тульский наместник М. Н. Кречетников и его приемники создали разветвленную систему народного просвещения и социальной помощи всего за 9 лет¹.

Результаты работы местных канцелярий по сбору сведений о естественном движении населения приходили в Санкт-Петербург. На их материале впоследствии были составлен целый ряд работ Г. Шторха [10], К. Германа [11], С. Чернова [9], К. В фон Танненберга [12] и др.

Кроме того, требования Екатерины II, адресованные на места по сбору материала о состоянии населения, были отчасти использованы при подготовке экономических примечаний Генерального межевания. По крайней мере, заметно совпадение ряда пунктов опроса: состояние обеспеченности водами², учреждение точных ландкарт местности, транспортные возможности рек³, рыбные богатства рек⁴ и др.

Помимо экземпляров, отправляемых в Санкт-Петербург, на местах оставались копии. Они представляли собой обстоятельные таблицы с данными о рождении, смертности и иными показателями. Подобного рода источники были обнаружены нами как в центральных архивах, так и в фондах региональных учреждений административных центров бывших екатерининских губерний (Вологда, Ярославль, Калуга и др). В качестве примера приведем некоторые из обнаруженных и систематизированных данных.

¹ Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4 т. Т. 2. Фонды центральных государственных учреждений. СПб.: Изд-во Петербургского университета. 2008. –Л. 3-7.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10 (Фонд Екатерины II). Комплекс документов. – Л. 68об. 119об.

³ Там же. Л. 15

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 731–. Л. 1.

Таблица 1

Демографические данные по Ярославлю и Ярославскому уезду за 1776 г.

	Родившихся		браком сочеталось		умерло			прогив- родив- шихся меньше
	муж.	жен.	на лицо	супру- жеств	муж.	жен.	Обоего	
в городе Ярославле	219	207	392	196	206	175	381	45
в уезде Ярославском	2.073	1.531	4.154	2.077	1.383	1.126	2.509	1.095
ВСЕГО в городе и в уезде	2.292	1.738	4.030	2.273	1.589	1.301	2.890	1.140

Таблица 2

Лета	число умерших	лета	число умерших	лета	число умерших	лета	число умерших
1	74	31	9	61	14	91	5
2	60	32	12	62	25	92	2
3	61	33	3	63	19	93	3
4	43	34	6	64	11	94	2
5	26	35	22	65	41	95	2
6	19	36	8	66	11	96	4
7	11	37	8	67	20	97	3
8	14	38	14	68	20	98	2
9	9	39	7	69	24	99	3
10	12	40	19	70	71	100	---
11	4	41	7	71	12	101	---
12	10	42	13	72	27	102	---
13	7	43	9	73	21	103	1
14	6	44	4	74	10	104	1
15	8	45	24	75	21	105	---
16	11	46	15	76	19	106	---
17	9	47	12	77	16	107	---
18	7	48	14	78	12	108	---
19	9	49	11	79	12	109	---
20	23	50	39	80	57	110	---
21	9	51	6	81	7	111	---
22	6	52	24	82	11	112	---
23	13	53	14	83	9	113	---
24	8	54	21	84	11	114	---
25	19	55	20	85	21	115	---
26	9	56	26	86	8	116	---
27	12	57	13	87	4	117	---
28	7	58	14	88	3	118	---
29	12	59	15	89	9	119	---
30	27	60	50	90	11	120	---

Демографические данные по старой (большой) Московской губернии за 1764-1767 гг.

	ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ				БРАКО-СОЧЕТАНИЙ			СМЕРТНОСТЬ				
	в Московской провинции	муж.	жен.	Всего	лиц	супружеств	муж.	жен.	Всего	против родившихся		
										МЭНЬШЕ	БОЛЬШЕ	
							муж.	жен.	муж.	жен.		
в Московской провинции	2.889	2.896	5.785	3.610	1.805	2.587	2.327	4.914	302	569	---	---
в Московской провинции	112	105	217	114	57	129	63	192	---	42	17	---
в Московской провинции	3.331	3.169	6.500	4.172	2.086	2.142	2.216	4.358	1.189	952	---	---
в Коломне	57	56	113	98	49	72	45	117	---	11	15	---
в уезде	1.612	1.184	2.796	1.908	954	826	700	1.526	786	484	---	---
в Кошире	26	16	42	44	22	20	18	38	6	---	---	2
в уезде	1.146	566	1.712	1.256	628	611	415	1.026	535	151	---	---
в Серпухове	83	99	182	132	66	125	78	203	---	21	42	---
в уезде	188	147	335	236	118	146	93	239	42	54	---	---
в Тарусе	14	4	18	16	8	13	4	17	1	---	---	---
в уезде	143	77	220	218	109	165	73	238	---	4	22	---
в Оболенской	203	99	302	132	66	126	73	199	77	26	---	---
в уезде	55	34	89	80	40	30	25	55	25	9	---	---
в Боровске	237	177	414	442	221	170	140	310	67	33	---	---
в уезде	36	31	67	48	24	32	37	69	4	---	---	6

в уезде	380	308	688	828	414	247	266	513	133	42	---	---
в Малом Ярославце	26	29	55	46	23	12	18	30	14	11	---	---
в уезде	268	156	424	342	171	130	91	221	138	65	---	---
в Рузе	37	31	68	40	20	19	28	47	18	3	---	---
в уезде	328	188	516	550	275	207	144	351	121	44	---	---
в Можайске	76	76	152	90	45	70	63	133	6	13	---	---
в Можайском уезде	1.405	1.162	2.567	1.728	848	748	773	1.521	657	389	---	---
Новогжатской десятине												
в Дмитрове	24	20	44	36	18	19	23	42	5	---	---	3
в уезде	689	528	1.217	1.598	799	564	521	1.085	125	7	---	---
в Волоколамске	31	16	47	80	40	32	21	53	---	---	1	5
в уезде	589	458	1.047	912	456	347	294	641	242	164	---	---
в Клину	18	17	35	36	18	10	12	22	8	5	---	---
в уезде	254	209	463	488	244	152	114	266	102	95	---	---
в Звенигороде	13	14	27	29	10	24	19	43	---	---	11	5
в уезде	346	255	601	458	229	244	174	418	102	81	---	---
Итого	14.504	12.022	26.526	19.644	9.822	9.890	8.805	18.695	---	---	---	---
российских вместе с ино-страницами	14.616	12.127	26.743	19.758	9.879	10.019	8.868	18.887	---	---	---	---

	ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ				БРАКО-СОЧЕТАНИЕ		СМЕРТНОСТЬ								
	муж.	жен.	Всего	лиц	супру- жеств	муж.	жен.	Всего		против родившихся					
								муж.	жен.	МЕНЬШЕ	БОЛЬШЕ				
во Владимирской провинции															
в Володимире	55	65	120	108	54	92	62	154	3	37	---	---	---	---	---
в уезде	1.728	1.008	2.736	2.102	1.051	1.180	813	1.993	548	195	---	---	---	---	---
в Муроме	72	67	139	96	48	53	48	101	19	19	---	---	---	---	---
в уезде	993	639	1.632	970	485	465	321	786	528	318	---	---	---	---	---
в Гороховце	12	5	17	18	9	5	6	11	7	---	---	---	---	---	1
в уезде	116	96	212	180	90	56	54	110	60	42	---	---	---	---	---
в Вязниковской слободе и Ерополеской десятиине	687	501	1.188	1.034	517	379	360	739	308	141	---	---	---	---	---
ИТОГО	3.663	2.381	6.044	4.508	2.254	2.230	1.664	3.894	---	---	---	---	---	---	---
в Ярославской провинции															
в Ярославле	206	188	394	330	165	237	222	459	---	---	---	---	---	---	34
в уезде	2.234	1.587	3.821	4.126	2.063	1.900	1.558	3.458	334	29	---	---	---	---	---
в Клишме	27	20	47	32	16	41	41	82	---	---	---	---	---	---	21
в уезде	168	99	267	424	212	159	126	285	9	---	---	---	---	---	27
в Романове	29	30	59	58	29	32	27	59	---	---	---	---	---	---	3
в уезде	334	275	609	662	331	215	191	406	119	84	---	---	---	---	---
в Пошехонском уезде	789	458	1.247	1.574	787	648	403	1.051	141	55	---	---	---	---	---
ИТОГО	3.787	2.657	6.444	7.206	3.603	3.232	2.568	5.800	---	---	---	---	---	---	---

	ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ				БРАКО-СОЧЕТАНИЕ			СМЕРТНОСТЬ										
	Всего		лиц	супружесв.	Всего		жен.	ПРОТИВ РОДИВШИХСЯ		БОЛЬШЕ								
	муж.	жен.			муж.	жен.		муж.	жен.									
в Калужской провинции																		
в Калуге	127	155	282	212	106	114	99	213	13	56	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	262	147	409	316	158	158	114	272	104	33	---	---	---	---	---	---	---	---
в Мядинской десятине	142	97	239	220	110	102	54	156	40	43	---	---	---	---	---	---	---	---
в Козельске	38	9	47	28	14	14	10	24	24	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	709	311	1,020	616	308	401	198	599	308	113	---	---	---	---	---	---	---	---
в Перемышле	20	15	35	50	25	9	15	24	11	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	154	78	232	302	151	128	80	208	26	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в Воротыанске	9	10	18	9	9	3	1	4	6	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	129	43	172	184	92	89	51	140	40	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в Мещовске	13	12	25	32	16	7	12	19	6	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	661	262	923	844	422	398	229	627	263	33	---	---	---	---	---	---	---	---
в Мосальске	8	7	15	8	4	6	6	12	2	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	121	60	181	234	117	97	56	153	24	4	---	---	---	---	---	---	---	---
в Серпейске	29	28	57	62	31	15	16	31	14	12	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	437	225	662	688	344	257	137	394	180	88	---	---	---	---	---	---	---	---
в Духвине	16	5	21	26	13	10	7	17	6	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	304	201	505	544	272	155	113	268	149	88	---	---	---	---	---	---	---	---
в Одоове	14	14	28	24	12	14	10	24	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде	167	53	220	208	104	65	51	116	102	2	---	---	---	---	---	---	---	---
ИТОГО	3,360	1,723	5,083	4,616	2,308	2,042	1,259	3,301	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в Суздальской провинции																		
в Суздале	53	58	111	72	36	84	90	174	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
Иностранцев	---	---	---	---	---	---	1	1	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде российских	1,865	1,091	2,956	3,646	1,823	1,350	1,013	2,363	515	78	---	---	---	---	---	---	---	---
в уезде российских	1,918	1,149	3,064	3,718	1,859	1,434	1,103	2,537	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
ИТОГО с чужестранцами	1,918	1,149	3,064	3,718	1,859	1,434	1,104	2,538	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

	ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ				БРАКО-СОЧЕТАНИЕ		СМЕРТНОСТЬ					
	муж.	жен.	Всего	лиц	супру-жеств	муж.	жен.	Всего		против		
								муж.	жен.	МЕНЬШЕ	БОЛЬШЕ	
в Переславль-Рязанского провинции												
в Переславле	71	51	122	98	49	35	39	74	36	12	---	---
в уезде	1.935	1.230	3.165	2.448	1.224	985	782	1.767	950	448	---	---
в Зарядске	41	38	79	100	50	34	19	53	7	19	---	---
в уезде	385	227	612	632	316	222	148	370	163	79	---	---
в Пронске	32	20	52	34	17	8	15	23	24	5	---	---
в уезде	584	415	999	832	416	350	260	610	234	155	---	---
в Михайлове	90	57	147	96	48	45	44	89	45	13	---	---
в уезде	754	517	1.271	948	474	368	281	649	386	236	---	---
в Сапожке	54	31	85	62	31	25	13	38	29	18	---	---
в уезде	57	63	120	82	41	24	36	60	33	27	---	---
в Печерниках	17	9	26	32	16	10	7	17	7	2	---	---
в уезде	54	27	81	54	27	20	21	41	34	6	---	---
ИТОГО	4.074	2.685	6.759	5.418	2.709	2.126	1.665	3.791	---	---	---	---
в Юрьев-Польской провинции												
в Юрьеве	21	16	37	18	9	7	16	23	14	---	---	---
в уезде	438	224	662	846	423	258	228	486	180	---	---	4
в Луке	14	7	21	26	13	8	8	15	7	---	---	1
в уезде	149	89	238	224	112	109	68	177	40	21	---	---
в Шуме	17	13	30	44	22	18	17	35	---	---	---	4
в уезде	132	70	202	160	80	79	38	117	53	32	---	---
ИТОГО	771	419	1.190	1.318	659	478	375	853	---	---	---	---
ИТОГО российских	43.734	30.782	74.516	64.522	32.261	29.377	23.539	52.916	14.357	7.243	---	---
по всем провинциям	115	108	223	116	58	132	66	198	---	42	17	---
ИТОГО иностранных	43.849	30.890	74.739	64.638	32.319	29.509	23.605	53.114	14.340	7.285	---	---

Таблица 4

**Уровень смертности по возрастам жителей Центральной России
(коренного населения и проживающих здесь иностранцев)**

российских	1.704	982	750	553	564	377	315	261	205	326	102	249
иностранных	39	---	2	---	4	---	---	---	---	---	---	---
возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
российских	178	176	336	168	198	206	140	610	128	215	247	123
иностранных	---	---	---	---	---	---	---	3	---	2	8	---
возраст	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
российских	471	180	196	160	168	678	133	215	149	163	441	203
иностранных	---	---	---	1	2	6	---	---	---	---	2	5
возраст	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
российских	201	208	172	984	112	251	214	145	531	270	206	265
иностранных	---	---	8	2	---	3	---	---	2	2	---	---
возраст	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48
российских	190	1.007	178	282	229	189	364	331	210	283	251	1.330
иностранных	1	3	2	---	---	4	2	2	3	4	1	1
возраст	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60

российских	221	279	290	209	536	254	393	305	237	1.324	160	296
иностранных	---	---	---	---	3	---	---	---	---	5	---	2
возраст	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72
российских	237	129	401	279	120	230	154	924	126	168	131	88
иностранных	4	---	1	---	---	---	---	1	---	---	---	---
возраст	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84
российских	226	105	85	61	107	282	36	48	31	28	58	29
иностранных	1	---	---	---	---	1	---	---	---	---	---	---
возраст	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96
российских	18	32	24	52	1	1	2	1	2	---	---	---
иностранных	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
возраст	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107	108
российских	---	1	---	---	---	---	---	---	---	---	1	---
иностранных	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
возраст	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	---

Таким образом, деятельность местных органов власти, выполнявших распоряжение Екатерины II, сохранила для нас важный источник. Его значение не только в наличии данных, но и существовании их в едином комплексе. Разработка данного направления позволит не только получить отдельные цифры по населению страны, но и дать достаточно обстоятельную характеристику важнейшего этапа истории России, находящегося далеко за пределами доступности демографического исследования. Возможность же взглянуть на эпоху Екатерины II с позиции анализа процесса естественного движения населения поможет дать ответ на многие вопросы, а также увидеть не только содержание политического процесса и военной истории, но и, в частности, качество жизни простых людей этого яркого времени.

Список литературы

1. История российской государственной статистики: 1811–2011. – М., 2013. – 143 с.
2. Слащев, К. Р. Демографическая ситуация в городе Тотьме в конце XVIII века / К. Р. Слащев. // Тотьма: Краеведческий альманах. – Вологда, 2001. Вып. 3. С. 143-151.
3. Кабузан, М. В. Народонаселение России в XVIII–XIX в. (по материалам ревизий) / М. В. Кабузан. – М., 1963. – 230 с.
4. Дитятин, И. Устройство и управление городов в России. В 2-х тт. Т. I: Введение; Города в России в XVIII столетии. / И. Дитятин. – СПб., 1875. – 508 с.
5. Кизеветтер, А. А. Посадская община в России XVIII столетия. / А. А. Кизеветтер. – М., 1903. – 810 с.
6. Кизеветтер, А. А. Русское общество в XVIII столетии. / А. А. Кизеветтер. – Ростов-на-Дону, 1905. – 48 с.
7. Куприянов, А. И. Русский город в первой половине XIX в. / А. И. Куприянов. – М., 1995. – 160 с.
8. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. / Л. Ф. Писарькова. – М., 2007. – 758 с.
9. Чернов, С. Статистическое описание Московской губернии 1811 года / С. Чернов. – М., 1812. – 123 с.

10. Storch, H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des Russischen Reichs, nach ihren merkwürdigsten kulturverhältnissen/ H. Storch. –Riga, 1795.

11. Герман, К. Статистическое описание Ярославской губернии./ К.Герман. – СПб., 1808. – 190 с.

12. Tannenberg, von C. W. Bibliographisch-statistische übersicht der literatur des osterreichischen kaiserstaates von 1 janner bis 31 december 1855. Bd. 2 / Tannenberg von C. W. –Wien, 1857.

УДК 930.22 (571.150)

Д. Е. Сарафанов
E-mail: d_sarafanov@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ
В ГОРОДСКИХ ПРИХОДАХ СИБИРИ
(НА ПРИМЕРЕ БАРНАУЛА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.)**

*Исследование поддержано РГНФ,
грант №15-11-22008 а(р)*

Целью работы является изучение развития формы и структуры метрических книг Барнаула в контексте развития законодательства о метриках во второй половине XVIII – начале XX вв. Источниковую базу составила документация, сосредоточенная в фондах трех сибирских архивов. В ходе исследования был сделан вывод о том, что на протяжении второй половины XVIII в. духовенство Барнаула не полностью следовало установленной форме графления метрических книг, но к концу столетия различий с законодательно закрепленным образцом становилось меньше. Это было связано с меньшей востребованностью информации источника в сфере правоотношений, чем в последующее время. К тому же, в XVIII в. система контроля за процессом ведения метрических книг проходила этап становления.

Изменения в ведении метрических книг Барнаула произошли к началу XIX в., после принятия закона 1806 г. о соблюдении правил ведения метрических книг. В первой четверти XIX в. ошибки в графлении источников сведены к минимуму. Увеличение значения правовой функции послужило одним из важных факторов, заставивших первоначально законодателей изменить форму графления источника для облегчения последующего визуального доступа к информации и использования ее в последующем документообороте, а затем жестко контролировать следование установленным формам. Возраставшая

востребованность в данных метрических книг приводила к необходимости более тщательной проверки вносимой в источники информации и способствовала увеличению ответственности приходских священнослужителей за качество вносимой информации.

Ключевые слова: церковный учет населения, метрические книги, формуляр, графические формы, структура метрических записей, духовенство

Объектом исторического познания является прошлое, которое невозможно наблюдать непосредственно. Информация о нем извлекается из исторических источников. С начала XVIII в. в России появляются новые виды церковной документации, в частности, метрические книги. Несмотря на инициативу церкви по составлению этого вида документов, государство увидело в них возможность реализации своих интересов. Последнее в значительной степени стало гарантом стабильности и долговечности церковной учетной системы документов.

Внимание к метрическим книгам обусловлено огромным информационным потенциалом источника, определяющим интерес со стороны широкого круга исследователей. Отечественная наука накопила значительный опыт изучения данных метрических книг [1; 2; 3; 4; и др.]. История эволюции формуляра также находилась в поле зрения исследователей [5; 6; 7; 8; 9; и др.]. Обширность территории, на которой источники нашли свое применение, обуславливает повышенный интерес к ним со стороны исследователей, занимающихся региональной историей народонаселения, в том числе и рассматриваемого нами региона [10; 11; 12; и др.].

В настоящей работе уделено внимание развитию формы и структуры метрических книг Барнаула в контексте развития законодательства о метриках. Основная масса источников, на основе которых проводилось исследование, сосредоточена в фондах Государственного архива Алтайского края (ГААК) и Государственного архива Томской области (ГАТО), частично – в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Исследование можно отнести к описательному источниковедению, включающему «данные о месте обнаружения, месте нахождения, сохранности, внешнем виде источников, их

отличительных особенностях, основном содержании, степени использования в научных целях и т.д.» [13, с. 29].

Всего в Барнауле со второй половины XVIII в. и до 1860-х гг. существовало три приходских церкви: Петропавловская, Одигитриевская и Захарьевская. Так, Петропавловский собор был заложен в 1748 г., а уже через год освящен. Захарьевская церковь была возведена в 1754 г. В 1853 г. была заложена Знаменская (Знамения святого Захария и Елизаветы) каменная церковь, которая была построена к 1859 г.¹ Причт и прихожане Захарьевской церкви «перешли» к Знаменской, что прослеживается по материалам источников.

Церковь во имя пресвятой Богородицы Одигитрии была возведена к 1759 г. Через некоторое время вместо обветшалой деревянной церкви, иждивением барнаульского купца Ильи Пуртова, была построена каменная. Храм был заложен 16 октября 1795 г. и освящен 26 января 1815 г. по благословию Преосвященного Амвросия, Архиепископа Тобольского и Сибирского².

Четвертая приходская церковь в Барнауле – Покровская – была разрешена 27 ноября 1859 г., заложена 1 мая 1860 года³ и освящена 4 августа 1863 г. Интересно, что уже в 1860 г. духовенство вело собственные метрические книги «вновь строящейся церкви»⁴, однако в последующие несколько лет церковь считалась приписной к Петропавловскому собору. После «обретения самостоятельности» к ней перешла часть прихожан главного городского храма.

Вопрос о появлении первых метрических книг корнями уходит в XVII столетие. Он связан с инициативой христианской церкви вести подобную документацию для засвидетельствования принадлежности крещенного к православной церкви в условиях борьбы с униатской (подробнее об этом см.: [14, с. 29]).

В дореволюционной России законом являлось все, что утверждалось верховной властью, т.е. императором. Законода-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 720. Л. 261-262.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1, Д. 2324. Л. 27

³ ГАТО. Ф.170. Оп. 1. Д.239. Л. 33.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.156. Оп. 1. Д. 4793. Л. 73.

тельные акты главы государства издавались вплоть до 1906 г. «в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов»¹. Первый светский законодательный акт, с которым обычно связывают историю введения метрического учета в России, – это именной указ Петра I от 14 апреля 1702 года, требовавший от приходских священников Москвы «по все недели, что у кого в приходе всяких чинов мужеска и женска полу родится младенцов и крещено будет, так же мужеска и женска полу всяких чинов людей, всякого возраста умерших у приходских церквей погребено, и в убогие дома что мертвых телес привезено будет, о том по вся недели им священникам в Патриарш Духовный приказ подавать ведомости на письме»². Так были заложены основы документной системы, которая впоследствии нашла применение на всей территории Российской империи.

Общероссийское законодательное оформление метрического учета происходит только в 20-е годы XVIII в. Так, закон 1722 г. устанавливал обязательное ведение метрических книг на всей территории Российской империи, требуя от православных священников «иметь всяк у себя книги, которые обычно нарицаются метрики, то есть книги записные»³. Однако, спустя месяц по истечении отчетного года, 20 февраля 1724 г., Святейший Синод, обеспокоенный тем, что «по прежним Его Величества Указам везде Священникам книги иметь и в должное Правительство присылать и повелено, но присылки ни откуда в Синоде не видно», издает еще один указ, четко фиксирующий обязанности священнослужителей и устанавливавший форму графления для каждого из трех видов записи метрических книг.⁴

Формуляр и функции этого вида церковного учета корректировались и дополнялись на протяжении длительного промежутка времени. Как показали исторические реалии,

¹ Свод Основных государственных законов. 1832. Ст. 53.

² ПСЗ I. Т. IV. № 1908

³ ПСЗ I. Т. VI. № 4022.

⁴ ПСЗ I. Т. VII. № 4480.

наличие закона не гарантировало поступления отчетной документации. Период распространения практики ведения метрического учета затянулся на длительное время, в течение которого накапливался определенный опыт по ведению метрик, складывалась система наблюдения за этим процессом и отрабатывалась процедура передачи документации в вышестоящие органы.

Впервые формуляры метрических книг были установлены уже упомянутым законом от 20 февраля 1724 г. «О содержании священникам метрических книг для записи рождающихся, браком сочetaвшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам». Для каждого из трех видов вводилась своя единообразная форма записи.

В части первой, «О родившихся», в отдельных графах предусматривалось внесение следующих данных: даты рождения и крещения новорожденного, «у кого родился», «кто воспитывал». После каждой записи требовалось «показывать» сведения о совершавших обряд священнослужителях.

Во второй части, «О бракосочетавшихся», содержались графы: «кто именно венчан», «число венчания», «кто были поручители или поезжаные». После записи также требовалось «показывать имена Священников, венчавших браки».

В третью часть, «О умерших», вносились даты смерти, сведения об умершем, его возраст (отдельные графы для мужчин и женщин), причина смерти («какою болезнию»). Также содержались сведения о том, кто исповедовал и приобщал умершего и где было совершено погребение. Записи о смерти также подписывались причтом¹.

На сегодняшний день в отечественной историографии остается малоизученным вопрос о степени зависимости формы и структуры метрических книг от тех функций, которые выполнял источник. Наличие этой зависимости фиксировал и сам законодатель, отмечавший, что утвержденные формы метрических книг «составлены были в Святейшем Синоде с подробными образцами, как должны быть излагаемы в оных все нужные для справок обстоятельства, относящиеся к ро-

¹ ПСЗ I. Т. VII. № 4480.

ждению, вступлению в брак и смертным случаям»¹ (выделено нами – авт.).

Нами была проведена работа по сравнению формуляра метрических книг трех барнаульских церквей (Петропавловской, Одигитриевской и Знаменской) за вторую половину XVIII в. с установленными образцами 1724 г., которые просуществовали без серьезных изменений вплоть до первой трети XIX в.

Самой ранней сохранившейся метрической книгой по Барнаулу является источник за 1754 г. по Петропавловской церкви. Из пяти необходимых столбцов первой части «О родившихся» расчерчивалось только три: порядковый номер, число рождения и графа «У кого родился» (вместо наименования столбца был указан год). В этой части присутствуют, например, такие формулировки: «Солдата Федора Протопопова сын Семен» или «Гранодира Ивана Седельникова сын Амвросий»². Информация о дате крещения отсутствует, как и сведения о восприемниках. Например, по сведениям А.В. Елпатьевского, в метриках г. Коломны за 1737 г. формуляр расчерчивался также в три графы, сведения о «восприемниках» не фиксировались причтом [5, с. 65].

Во второй части «О бракосочетавшихся» источник содержит только три столбца из четырех³ законодательно закрепленных: порядковый номер, число венчания и графу «Кто именно венчан» (вместо наименования столбца был указан год). Барнаульским духовенством не фиксировалась информация о поручителях. В основной части записывались сведения о женихе и невесте (в том числе, об их социальном статусе), месте их проживания и очередность брака, например: «Бийского прихода деревни Комарово крестьянин Алексей Дмитриев Беспалов того же прихода крестьянина Антипа Соколова дочерью ево девицей Пелагеей первым браком»⁴.

¹ ПСЗ II. Т. VI. № 4397; второй раз это положение было зафиксировано в Своде законов о состояниях, см.: СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. № 1562.

² ГАНО. Ф. 156. Оп.1. Д.4800. Л. 308-309.

³ ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 495. Л. 7-9, 14-15, 19-19об.

⁴ ГАНО. Ф. 156. Оп.1. Д. 4800. Л. 310 об.

В части «О умерших» духовенством выделялось четыре столбца: порядковый номер (без разделения по полу), дата смерти, сведения об умершем, возраст (без разделения по полу). Не заносились данные о причине смерти, месте погребения и «Кем были исповеданы и приобщены». Следует отметить, что для всех трех частей метрических книг в графах, где заполнялись сведения о персоналиях, практически всегда имеются данные о месте приписки и социальном статусе человека.

В метриках г. Коломны за 1737 г. графление второй и третьей частей источника расчерчивалось аналогично [5, с. 66] (в части «Об умерших» отсутствовала графа о возрасте умершего, но данные эти фиксировались в столбце персональных сведений).

Метрические книги Барнаула за 1760–1770-е годы имеют незначительные отличия в форме графления и заполнения по сравнению с предшествующим периодом. В первой части «О родившихся», как и прежде, из пяти установленных граф расчерчивались только три: в первой фиксировался порядковый номер записи (в некоторых случаях с разделением родившихся по полу), во второй графе писалась дата рождения, в третьей – имя младенца, у кого он родился; иногда начинают фиксироваться данные о «восприемниках» новорожденного¹. В метриках двух церквей из трех за 1767 г. отсутствует графа о восприемниках, однако данные о них вносились в «основную» графу, которая по установленной в 1724 г. форме имела название «У кого родился», но оставалась безымянной в церковных источниках. Характерно отсутствие графы (и сведений) о дате крещения младенцев. Везде отсутствуют росписи причта после каждой записи.

Во второй части «О бракосочетавшихся» не наблюдается различий в заполнении метрик между городскими церквями и с источником предшествующего периода. Разночтения в форме графления «со стандартом» продолжают сохраняться. Заносились порядковый номер, дата венчания и в третьей графе – кто венчался и «каким браком». Соответственно, клириками рас-

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 495. Л. 1-7об., 12-14, 17-19 об.

черчивались только три столбца из четырех¹. Везде отсутствует графа (и сведения) о поручителях, нет подписей священников, венчавших брак.

Для третьей части метрик сохраняется наибольшее число несоответствий стандарту – расчерчивались только четыре столбца: в первом указывался порядковый номер (в некоторых случаях без разделения по полу), во втором – дата смерти, в третью графу заносились персональные данные об умершем, в четвертую – возраст умершего. Отсутствовали столбцы, фиксирующие причину смерти, сведения о священнослужителях, совершавших обряд исповеди, и данные о месте погребения².

В барнаульских источниках за 1780-е годы заметны изменения в составлении метрических книг в сравнении с более ранним периодом времени. Так, в документации за 1784 г. в части «О родившихся» фиксируются уже все столбцы из законодательно закрепленных: «Коего числа родились», порядковый номер (с разделением по полу), основная графа (без наименования), «Коего числа крещение» (до этого времени столбец отсутствовал), «Кто при том восприемники были». Эти изменения затронули источники всех трех церквей.

Формуляр второй части «О бракосочетавшихся» за указанное время заполнялся без изменений: духовенством расчерчивались только три столбца, отсутствовали данные о поручителях.

В части «О умерших» начинают расчерчивать пять столбцов (вместо четырех в предыдущее время): в первом указывалась дата смерти, во втором – порядковый номер (с разделением по полу), в третью графу заносились персональные данные об умершем, в четвертую – «Лета» (возраст умершего). В «новом» пятом столбце «Кто христианского погребения не получил также которые младенцы без крещения померли для чего» указывалось клириками, «с покаянием» или «без покаяния» умер человек. В метрических книгах за 1784 г. не фиксируются данные о причине смерти и месте погребения. Однако, в источнике Петропавловского прихода за 1786 г. духовенство начинает указы-

¹ ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 495. Л. 7-9, 14-15, 19-19об.

² ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 495. Л. 9об.-11об., 15об.-16об., 20.

вать причину смерти в пятом столбце. В метриках двух других церквей эту информацию не указывали.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на протяжении второй половины XVIII в. барнаульское духовенство не полностью следовало установленной форме графления метрических книг. Видимо, священники и церковнослужители не выделяли в документе графически либо вообще не заносили информацию (требовавшуюся вносить по закону), которая в дальнейшем не использовалась. Заметим, что в XVIII в. система наблюдения за процессом ведения метрических книг проходила этап становления и слабо влияла на процесс создания источника. Тем не менее, к концу XVIII столетия разночтений с законодательно закрепленным образцом становилось меньше. К этому времени в части «О родившихся» фиксируются уже все необходимые графы, в части «О бракосочетавшихся» не указывались только данные о поручителях жениха и невесты, в книге «О умерших» отсутствовали сведения о месте погребения.

В это время метрические книги не имели развитого графического формуляра, что, по-видимому, связано с тем, что в дальнейшем документообороте еще пока слабо использовалась информация источника. В XIX в. ситуация изменилась. В отечественной литературе отмечается, что формы православных метрических книг, установленные в 1724 г., подвергались уточнениям и обновлениям два раза: в 1831 и 1838 гг. [5, с. 67; 14, с. 32] Однако, в «Своде законов о состояниях» говорится, что «приходские книги ведутся по приложенным при сем образцам», и имеются ссылки на законы 1806-го, 1831-го и 1838-го гг.¹ Исходя из этого, был проведен сравнительный анализ формуляра метрических книг Барнаула за период с 1802 г. по 1839 г. включительно. Первоначально сравнивались формуляры метрических книг до 1806 г. и после. Затем такая же операция проводилась для двух других дат (1831 г. и 1838 г.). Это действия были необходимы для определения времени, с которого вступали в силу новые формы метрик. Параллельно проводилось сравнение

¹ См. например: ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 522. Л. 17-18; ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 510. Л. 32-33; и др.

формуляра с законодательно установленными формами метрических книг.

Как отмечают исследователи, «последняя треть XVIII – начало XIX в. – период качественной эволюции источника» [15, с. 23]. Для нас важно установить, какие изменения произошли в способах фиксации информации на начало XIX в., и выявить факторы, влияющие на этот процесс.

Формуляр метрических книг в период с 1802 г. до 1806 г. в каждой из трех церквей Барнаула расчерчивался одинаково. Однако некоторые расхождения со стандартом были.

Для первой части «О родившихся» в некоторых случаях характерно несовпадение очередности столбцов. Так, в метриках первоначально ставилась дата рождения, а затем порядковый номер записи с разделением родившихся по полу, в третьей фиксировались персональные данные (имя младенца, у кого он родился), в четвертую графу заносилась дата крещения, в пятую – «восприемники» новорожденного. В правой части метрических книг добавилась еще одна графа (отсутствует в стандарте 1724 г.) – «Кто именно исправлял требы», в которой напротив каждой записи о рождении отмечался священнослужитель, совершавший обряд. В итоге вместо пяти установленных граф расчерчивалось шесть. Имеются небольшие расхождения и в названиях граф, хотя они не меняют внутреннего содержания столбцов:

«№» «Число людей»;

«Число рождения» – «День рождения»;

«У кого родился» – «Часть первая, о родившихся» или записывался месяц;

«Число крещения» – «День крещения»;

«Кто восприемники» – «Кто при крещении восприемники были»;

«-» «Кто именно исправлял требы»¹.

Во второй части «О бракосочетавшихся» разночтения в форме графления со стандартом также присутствуют. В частности, как и в XVIII в., отсутствует графа «Кто были поручители». Сведения о них не фиксировались в метриках. Заносились сле-

¹ См. например: ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 510. Л. 3; ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 511. Л. 218; и др.

дующие сведения: порядковый номер, «Когда венчаны» (иногда эта графа называлась «Месяцы и числа»), в третьей графе содержалась персональная информация о венчавшихся. В четвертую графу, не предусмотренную формами 1724 г. и носившую название «Кто именно исправлял требы», записывались клирики, венчавшие брак¹. Наличие этого столбца, как и в первой части метрик, исключало наличие росписей церковного причта после каждой записи.

Из семи необходимых граф третьей части метрических книг расчерчивались шесть: в первой указывалась дата смерти, во второй – порядковый номер, в третью графу заносились сведения об умершем, в четвертую – возраст умершего (с разделением по полу). Пятая графа – «Кто от какой болезни помер» или «Какою болезнью одержимы были» – фиксировала причину смерти. Шестой столбец – «Кто именно исправлял требы» – хоть и соответствовал графе «Кем исповеданы и приобщены были», тем не менее, заполнялся постольку, поскольку исключал наличие росписей церковного причта после каждой записи. Отсутствовала единственная графа, фиксировавшая данные о месте погребения².

Можно прийти к выводу, что духовенство в это время следовало установленным формам графления в тех же границах, что и в конце XVIII в. В метрических книгах отсутствовали только две графы: в части «О бракосочетавшихся» – «Кто были поручители», а в части «О умерших» не расчерчивался столбец под сведения о месте погребения.

Определенные изменения в ведении метрических книг Барнаула произошли в 1807 г. Каких-либо новых форм введено не было. Однако с этого времени священнослужители стали вести метрики точно по установленному формуляру 1724 г.: были добавлены недостающие графы и приведены названия в соответствии со стандартом. Можно констатировать, что основное назначение закона 1806 г. – соблюдение правил ведения метри-

¹ См. например: ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 511. Л. 237-240; ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 522. Л. 16-17; и др.

² См. например: ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 522. Л. 17-18; ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 510. Л. 32-33; и др.

ческих книг. Соответственно, для улучшения качества ведения метрической документации подобный способ воздействия на священнослужителей явился действенным.

Как уже отмечалось, в 1831 г. форма метрических книг подверглась небольшим изменениям, а в 1838 г. она была существенно расширена. На сегодняшний день обстоятельный анализ новых форм и порядка ведения метрических книг в научной литературе уже сделан, поэтому ограничимся наблюдениями о соблюдении барнаульским клиром установленных форм.

Введенные 28 февраля 1831 г. формы метрик стали применяться только с 1832 г., в то время как утвержденные Сенатским указом от 7 февраля 1838 г. новые формы графления источника начали использоваться уже с апреля этого же года. Разница в сроках исполнения законов может объясняться тем, что один (первый) указ был Синодским, а второй – Сенатским. Не исключена также возможность роста значения правовой функции источника. С 1835 г. епархиальные начальства получили право на выдачу свидетельств «по всем случаям, в каких оные могут быть испрашиваемы»¹, последние, как известно, «должны быть не иное что, как выпись слово в слово известной статьи метрической книги без перемены и упущения»². Соответственно, «начальственные места» могли требовать свидетельства по новым формам.

Проведенное сравнение форм метрических книг 1831 г. и 1838 г. с практикой графления источников барнаульскими священнослужителями показало, что искажения формуляра были минимальны. По ряду причин только к этому времени сложилась практика ведения метрического учета в соответствии с законодательством. Среди причин можно назвать:

– существенное влияние оказали указы Синода, требующие соблюдения правил ведения метрических книг. По данным С. А. Новосельского, они издавались в 1779, 1802, 1812, 1824, 1838, 1886, 1889, 1890 гг. [16, с. 42]

– сложилась система проверки метрических книг благочинными церковей: последние с 1779 г. были обязаны «строго

¹ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. № 1575.

² СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. № 1579.

рассматривать все статьи метрических книг за каждую половину года»¹. Следует отметить, что основная масса замечаний благочинных XIX в. по барнаульским церквям не затрагивала правил графления метрических книг, поскольку формы расчерчивались верно. При достаточно критической проверке источников замечания касались ошибок в ведении записей. Например, «книга была освидетельствована, причем усмотрено, что написанные под №9 м.п. и 108 м.п. похоронены без полицейского удостоверения; младенец Галина в первой части метрики под №28 записана дочерью Семипалатинского мещанина Туева, а в 3 части под №18 дочерью неизвестного родителя, чем это объяснить? В третьей части под №107 м.п. не показана причина смерти; в 1 части родившихся под № 128 ж.п. крещенный новый младенец назван «Милицей»; имени этого я не нашел ни в дальнейших святцах ни в календаре (?): чем руководствовался о И. Попов дав такое имя, прошу объяснить. Благочинный Протоиерей Ан. Завадовский»².

– в 1806 г. были введены типографские бланки метрических книг (первоначально для консисторских экземпляров)³, которые ежегодно заказывались священнослужителями через своих благочинных в консисториях. Это нововведение исключало искажение формуляра. Однако на практике ручная форма графления приходских экземпляров бытовала долгое время. К примеру, по данным на 1858 г., из трех барнаульских церквей только священнослужители Одигитриевской церкви начали вести отчетную документацию на типографских бланках⁴. Возможно, это было результатом того, что здесь церковными старостами были купцы, делавшие крупные пожертвования на нужды церкви. Остальные церкви продолжали расчерчивать метрики вручную вплоть до последней трети XIX в. Достаточно часто в XIX – начале XX вв. встречалась также ситуация, когда из-за нехватки печатных бланков (мало заказали) клирики вынуждены были вручную расчерчивать и вставлять в метриче-

¹ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. № 1572.

² ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 941. Л. 153.

³ ПСЗ I. Т. XXIX. №2218.

⁴ ПСЗ I. Т. XXIX. №2218.

ские книги новые листы. В таких случаях в конце дополненных частей метрик благочинным после проверки ставилась надпись «Итого в ... части настоящей метрической книги вновь пришитых, пронумерованных и по шнуру припечатанных листов два (2)»¹. После чего ставились подпись и печать. Однако и это отступление от нормы в начале XIX в. стало жестко контролироваться со стороны церковного начальства. В частности, Томская Духовная консистория в 1908 г. предписала благочинным «самым тщательным образом следить за тем, чтобы причты все церковные документы вели исключительно на бланках Синодальной типографии ... при заказе метрических и исповедных книг иметь в виду возможность прироста населения и поэтому заказывать книги с таким расчетом, чтобы в них имелись запасные листы; при недостатке листов в выписанных от консистории книгах – своевременно требовать дополнительные к ним тетради, никаких же листов самим не скреплять, отнюдь не допускать ведения клировых ведомостей на простой бумаге»²;

– в XIX в. востребованность информации источника стала выше. Определяющей здесь, на наш взгляд, была правовая функция, возрастание роли которой и привело к необходимости выработки новых форм метрических книг 1838 г. С первой трети XIX в. возрастает роль метрических книг в сфере административных и гражданских правоотношений. Метрические книги, фиксируя юридические факты (событие – рождение и смерть, действие – вступление в брак), «получили право» с 1835 г. подтверждать регистрируемый ими юридический факт. Указом Святейшего Синода от 7 сентября 1835 г. было «постановлено: по распространению новейшими государственными постановлениями потребностей на метрические свидетельства, разрешить епархиальные начальства на выдачу оных по всем случаям, в каких оные могут быть испрашиваемые»³.

Выдача свидетельств в некоторых случаях была поставлена на «широкие государственные рельсы». Так, первоначаль-

¹ ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 813. Л. 163

² ГААК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 50. Л. 47.

³ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. № 1575.

но выдача справок рекрутам была оговорена в случаях, обозначенных в Уставе Рекрутском (ст.195), и закреплена законом от 28.02.1844, затем «Сводом законов о состояниях»¹. С вступлением в силу «Закона о всеобщей воинской повинности» (1874 г.) обязанности священнослужителей расширились. Призыв в армию стал осуществляться на основании «посемейных списков», составляемых как по консисторским, так и по приходским экземплярам метрических книг [5, с. 60; 15, с. 21–22]. Городские управы нередко напоминали о необходимости получения таких списков: «Городская Управа просит Причт не оставить присылкою метрической выписи о всех родившихся мужского пола мещанах г. Барнаула, за время с 1 октября 1888 г. по 1 октября 1889 г.»².

Как отмечают исследователи, сословные различия сохранялись в армии и в пореформенное время [17, с. 281]. Следует сказать, что уже при составлении «посемейных списков» учитывалось социальное положение призывников. Об этом свидетельствуют как статьи «Устава о воинской повинности» (113 ст.)³, так и переписка учреждений, составляющих призывные списки по отбыванию воинской повинности, с причтами церковей. Например: «Городская Управа просит причт: на будущее время о лицах родившихся в привилегированном сословии, для призыва, метрические выписи сообщать Присутствию по воинской повинности отдельно от ... мещанского и крестьянского сословия»⁴.

Возраставшая востребованность данных метрических книг приводила к необходимости более тщательной проверки вносимой в источники информации. Этому способствовала и возрастающая ответственность приходских священнослужителей, в отношении которых применялось все больше карательных мер. Так, относительно поздним нововведением (1909 г.) в этом случае можно назвать штрафы по пять рублей за первый раз, затем более строгую ответственность за неразыскание причтом по метрическим книгам церковного архива лица, подлежащего от-

¹ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. № 1581.

² ГААК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 50. Л. 50.

³ ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 52.

⁴ ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 52.

быванию воинской повинности, в случае если таковое в последствии будет найдено по метрикам Консистерского архива¹.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении второй половины XVIII в. духовенство Барнаула не полностью следовало установленной форме графления метрических книг. Однако к концу XVIII в. разночтений с законодательно закрепленным образцом становилось меньше. К этому времени в части «О родившихся» фиксируются уже все необходимые графы, в части «О бракосочетавшихся» не указывались только данные о поручителях жениха и невесты, в книге «О умерших» отсутствовали сведения о месте погребения. Такая ситуация была обусловлена меньшей востребованностью информации источника в сфере административных и гражданских правоотношений (чем в последующее время) и тем, что в XVIII в. система контроля за процессом ведения метрических книг проходила этап становления и слабо влияла на процесс создания источника.

Изменения в ведении метрических книг Барнаула произошли к началу XIX в., в частности, после принятия закона 1806 г. о соблюдении правил ведения метрических книг. В первой четверти XIX в. ошибки в графлении источников сведены к минимуму. Увеличение значения правовой функции послужило одним из важных факторов, заставивших первоначально законодателей изменить форму графления источника для облегчения последующего визуального доступа к информации и использования ее в последующем документообороте, а затем жестко контролировать следование установленным формам. Хотя современниками отмечалось, что «форма эта требует значительных проволочек и хлопот, обременительных для духовенства и отчасти даже бесполезных» [18, с. 61]. Возраставшая востребованность в данных метрических книг приводила к необходимости более тщательной проверки вносимой в источники информации и способствовала увеличению ответственности приходских священнослужителей за качество вносимой информации.

¹ ГААК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 50. Л. 63-63об

Список литературы

1. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Л., 1990. – 270 с.
2. Миронов, Б. Н. О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII – начала XX вв.: Россия в XIX – начале XX вв. / Б. Н. Миронов. – СПб., 1998. С. 41–47.
3. Носевич, В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе/ В. Л. Носевич. – Минск, 2004. – 350с.
4. Кащенко, С. Г. Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX века. Историко-демографические очерки / С. Г. Кащенко, М. А.Маркова. – Брянск, 2013. – 200 с.
5. Елпатьевский, А. В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время). Актовое источниковедение / А. В. Елпатьевский. – М., 1979. С. 55–84.
6. Антонов, Д. Н. Метрические книги России XVIII – начала XX вв./ Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. – М., 2006. – 385 с.
7. Конькова, А. Ю. Законодательство Российской Империи о составлении и оформлении метрических книг. Государство и право / А. Ю. Конькова. – М., 2000. № 11. С. 81–88.
8. Белькова, А. Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления: концептосфера, субтекстовый состав / А. Е. Белькова. – Нижневартовск, 2014. – 176 с.
9. Разумов, С. А. Эволюция формуляра метрических книг в XVIII – начале XX в. / С. А. Разумов// Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – СПб, 2015. Вып. 1. Том 4. С. 7–11.
10. Ивонин, А. Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в.: опыт историко-демографического исследования / А. Р. Ивонин. –Барнаул, 2000. – 337с.
11. Скубневский, В. А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика / В. А. Скубневский., Ю. М.Гончаров. – Барнаул, 2003. – 360 с.
12. Владимиров, В. Н. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.)/ В. Н. Владимиров, Д. Е. Сарафанов. – Барнаул, 2013. – 114 с.

13. Шмидт, С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. – М., 1997. – 612 с.

14. Антонов, Д. Н. Метрические книги: время собирать камни. / Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. // Отечественные архивы – М., 1996. №5. С. 26–39.

15. Антонов, Д. Н. Метрические книги: время собирать камни. / Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. // Отечественные архивы – М., 1996. №4. С. 15–28.

16. Новосельский, С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. / С. А. Новосельский. – Петроград, 1916. – 207 с.

17. История России XIX – начала XX в.: учеб. Пособие для исторических факультетов университетов/ под. ред. В. А. Федорова. – М., 1998. – 751 с.

18. Бушен, А. – Об устройстве источников статистики населения в России. / А. Бушен. – СПб., 1864. – 122 с.

**ДУХОВНЫЕ РОСПИСИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ
(НА ПРИМЕРЕ БЕМЫШЕВСКОГО ЗАВОДА
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.)**

Статья анализирует типологию домохозяйств горнозаводского населения конца XVIII – начала XIX в. на примере крепостных крестьян Бемышевского медеплавильного завода Елабужского уезда Вятской губернии. Источниковой базой исследования послужили отдельные духовные росписи (исповедные ведомости) за 1799, 1811, 1820, 1830 гг. Рассматриваемые документы позволили выявить половозрастной баланс населения, количество семей, их поколенный и родственный состав, число супружеских пар, провести сопоставление возрастов супругов, определить процент жителей, состоявших в браке, долю неполных семей. По результатам исследования были сделаны выводы, что духовные росписи характеризуют демографическую ситуацию в рабочем поселке, отличавшуюся превалированием молодежи и лиц трудоспособного возраста, отражают изменения структуры домохозяйств в рамках жизненного цикла семьи (разрастание малых семей до расширенных и сложных), позволяют выявить традиционный тип воспроизводства (высокие уровни рождаемости и смертности, особенно в детском возрасте) и перевес женщин в структуре заводского общества вследствие повышенной смертности мужчин.

Ключевые слова: *Вятская губерния, Бемышевский завод, горнозаводское население, духовные росписи, структура домохозяйств.*

Духовные росписи, или исповедные ведомости представляют собой посемейные списки православных прихожан, составлявшиеся приходским духовенством, с отметками бывших на

исповеди и уклонившихся от нее. Данная документация была введена в Российской империи указом Петра I от 17 февраля 1718 г. с целью выявления раскольников для их налогообложения. В качестве исторического источника для изучения типологии и состава домохозяйств духовные росписи представляют большой интерес, поскольку содержат сведения о количестве дворов, численности жителей мужского и женского пола в каждом селении прихода, включают фамилии и имена глав семей и их членов, указывают степень родства и возраст [1, с. 29]. В то же время в исповедных ведомостях, как правило, не регистрировались младенцы в возрасте до одного года (в некоторых документах – до полугода), то есть в действительности людность и структура домохозяйств могли быть несколько больше и сложнее указанных. Кроме того, в текстах встречается различное написание фамилий, ошибочная фиксация возраста домочадцев (расхождения особенно заметны при изучении генеалогии или жизненного цикла семьи), старообрядцы показывались отдельно от своих семей. Но, несмотря на ряд недостатков, исповедные ведомости, составлявшиеся ежегодно, помогают проследить изменения родственной и поколенной структуры семейств в периоды между ревизиями.

В качестве примера можно рассмотреть отдельные духовные росписи рабочих (крепостных заводских крестьян) Бемышевского медеплавильного завода Елабужского уезда Вятской губернии конца XVIII – начала XIX в. (за 1799, 1811, 1820, 1830 гг.). В изучаемый период жители промышленного поселка относились к приходу православной Свято-Троицкой церкви с. Куваки. Большая часть прихожан не принадлежала к горнозаводскому населению: это были главным образом ясачные, экономические крестьяне и «новокрещены» ближайших сельских населенных пунктов. Непосредственно в Бемышевском заводе духовенством были зафиксированы семьи военнослужащих (в 1799 и 1811 гг. к ним отнесено всего одно домохозяйство – заводовладельца, секунд-майора Е. А. Лебедева, а в 1820 и 1830 гг. – отставные солдаты и солдатки с детьми), приказчика – мещанина г. Балахна Нижегородской губернии, дворовых людей и крепостных заводских крестьян Е. А. Лебедева¹.

¹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 72. Оп. 1. Д. 25. Л. 38об.–49об.; Д. 26. Л. 185–214, 641об.–655об.; Д. 27. Л. 376об.–399.

Рассматриваемые в статье духовные росписи позволяют проанализировать половозрастной баланс крестьянского населения, выявить количество семей, их поколенный и родственный состав, число супружеских пар, людность домохозяйств, провести сопоставление возрастов супругов, определить процент жителей, состоявших в браке, долю неполных семей.

Прежде всего документы отражают половозрастную структуру семей. Но следует обратить внимание, что в 1799 и 1820 гг. в ведомостях не регистрировались дети младше одного года, в 1830 г. отмечались шестимесячные младенцы, а в 1811 г. – даже новорожденные в возрасте одного месяца (табл. 1).

Таблица 1

**Половозрастной состав семей крепостных крестьян
Бемышевского завода по данным духовных росписей
конца XVIII – начала XIX в.**

Возраст	1799 г.		1811 г.		1820 г.		1830 г.	
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
До 1 г.	Нет данных	Нет данных	13 (2,5 %)	16 (3,0 %)	Нет данных	Нет данных	9 (1,2 %)	4 (0,5 %)
1–4	7 (1,7%)	4 (0,9%)	48 (9,2)	62 (11,6%)	61 (11,0%)	55 (10,0%)	116 (15,9%)	119 (16,0%)
5–9	44 (10,5%)	27 (5,9%)	76 (14,5%)	78 (14,6%)	75 (13,6%)	62 (11,2%)	110 (15,1%)	112 (15,1%)
10–14	57 (13,5%)	56 (12,3%)	69 (13,2%)	52 (9,8%)	72 (13,0%)	71 (12,9%)	77 (10,6%)	80 (10,8%)
15–24	98 (23,3%)	116 (25,4%)	117 (22,4%)	93 (17,5%)	124 (22,4%)	113 (20,5%)	131 (18,0%)	124 (16,7%)
25–44	105 (24,9%)	132 (29,0%)	108 (20,7%)	142 (26,6%)	127 (23,0%)	153 (27,8%)	178 (24,5%)	181 (24,4%)
45–59	70 (16,6%)	74 (16,2%)	57 (10,9%)	65 (12,2%)	55 (9,9%)	68 (12,3%)	72 (9,9%)	81 (10,9%)
60–74	32 (7,6%)	36 (7,9%)	29 (5,5%)	24 (4,5%)	32 (5,8%)	24 (4,4%)	29 (4,0%)	39 (5,2%)
75–89	8 (1,9%)	10 (2,2%)	6 (1,1%)	1(0,2%)	7 (1,3%)	5 (0,9%)	6 (0,8%)	3 (0,4%)
Свыше 90	–	1 (0,2 %)	–	–	–	–	–	–
Итого	421 (100,0%)	456 (100,0%)	523* (100,0%)	533* (100,0%)	553 (100,0%)	551* (100,0%)	728* (100,0%)	743* (100,0%)

* Не указан возраст: в 1811 г. – у 2 чел. м.п. и 3 чел. ж.п., в 1820 г. – у 1 чел. ж.п., в 1830 г. – у 1 чел. м.п. и 1 чел. ж.п.

Источник: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 25. Л. 38об.–49об.; Д. 26. Л. 185–214, 641об.–655об.; Д. 27. Л. 376об.–399.

Если принять за основу следующую классификацию возрастов (16–24 года – юность, 25–44 – зрелость и 45–59 – поздняя зрелость, 60–75 – пожилые, более 75 лет – старики, свыше 90 лет – долгожители [2, с. 123]), то будет заметно, что общая демографическая ситуация в промышленном поселке, даже с учетом отсутствия сведений о младенцах, отличалась заметной долей молодежи. Более полные духовные росписи за 1811 и 1830 г. показывают, что дети и подростки до 14 лет насчитывали в среднем 39,0–42,0 % жителей (табл. 1). Тем не менее основную массу обывателей Бемьшевского завода составляло зрелое трудоспособное население, занятое в промышленном производстве (мужчины) или домашнем хозяйстве (женщины). Процент лиц пожилого и особенно старческого возрастов был небольшим, что может говорить о невысокой продолжительности жизни вследствие значительного уровня смертности, преимущественно детской. В частности, метрические книги Свято-Троицкой церкви с. Куваки свидетельствуют, что в заводе в 1799 г. младенцы до одного года насчитывали 50,0 % умерших мужского пола, в 1820 г. – 70,0 % скончавшихся мужского пола и 30,8 % – женского, в 1830 г. – 33,3 и 44,4 % соответственно [3, с. 255-277].

Анализ заводского крестьянского населения по признаку пола показал некоторое превышение численности женщин (кроме 1820 г.). При этом с повышением возраста баланс полов заметно менялся, и чаще всего в исследованные годы перевес женской доли наблюдался в зрелом возрасте (табл. 1). Подобная ситуация была свойственна многим поселениям при металлургических предприятиях горного ведомства. Согласно исследованию С. В. Голиковой, на Урале превышение «женского населения над мужским выступало в качестве долговременной тенденции демографического развития уже с конца XVIII в.» [4, с. 115]. Нарушение гендерного баланса было связано главным образом с повышенной смертностью мужчин вследствие их занятости на тяжелой заводской работе.

В 1799 г. в Бемьшевском заводе числились 116 семей крепостных заводских крестьян Е. А. Лебедева, в 1811 г. – 168, в 1820 г. – 188, в 1830 г. – 216. Размер семьи в среднем составлял от 7,6 чел. (1799 г.) до 5,9 чел. (1820 г.), а более подробно показан в табл. 2.

Таблица 2

**Размер семьи крепостных крестьян Бемышевского завода по
данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.**

Число человек в семье	Количество семей			
	1799 г.	1811 г.	1820 г.	1830 г.
1	–	3 (1,8 %)	4 (2,1 %)	2 (0,9 %)
2	7 (6,0 %)	3 (1,8 %)	12 (6,4 %)	7 (3,2 %)
3	6 (5,2 %)	21 (12,5 %)	20 (10,6 %)	18 (8,3 %)
4	12 (10,3 %)	18 (10,7 %)	22 (11,7 %)	21 (9,7 %)
5	14 (12,1 %)	28 (16,7 %)	27 (14,4 %)	32 (14,8 %)
6	17 (14,7 %)	21 (12,5 %)	33 (17,6 %)	28 (13,0 %)
7	11 (9,5 %)	27 (16,1 %)	25 (13,3 %)	27 (12,5 %)
8	8 (6,9 %)	17 (10,1 %)	16 (8,5 %)	23 (10,6 %)
9	9 (7,8 %)	13 (7,7 %)	12 (6,4 %)	19 (8,8 %)
10	11 (9,5 %)	6 (3,6 %)	8 (4,3 %)	15 (6,9 %)
11	8 (6,9 %)	3 (1,8 %)	5 (2,7 %)	11 (5,1 %)
12	2 (1,7 %)	3 (1,8 %)	2 (1,1 %)	5 (2,3 %)
13	3 (2,6 %)	–	2 (1,1 %)	4 (1,9 %)
14	–	1 (0,6 %)	–	1 (0,5 %)
15	3 (2,6 %)	2 (1,2 %)	–	1 (0,5 %)
17	1 (0,9 %)	1 (0,6 %)	–	1 (0,5 %)
18	–	–	–	1 (0,5 %)
19	2 (1,7 %)	1 (0,6 %)	–	–
20	1 (0,9 %)	–	–	–
22	1 (0,9 %)	–	–	–
Итого*	116 (100,2 %)	168 (100,1 %)	188 (100,2 %)	216 (100,0 %)

* Сумма может быть более 100,0 % вследствие округления чисел до десятой доли.

Источник: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 25. Л. 38об.–49об.; Д. 26. Л. 185–214, 641об.–655об.; Д. 27. Л. 376об.–399.

Следует отметить, что в некоторых дворах проживали по две–три семьи. Если в духовной росписи 1799 г. номера дворов не были указаны, то по ведомости 1811 г. бемышевским крестьянам принадлежало 115 дворов (№№ 9–124), в 1820 г. – 153 (№№ 8–161), в 1830 г. – 184 (№№ 7–191).

Таким образом, средний размер двора превышал размер семьи и насчитывал в изучаемые годы 9,2 чел. (1811 г.), 7,2 чел. (1820 г.) и 8,0 чел. (1830 г.). Далее духовные росписи позволили проанализировать типологию семей крепостных крестьян. По характеру родства было выделено несколько типов домохозяйств жителей промышленного поселка (табл. 3).

Согласно материалам исповедных ведомостей, в конце XVIII – начале XIX в. в Бемьшевском заводе преобладали сложные семьи (основной вид – родители с детьми и внуками). Второе по численности место занимали малые домохозяйства, включавшие два варианта родственных отношений: супружеские пары и супругов с детьми, несовершеннолетними или еще не вступившими в матримониальные отношения. В начале XIX в. (1811, 1820 гг.) доля малых семей постепенно увеличивается, в основном за счет сокращения числа сложных. Промежуточное положение между малыми и сложными занимали расширенные семьи в составе родителей, детей и иных родственников (братьев и сестер главы домохозяйства, снох, реже зятьев, племянников) (табл. 3).

По числу поколений были выделены одно-, двух-, трех- и четырехпоколенные семьи. Данные табл. 4 свидетельствуют, что у бемьшевских крестьян преобладали двухпоколенные семейства, на втором по распространенности месте находились трехпоколенные (за исключением 1799 г.); реже всего зафиксировано совместное проживание четырех поколений.

Доля неполных семей (где по причине смерти отсутствовал один из родителей, в основном в первом или втором поколениях) была довольно высокой. В документах 1799 г. было выявлено 49 (42,2 %) таких домохозяйств, в 1811 г. – 59 (35,1 %), в 1820 г. – 66 (35,1 %), в 1830 г. – 63 (29,2 %). При этом число вдов превышало число мужчин, оставшихся без хозяйки. Например, в 1830 г. у бемьшевских крестьян было зафиксировано 50 вдов (в возрасте от 24 до 86 лет, средний возраст 55,4 лет) и 15 вдовцов (от 45 до 80 лет, средний возраст 68,6 лет), следовательно, одиноких женщин насчитывалось больше, чем одиноких мужчин, и средний возраст вдов был ниже, чем вдовцов (то есть женщины вдовели раньше и чаще вследствие повышенной мужской смертности).

**Родственный состав семей крепостных крестьян Бемьшевского завода
по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.**

Типы семей	1799 г.	1811 г.	1820 г.	1830 г.
Одинокие	–	3 (1,8 %)	4 (2,1 %)	2 (0,9 %)
Малые, в т.ч.:				
Малые, в т.ч.:	21 (18,1 %)	57 (33,9 %)	73 (38,8 %)	81 (37,5 %)
Супружеские пары	5 (4,3 %)	3 (1,8 %)	7 (3,7 %)	5 (2,3 %)
Родители с детьми	16 (13,8 %)	54 (32,1 %)	66 (35,1 %)	76 (35,2 %)
Расширенные, в т.ч.:				
Расширенные, в т.ч.:	23 (19,8 %)	35 (20,9 %)	33 (17,6 %)	20 (9,3 %)
Родители – дети + снохи/зятя	20 (17,2 %)	30 (17,9 %)	26 (13,8 %)	20 (9,3 %)
Родители – дети + братья/сестры главы семьи	3 (2,6 %)	4 (2,4 %)	5 (2,7 %)	–
Родители – дети + племянники	–	1 (0,6 %)	2 (1,1 %)	–
Сложные, в т.ч.:				
Сложные, в т.ч.:	72 (62,1 %)	73 (43,5 %)	76 (40,4 %)	112 (51,8 %)
Родители – дети – внуки (в т.ч. женатые)	56 (48,3 %)	63 (37,5 %)	66 (35,1 %)	94 (43,5 %)
Родители – дети – внуки – правнуки	3 (2,6 %)	2 (1,2 %)	3 (1,6 %)	5 (2,3 %)
Родители – дети – внуки + брат/сестра (или сноха – вдова брата)	–	–	2 (1,1 %)	2 (0,9 %)
Супружеская пара (или один из супругов) + женатый племянник с детьми	–	–	–	2 (0,9 %)
Родители – дети – внуки + племянник	1 (0,9 %)	–	1 (0,5 %)	–
Дед + внуки	–	–	–	1 (0,5 %)
Дед + женатый внук и правнуки	–	–	1 (0,5 %)	1 (0,5 %)
Братские двухпоколенные (женатые)	8 (6,9 %)	3 (1,8 %)	3 (1,6 %)	7 (3,2 %)
Братские трехпоколенные (женатые)	–	–	–	–
Братья или вдова брата, с детьми и внуками)	4 (3,4 %)	5 (3,0 %)	–	–
Прочие, в т.ч.:	–	–	2 (1,0 %)	1 (0,5 %)
Супружеская пара + брат главы семьи	–	–	1 (0,5 %)	–
Супружеская пара + племянник	–	–	1 (0,5 %)	1 (0,5 %)
Итого*	116 (100,0 %)	168 (100,1 %)	188 (99,9 %)	216 (100,0 %)

* Сумма может быть более или менее 100,0 % вследствие округления чисел до десятой доли.
Источник: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 25. Л. 380б.–490б.; Д. 26. Л. 185–214, 6410б.–6550б.; Д. 27. Л. 3760б.–399.

Таблица 4

**Поколенная структура семей крепостных крестьян
Бемышевского завода по данным духовных росписей конца
XVIII – начала XIX в.**

Число поколений	1799 г.	1811 г.	1820 г.	1830 г.
1	5 (4,3 %)	6 (3,6 %)	12 (6,4 %)	7 (3,2 %)
2	47 (40,5 %)	92 (54,8 %)	103 (54,8 %)	105 (48,6 %)
3	61 (52,6 %)	68 (40,5 %)	70 (37,2 %)	99 (45,8 %)
4	3 (2,6 %)	2 (1,2 %)	3 (1,6 %)	5 (2,3 %)
Итого*	116 (100,0 %)	168 (100,1 %)	188 (100,0 %)	216 (99,9 %)

* Сумма может быть более или менее 100,0 % вследствие округления чисел до десятой доли.

Источник: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 25. Л. 38об.–49об.; Д. 26. Л. 185–214, 641об.–655об.; Д. 27. Л. 376об.–399.

По числу супружеств семьи распределялись следующим образом: преобладали домохозяйства, включавшие по одной супружеской паре, на втором по численности месте находились семьи с двумя матримониальными союзами (табл. 5).

Согласно выполненным расчетам, в 1799–1830 гг. в среднем на 100 жителей приходилось 22,1–24,2 брачных союза. В большинстве супружеских пар муж традиционно был старше жены. При этом преобладала небольшая разница в возрасте (до трех лет), которая, тем не менее, в отдельных случаях, при повторных венчаниях, могла достигать заметной величины (до 20 лет).

Таким образом, необходимо отметить, что духовные росписи, несмотря на ряд недостатков (неполную фиксацию младенцев, номеров дворов, возраста домочадцев и т. д.), могут быть привлечены в качестве исторического источника в ходе изучения типологии семьи. С помощью данных документов можно исследовать половозрастной баланс населения, изменение числа семей, поколенного и родственного состава, людности, соотношение воз-

**Число супружеских пар в семьях крепостных крестьян
Бемышевского завода по данным духовных росписей
конца XVIII – начала XIX в.**

Число пар в семье	1799 г.	1811 г.	1820 г.	1830 г.
0	2 (1,7 %)	14 (8,3 %)	16 (8,5 %)	12 (5,6 %)
1	47 (40,5 %)	91 (54,2 %)	110 (58,5 %)	107 (49,5 %)
2	42 (36,2 %)	50 (29,8 %)	46 (24,5 %)	66 (30,6 %)
3	20 (17,2 %)	11 (6,5 %)	15 (8,0 %)	25 (11,6 %)
4	4 (3,5 %)	–	1 (0,5 %)	6 (2,8 %)
5	1 (0,9 %)	2 (1,2 %)	–	–
Итого*	116 (100,0 %)	168 (100,0 %)	188 (100,0 %)	216 (100,1 %)

* Сумма может быть более 100,0 % вследствие округления чисел до десятой доли.

Источник: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 25. Л. 38об.–49об.; Д. 26. Л. 185–214, 641об.–655об.; Д. 27. Л. 376об.–399.

растов супругов и т. д. В частности, рассматриваемые в статье исповедные ведомости позволили проанализировать демографическую ситуацию в среде крепостных крестьян Бемышевского завода конца XVIII – начала XIX вв. Удалось выявить превалирование в промышленном поселке лиц трудоспособного возраста и молодежи и малую долю жителей пожилого и старческого возрастов, что подтверждает наличие в изучаемый период традиционного типа воспроизводства, отличавшегося высокими уровнями рождаемости и смертности, особенно детской. Существенный процент неполных семей и перевес женщин в структуре заводского общества также говорит о значительной мужской смертности среди рабочих (крестьян) завода. Трансформация типологии домохозяйств по документам 1799–1830 гг. происходила в рамках жизненного цикла семьи – разрастания малых семей до расширенных и сложных и нового небольшого их сокращения вследствие выдачи повзрослевших дочерей замуж и отделения сыновей. Но в целом в изучаемый

период, по данным духовных росписей, в промышленном поселке преобладали сложные неразделенные семьи, двух- и трехпоколенные, преимущественно с одной или двумя супружескими парами, состоящие большей частью из пяти – семи человек (хотя в некоторых случаях размеры домохозяйств могли быть весьма значительными, особенно если иметь в виду неучтенных младенцев).

Список литературы

1. Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. – Ижевск, 2000. – 480 с.
2. Мотревич, В.П. Историческая демография России: учеб. пособие / В. П. Мотревич. – Екатеринбург, 2000. – 168 с.
3. Васина, Т. А. Демографические процессы в горнозаводских округах Камско-Вятского региона (конец XVIII – XIX в.): монография / Т. А. Васина. – Ижевск, 2014. – 300 с.
4. Голикова, С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции / С. В. Голикова. – Екатеринбург, 2001. – 196 с.

УДК 314.02

В. А. Зверев
E-mail: sosna232@yandex.ru

**ВОСПОМИНАНИЯ ДВУХ СЕСТЕР.
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА АЛТАЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX В.***

** Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00109.*

Публикуются воспоминания З. А. Ковалёвой и М. А. Славгородской, урожденных Пономарёвых. Их рассказы по поручению автора публикации записаны в 1996 г. в г. Бердске Новосибирской обл. Исторический источник содержит сведения об объективной и субъективной сторонах миграционного, брачного, детородного, витального, смертельного поведения старожилов и новоселов Баевского района Алтайского края. Описываемые события происходят в благоприятные для крестьянства годы нэпа, в трагических обстоятельствах насильственной коллективизации, затем военных и послевоенных лет. Демографическое поведение погружено в мемуарах в контекст разнообразных проявлений сельского биосоциального образа жизни.

Ключевые слова: устная история, исторический источник, воспоминания, демографическое поведение, сельский образ жизни, сибирское крестьянство, переселенцы.

Демографическая история, будучи объектом изучения исторической демографии, определяется учеными как «органичная часть... процесса исторического развития человечества, отражающая изменения динамики численности и воспроизводства населения мира... его различных структур» [1, с. 207]. Сове-

менные историки хорошо понимают, что любая социальная динамика производна от более или менее сознательного поведения людей, представляющих наличное общество. В частности, изменения численности, типа и режима воспроизводства населения на глобальном, национальном, региональном, локальном уровнях всегда производны от демографического поведения населения той территории, которая представляет данный уровень.

Демографическое поведение людей можно определить как систему их взаимосвязанных действий, вольно или невольно направленных на изменение или сохранение своего демографического состояния, а также демографической ситуации в обществе. Субъекты демографического поведения – личность, группа, общество в целом – действуют в определенных природных, социальных и информационных условиях под их влиянием, но обычно на основе своих представлений о мире (менталитет) и своих программ поведения (культура). В демографии общеупотребительны для обозначения различных видов демографического поведения понятия брачного поведения (заключение и прекращение брачных отношений, регулирование семейной структуры); репродуктивного поведения (зачатие, вынашивание и рождение детей или избегание деторождения); витального поведения (забота о здоровье и физическом развитии или пренебрежение такой заботой); миграционного поведения (перемещение на другое постоянное место жительства). Поскольку воспроизводство населения невозможно описать и объяснить, не принимая во внимание феномена смертности, мне представляется необходимым ввести в научный оборот также специальный термин для обозначения подготовки людей к смерти и социокультурного оформления последней. Эту сферу жизненной активности в ряде своих трудов я именовал летальным поведением, но подходящим является и понятие мортальное поведение (от лат. *mortalis*).

Изучение демографического поведения личности, социальной группы, общества в целом применительно к России и ее регионам на различных этапах исторического развития представляется мне актуальной задачей историков-демографов. С методологической точки зрения, с учетом произошедшего в

исторической науке антропологического поворота и перспективностью субъектно-деятельностного подхода в истории, весьма правильным мне представляется исследование демографического поведения в тесной увязке с другими сферами жизненной активности людей. Хорошие возможности предоставляет, например, использование теоретического конструкта «биосоциальный образ жизни». Он предполагает рассмотрение демографического поведения как главного способа физического самовоспроизводства субъекта жизни (населения), занятого одновременно также своим социокультурным воспроизводством и общением, а также воспроизводством объективных условий своей жизни в процессе хозяйственной деятельности, общественной и познавательной активности (подробнее см.: [2, с. 7–9]).

Разумеется, такая работа, как и реализация любого другого крупного и относительно нового исследовательского проекта, предполагает выявление и сбор имеющихся исторических источников по теме, создание недостающих источников. В моей практике изучения демографического поведения крестьянства Сибири позднеимперского периода [2, с. 112–173] источниковедческая база, состоявшая из нескольких комплексов опубликованных и архивных письменных источников, была приращена записями рассказов мемуарного характера об индивидуальном и коллективном опыте физического и социокультурного возобновления поколений от сибиряков-долгожителей и их потомков.

«Современное общество страдает от гипермнезии (повышенной способности к запоминанию и воспроизведению информации. – В. З.) и продуцирует постмнемоническую культуру – культуру забвения», – утверждает британский исследователь П. Коннертон [3]. Мне представляется, что в России главной причиной «забывания» современным обществом подлинных обстоятельств и образа жизни крестьянства «в старое время» является не переизбыток информации об этом, а ее дефицит в наличных источниках. Эти источники имеют преимущественно официальное и подцензурное происхождение. Их комплекс нерепрезентативен еще и потому, что дает слабое представление о субъективной стороне деревенской жизни. Русские крестьяне долгое время

никому не решались честно рассказывать о том, как они выжили и воспринимали жизнь в трагических обстоятельствах XX столетия, а потом выяснилось, что мало кому эта информация и интересна. Поэтому источники личного происхождения бывают весьма немногочисленными и лапидарными.

Мемуары, повествующие о деревенской жизни в Западной Сибири первой половины XX в., стали публиковаться, по существу, только в постсоветский период (см.: [4; 5; 6 и др.]). В нашем регионе формируется практика регулярной записи и публикации устных рассказов сельских жителей об объективных обстоятельствах и формах их жизни «в старое время», их восприятию и оценке различных сторон жизни. Лидером в этой деятельности является барнаульская исследовательница Т.К. Щеглова, создавшая и одну из первых в стране научных монографий по устной истории крестьянства и сельского хозяйства [7]. Интересные материалы личного происхождения по той же тематике выявлены в семейных архивах земляков или записаны по рассказам сельчан студентами историко-педагогического факультета (ныне – Институт истории, гуманитарного и социального образования) Новосибирского государственного педагогического университета (далее – НГПУ) под моим руководством [8; 9; 10 и др.]. В силу моей научной специализации особое внимание в процессе записи и публикации устных источников личного происхождения я уделяю тем из них, которые содержат богатую информацию о демографическом поведении сельских жителей первой половины XX в.

В данном случае я представляю к изданию воспоминания двух жительниц г. Бердска Новосибирской области. Зоя Александровна Ковалёва и Мария Александровна Славгородская – родные сестры, их девичья фамилия – Пономарёвы. Обе женщины родились в пос. Курском Прослаухинского сельсовета Баевского района Алтайского края, Зоя – в 1940, Мария – в 1948 г. Большую часть взрослой жизни обе прожили в городах Новосибирске и Бердске, первая до выхода на пенсию трудилась техником-конструктором, вторая в период записи ее воспоминаний работала экономистом. Устные воспоминания двух дружных сестер об истории их семьи, о детстве и юных

годах в родных местах на Алтае были зафиксированы в 1996 г. в Бердске.

Запись осуществила по моему заданию студентка 2 курса историко-педагогического факультета Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ) Татьяна Евгеньевна Логинова. Студентка так описывает своих собеседниц, хорошо ей знакомых: «Внешне очень похожи. Черноволосые, круглолицые, глаза карие, брови, что называется, вразлет. Роста обе невысокого, телосложения плотного. Улыбаются озорно и по-молодому белозубо. Представить свои воспоминания для записи согласились охотно: по их словам, “время сейчас такое, что люди должны помнить и знать, как это было”». Для записи использовался магнитофон, затем Т. Е. Логиновой была осуществлена дословная письменная (от руки) расшифровка устного источника. Письменная версия воспоминаний хранится в коллекции историко-биографических материалов на кафедре отечественной и всеобщей истории НГПУ.

Интересующие нас объективные сведения о миграционном, брачном, детородном, витальном, смертельном поведении сибирского крестьянства и следы субъективного восприятия и оценивания деревенской средой явлений демографического характера погружены в мемуарах обеих сестер в континуум самых разнообразных проявлений биосоциального образа жизни. Люди переезжают из Курской губернии на Алтай, играют свадьбы или вступают в консенсуальный брак, рожают детей, борются с голодом за свою жизнь и за здоровье своих близких, хоронят – не обязательно старых, но и малых, и всё это на фоне тяжелого повседневного труда, межсемейного общения, стараясь приобщить детей к грамоте. Описываемые события происходят в относительно благоприятные годы нэпа, в трагических обстоятельствах насильственной коллективизации, затем военных и послевоенных лет. Субъектами самовоспроизводства жизни и объективных ее условий являются в данном случае деды и бабушки, родители, другие родственники мемуаристок, целые семейные ячейки, сообщества односельчан.

Компьютерный набор текста воспоминаний для настоящего издания осуществила студентка Института истории, гу-

манитарного и социального образования НГПУ Н. И. Гладкова. Мною была проведена небольшая грамматическая правка набранного текста, разбивка текста на абзацы. В примечаниях даны мои поправки обнаруженных фактических неточностей, разъяснения слов и выражений, непонятных большинству современных читателей. При этом сохранены все особенности словаря, авторского стиля и содержания устного по происхождению источника.

**«Маму сватали за богатого и конопатого»:
рассказ М.А. Славгородской.**

Моя мама, Пономарёва Анастасия Андреевна (в девичестве Мацнева), родилась 12 апреля 1916 года в селе Озерки Старооскольского уезда Курской области¹. Когда ей было пять лет, они оттуда приехали вместе со всей семьей – с мамой, папой; у нее были еще сестры Зина, Феша, Анна и брат Петр. Приехали на Алтай, в Баевский район, село Прослауха². Там в лесу сделали себе поселок и назвали его Курский. Папа, Пономарёв Александр Андреевич, с [19]13 года [рождения], 15 августа, тоже переселился сюда [из Курской губернии]. Они переселились вместе с мамой – ехали в одном поезде. Это был [19]22 год. В России³ тогда голод был страшный. Они вот после этого голода сюда все выехали.

По их рассказам, ехали они пять месяцев. И приехали уже осенью сюда в [19]22 году, уже снег начался. Построили они этот поселок, Курский. Там было домов 30, на одну сторону улица – домов 15, и на другую – 15. Место они выбрали себе хорошее, красивое. Там отводили им тогда место. Отвели, сказали: «Вот здесь вы будете селиться». Вот они сначала построили землянки, потом, на будущий год весной, уже стали строить дома. Они на этом поселке жили... ну, на войну папа с Курского уходил, значит, до [19]41 года поселок существовал. А потом, в [19]45-м, папа с вой-

¹ Правильно для 1916 г. – Курской губ. Ныне это с. Озерки, городской округ Старооскольский Белгородской обл.

² Правильный адрес для 1922 г. – с. Прослауха Баевской волости Каменского уезда Новониколаевской губ. Ныне – с. Прослауха Баевского р-на Алтайского края.

³ В России (здесь и далее) – так сибиряки по традиции называли европейскую часть страны.

ны приходил – сначала в Новосибирск приехал, потом вернулся в Курское. В [19]48 году я родилась, это еще тоже Курск был, а потом этот поселок... В [19]50-е годы его уже не было. Начали уже опять кто куда переселяться – кто в Прослауху, кто в Баево.

Вот когда они приехали в [19]22 году, землю дали всем по числу людей, кто там их сколько есть. Не помню, сколько уж земли причиталось, но земли хватало всем абсолютно. Мамин папа, дед Мацнев Матвей Васильевич, был, как говорят, на все руки мастер... У них была корова, и они имели лошадь, пахали они, всё делали, огород хороший был – мама помнит... Они еще и шили обувь, хомуты и сбрую на лошадях всем делали, корзины плели. А самое главное – что они на поселке читали Библию. Они грамотные были, и по выходным дням, по воскресеньям там все собирались, на поселке, и слушали.

Дедушка никогда не матерился. Был очень аккуратный. Я его помню. Роста он был небольшого, черная борода, такой всегда был аккуратный. Добрый был человек. Умер в [19]53 - год. В Плотаве¹ мы тогда жили.

Мамина мама, Мацнева Марфа Андреевна, была русая, с голубыми глазами. Но характер у нее был... Ох, можно сказать, жестокий. В отличие от дедушки. Если дедушка был, можно сказать, сама доброта, то эта – нет. Но, наверное, так и надо, так семья и создается. Я почему говорю, что характер... В общем, она же... она умерла в [19]63 году. Пережила вот дедушку на сколько. Я не помню, чтобы какие-то эти поступки были, но она же старенькая была. Я в 8 классе училась, когда она умерла. Нормально к нам она относилась. Я знаю, что она очень папу моего любила (зятя своего) и всё время говорила... Если мама начнет что-нибудь на папу говорить, она ей говорила: «Стюрка, Стюрка, что ж ты делаешь... А ты, Александра, ее не слушай».

Я потому говорю, что жестокий характер... Потому что рассказывали такую вот историю. Когда еще она была не замужем, она работала на помещика, там, где они жили, в [Европейской] России. Значит, они отработывали там, и вот она работала на помещика (назывался он у них «барин») в саду. Девушек всех

¹ Ныне с. Плотавы Баевского р-на Алтайского края.

собирали, и они в саду работали, а потом в 8 часов они должны были домой уходить, а псарь выпускал собак, и они охраняли всю эту усадьбу барскую. И вот как-то так получилось, что он перепутал время, и они еще не ушли домой, а он выпустил собак. И вот эти все девушки шли еще в это время, на них собаки кинулись. Все встали к амбару, прижались... Собаки на них кидаются, и бабушка другую девушку взяла, так прямо от амбара оторвала и вперед себя поставила, и ту собаки съели, а бабушка осталась жива.

Второй случай – вот когда дядя Петя женился (это мамин брат)... Да, мы тогда уже в Прослаухе жили. И вот приходит к нам незнакомая женщина. Очень красивая, статная, такая прям... русская. Красивая женщина какая, лет тогда ей было, может, 40–50, и принесла бабушке какой-то подарок. Бабушка плакала. Я потом стала спрашивать: «Кто это?». И мне рассказали, что дядя Петя в молодости дружил с этой женщиной, в деревне, когда на Курском еще жили, и хотел на ней жениться, а она была ему под стать, как говорят, – дяде Пете. Такая веселая, хорошая, и красивая внешне, но из бедной семьи. А бабушка захотела, чтобы дядя Петя женился, взял себе из богатой семьи. (Это были [19]32 или [19]30 годы). И вот дядя Петя никак не хотел жениться, как они говорят, на Нюрочке. И вот коней запрягли – ехать за невестой, вывели коней, а дядя Петя сел, поехал к этой, на которой он хотел жениться. А бабушка вышла, встала посреди дороги и говорит: «Вот через меня если переедешь, тогда езжай». Дядя Петя женился на Нюрочке, но так счастья у них и не было.

Дядю Петю взяли когда на войну, в [19]41 году... Он был командиром там каким-то (вот есть фотография). Он офицер какой-то был, каких-то инженерных войск. Он сначала в училище пошел, а жили они [с Нюрочкой] в Новосибирске. [В 1940-х годах папа с мамой и старшими детьми на время переселились в Новосибирск.] А дядя Петя был на войне, и Нюрочка очень плохо их встретила, не приветила их, ничего, потому что она, как бабушка говорила... «не любила она». Уж не знаю, кого не любила, но их точно она не любила. То, что они бедные были, а вот она за него вышла, должна была осчастливить, а ее дядя Петя не любил.

Вот так и маялись. И бабушка, когда стали оттуда [из Прослаухи в Новосибирск] уезжать, бабушка и сама говорила, что сказала: «Чтоб тебе им не владеть!» – дядей Петей. И потом всю жизнь говорила, что он из-за нее погиб. Потому что вот проклятие родителей самое страшное. Она не то что прокляла, а сказала «не владеть тебе», и дядя Петя погиб на войне. Но бабушка долго думала и говорила, что он где-то жив, просто не хочет возвращаться. Потому что он так и не полюбил ее [Нюрочку]. И она его не любила.

У мамы была сестра (мама у них была младшая в семье)... была сестра тетя Феша. Когда мы жили в Послаухе, она жила за 25 километров, в Баево. Тетя Феша, в отличие от мамы, была как-то другого склада характером. Мама всю жизнь, ну, вот кончила... умела читать, писать маленько, но всю жизнь работала. Физически работала. Книжки она не читала. Телевизор она только под старость стала смотреть. Радио там... А книжки она не читала вообще никакие никогда, она только работала, работала.

Пожились она с папой в [19]34 году. На Курском. И тоже маму сватали за другого. «За богатого и конопатого», как она говорила. Из Прослаухи приехали сватать ее. Ну, и сватают, что прочили там, за богатого. А мама папу любила. А дядя Петя еще с ними тогда жил, пришел к папе и говорит: «Что ж ты сидишь? Настю твою пропивают!¹ Если ты хочешь, чтобы вы были вместе, иди ее забирай, и живите без всякого... без благословения, без всего». И папа пошел и забрал ее. Вот так они и стали жить.

Мама сразу пошла работать на ферму. Поселок-то маленький был, там за огородами – ферма. Вот она работала там на ферме с [19]34 года и во время войны. Она дояркой все время работала, дояркой. Жили, конечно, очень тяжело. Вот когда папа на войну ушел, у мамы уже был сын Иван с [19]35 года и дочь Зоя с [19]40 года. Дедушка с бабушкой уже старенькие были. Так что маме одной приходилось все делать – заготавливать сено... Конечно, дедушка помогал, чем мог.

И вот она рассказывает один случай. На одну корову надо было на зиму заготовить 30 центнеров сена, а там овцы, а там ло-

¹ Пропивают – здесь – сватают или совершают помолвку в преддверии свадьбы.

шади, и все это надо было сделать. И вот зимой стало у них кончаться сено, и на Новый год поехали они с папиной сестрой воровать сено в Корнилово. Ночью поехали они. Вот это сено. Темно. Вдвоем. За 30 километров. По лесу. Приехали, сено набрали. Их могли там и убить, и волки съесть. Привезли воз сена каждой. А наутро приходит председатель и говорит: «Вот половину сена тебе, а половину – на ферму». А мама ему и говорит: «Да я тебя щас просто вилами заколю». Роста она небольшого, маленькая такая, а вот сила у нее какая-то была. И еще она ему сказала: «Если тебе как председателю надо, то надо было летом помнить. Или вот бери коней и едь – вору и на ферму привози. Что хочешь, то и делай». Какой-то вот такой у нее был характер. Она знала, что ей делать. Еще во время войны, мало того что она работала, ей еще надо было молоко собирать и возить в Прослауху, сдавать. Раньше был налог – вот у кого корова, на каждую корову, книжки пайские¹ заводили, яички надо было сдавать. Все это она делала.

Мама и папа говорили, что хорошо они жили, когда жили единолично. Работали только на себя, хватало всего, даже еще и продавали. Мясо и зерно возили в Корнилово и Камень.

А у папы семья была такая: [его] папа – Андрей Иванович [Пономарёв], высокий такой, рыжий, здоровый, как говорили; мама – Мария Федоровна – маленькая, черненькая. Лично я их не знаю, потому что они умерли до моего рождения. Сразу друг за дружкой. По рассказам, Мария Федоровна была рукодельницей. Очень хорошо ковры плела. Всегда все варила, в огороде всегда у нее все росло.

О жизни в Старооскольском уезде родители тоже вспоминали с теплотой. Андрей Иванович женился на Марии Федоровне против воли ее родителей. Потому что она была из богатой семьи, а Андрей Иванович – из бедной. Когда Андрей Иванович женился на Марии Федоровне, там, в Курской области, он пошел строить церковь. Ходили – строили и деревянные, и каменные церкви.

И вот построили они одну церковь. Еще не совсем, а до

¹ Книжки пайские – именные членские (кооперативные) книжки, в которых, в частности, указывались размеры обязательных паевых взносов.

половины, и был такой порядок: как до окон доделали, то святили. Вот попы святили, а люди приходили и кидали в эту церковь деньги, а потом попы деньги эти все собирали. А мастер, который руководил постройкой, посоветовал рабочим, чтобы доски на пол клали редко и прибивали большими гвоздями. И вот когда деньги-то набросали, то часть из них провалилась в щель под пол. И достать попам не удалось, и гвозди большие – [доски] не оторвать. А рабочие потом эти деньги и собрали, и разделили между собой. На эти деньги, приехав домой, Андрей Иванович построил дом, купил лошадь. После нескольких поездок он купил еще одну лошадь и немного земли.

Детей у Андрея Ивановича и Марии Федоровны [Пономарёвых] было вот сколько: Александр (папа мой), брат его Василий и дочери [Андрея Ивановича и Марии Федоровны] – Шура, Анна, Феша, Анисья и Наталья. А папа помнит своего дедушку Ивана Исаевича. «Жили мы, – говорит, – на речке Старый Оскол и всегда работали там». Иван Исаевич с отцом жены сына не особо-то роднился, так как тот вроде побогаче был, но, рыбы наловив, всегда давал Марии и говорил: «Ты Федорихе-то отнеси, пускай Федора покормит, а то с кем же я ругаться буду». Это уже когда получше жить стали. Когда дом уже построили. И зимой рыбачили. Ставили мордушки¹ и так ловили.

Вот когда они на Курский приехали... То, раз Андрей Иванович был плотник, то и поставили хороший, красивый, добротный дом. С полом² – такого у них еще не было. Благо, лесу там было – сколько хочешь. Это еще до [19]30 года они его построили. Рубленый. Получалось, когда заходишь в коридор, – в одну сторону кухня, потом там три комнаты... И весь поселок собирался всегда у них по праздникам и таким дням. У них всегда было весело, всегда хорошо. Никогда родители папины не гнали от себя молодежь. Зимой холодно – значит, [собира-

¹ Мордушка (морда) – плетеная из прутьев ловушка для рыбы.

² В Курской губернии были распространены жилища украинского и южнорусского типа, имевшие глинобитный пол. Переселенцы на юге Сибири по традиции, недостатку леса в степных местностях или вследствие скудости средств зачастую на первых порах заводили такие жилища.

лись] в доме. Летом – в оградке. Папа играл на балалайке, хоть и маленький еще был. Игнали на гармошке и пели песни.

Рассказывали еще, как мама и папа учились на трактористов. Примерно [19]26 год был, может, [19]27-й... Собрали всю молодежь, которая на Курском была. (Жили практически в лесу. Самое ближнее – 10 километров – Прослауха была. Так там тоже ничего не было. Нет, правда, говорят, церковь была. И школа – четыре класса.) Вот собрали и мальчиков, и девочек. Сколько было всех подростков. Приехали потом экзамен принимать из района... уполномоченный. Задают вопросы всякие. А один экзаменатор поднял одну девочку и спрашивает у нее: «Чем ты сядешь на трактор, когда кончишь эти курсы?». Вот она маялась, маялась... А он опять спрашивает: «Чем ты сядешь на трактор, когда кончишь эти курсы?» В конце концов она сказала, что сядет жопой, на этом экзамены закончились. А им всем присвоили квалификацию и выдали права.

Папа год или два работал на тракторе. А потом кончил школу – четыре класса. И его послали учиться на счетовода, а потом счетоводом работал маленько. И когда он пошел на войну, то его приняли сначала просто солдатом, а потом он, после ранения, был завкладом. А если бы он не был счетоводом, как он говорил, то он сразу бы попал в танкисты. Потому что он был трактористом. Мама тоже... Когда папа был на войне, посылали ее от деревни на счетовода учиться. Чтобы работать на сборе молока.

Папа вспоминал детство, рассказывал, что на Курском они пасли по очереди (все дети и подростки) всё поселковое стадо: коров, овец. Ходили с весны до снега босиком.

Еще, помню, когда я училась в 11 классе, многие из комсомола вступали в партию. Это было большое счастье и великое дело. Я училась тогда в Бaeво и приехала домой в субботу, и попросила папу дать мне рекомендацию. Папа тогда был секретарем Прослаухинской партгъячейки. Папа был умница. Вот я говорю – ни разу он нас никого и пальцем не тронул. А мама начнет ему, бывало, говорить, мол, что ты их не наказываешь, не бьешь. А он и говорит: «Если вы дождетесь до того, что вас бить надо будет, до того ничего не понимаете, то

я вас убью лучше, отсижу и буду жить спокойно, чем мучиться с вами». Он ни разу нас не ударил никого.

Так вот, о вступлении в партию... Он мне и говорит: «Я тебе дам рекомендацию, но ты подожди годик или два». Так я в партию и не вступила. Потом много раз об этом мы с ним говорили. И он рассказывал, что вот придет на парторганизацию разнарядка – принять 20 человек, например. Вот где их, говорит, 20 человек найти? Если один человек достойный в партию по всей деревне найдется, то и хорошо. А делать нечего – 20 принимаем, а 19 потом исключаем. Хотя и сразу было ясно, что им делать в партии нечего.

Воевал папа на Ленинградском фронте. А вообще дошел до Будапешта. Про войну он, пока мы были маленькие, никогда не рассказывал. А только потом, когда стали взрослыми... Вот, например. Под Ленинградом пошли они в атаку, и было у них по одному патрону – на тот случай, чтобы в плен не попасть. Вот он еще рассказывал, как шли, как в болотах сколько людей погибало – позамерзали. Своих не хоронили, они так и оставались вмерзлые в землю, в болото. Рассказывал, какие ужасы на этой войне.

Вернулся с войны и уехал в Новосибирск. Устроился в пожарку. И мама с Зоей и Иваном туда уехали. А бабушка и дедушка Мацневы оставались на Курском одни. Все от них разъехались. Стали просить, чтобы вернулись [дети к ним в деревню]. И вот потом, когда мы, взрослые уже, приезжали к [возвратившимся в село] родителям, мама нам всегда говорила: переезжайте, мол, кто-нибудь жить. А папа и говорит: «Что языком-то мелешь. Вот остались бы в Новосибирске, забрали бы к себе дедушку с бабушкой, так все бы сейчас там жили, и дети бы все спокойно выучились, и всё. А то жили в этой Прослаухе, в которой сначала было семь классов, потом учились в Баево за 25 километров, а самый ближний Камень, потом где было медучилище и педучилище, а потом Барнаул и Новосибирск. А так жили бы все в Новосибирске, учились бы на месте, и никто нигуда бы не разъехался».

Рассказывают еще про Ивана, моего старшего брата. (У мамы с папой было нас пятеро: Иван с [19]35-го, Зоя с [19]40-го, я с [19]48-го, Коля с [19]51-го и Витя с [19]53-го.) Рассказывают, что когда Ваня был маленький (до 10 лет), он мог разобрать-собрать любой замок. Был такой умница. А потом он заболел. У него чё-то стало с ухом, он стал плохо слышать. А раз плохо слышать – стал плохо учиться. Семь классов он кончил замечательно, и так ему было тоскливо и противно в этой Прослаухе, когда он уже школу закончил... Уехал он на целину. Называли этот совхоз «целиной» – где-то здесь, в Новосибирской области. Его, как лучшего целинника, отправили в Кремль (фотография есть). Сейчас он живет в Нижнем Новгороде. Сейчас уже на пенсии. Практически мы с ним не общаемся. А внешне он, говорят, что вылитый папин папа. На нас не похож. И живет там один.

Еще рассказывали родители о первом времени в Курском. Вот земли, леса всем давали поровну. А вот у одних всё свое было: масло там, молоко, мясо, всё, что натуральное в огороде там. А были там еще семья Васютины. У них было восемь детей: шесть парней и две дочки. Так они землю не обрабатывали, скот не держали. Летом в работниках, землю в аренду сдавали, а зимой – пели-плясали. Красивые были, но жили очень бедно. Даже, что называется, одеться не во что.

Папа рассказывал, что получилось так, что выпало ему с одним из их сыновей пасти скотину. Было уже холодно, а он, Иван-то, был босиком. И по дороге на выпас зашли папа и Иван Васютин к Мацневым. И дедушка Матвей Васильевич увидел, что тот чуть не по снегу – босиком, и за день сшил, из чего было, Ивану ботинки. И когда коров пригнали, он ему их отдал. Через много лет Иван-то уже женатый был, военный, приезжал на своей машине и привез подарков Матвею Васильевичу – сахару голову, яблок, груш и еще чего-то. Помнил долго.

А мама мне рассказывала: хоть она и маленькая была, а помнит дом, в котором они жили в [Европейской] России. Она говорит, что дом у них был рубленый из дуба. Такими плащечками. И внутри был как из досок. И каждая доска была в свой цвет покрашена. Вот мама говорила, что когда солнышко всходит, то

домик – как радуга. Жили они там, в этом доме, дедушка со своей семьей и два его брата, Николай и Андрей Васильевичи, со своими семьями – в этом большом огромном доме. А руководила всем этим хозяйством моя прабабушка.

Мой дедушка работал приказчиком у барина Соколова. И он платил ему деньгами. Работал хорошо. И вот барин-то выделил ему этот лес. И они построили этот дом. А до этого они очень бедно жили. И когда дедушка пришел сватать бабушку... Сначала не бабушку, а ее старшую сестру, а та и отказалась – мол, что я за бедного-то пойду, а бабушка и говорит: «А я пойду». А мама бабушкина говорит: «Чё ж ты пойдешь-то, у него ничего ж нет». А бабушка говорит: «Наживем всё, будем жить».

Матвей Васильевич грамотный был. А еще один его брат занимался хозяйством... Они же брали в аренду пашню – земли своей у них не было, и всё решали, когда что делать по хозяйству. А еще на земле у них был сад вокруг дома (несколько гектар) – так третий брат занимался хозяйством. Дедушка деньги, что ему барин платил, ложил в банк, и было к революции у него 500 рублей золотом, и потом он очень горевал, что деньги пропали. Сначала, даже когда был голод, они не уезжали (семья дедушки). Мать его говорила ему, что вот вы живете хорошо, пока вместе, а ты уедешь, и они тут пропадут. Вот уж когда она умрет, дескать, тогда пусть и едут [в Сибирь]. Так они и сделали.

«Мы выросли без уколов, без больниц»:

воспоминания З. А. Ковалёвой.

Мои предки, Пономарёвы, жили в селе Кобылино [Курской губернии]¹. Старшим в семье был дедушка Иван Исаевич. У него был сын Андрей Иванович. Так вот, Андрей Иванович – мой дедушка. Когда Андрей Иванович подрос – женился. Жили они до того очень бедно. Когда Андрей Иванович стал работать, они купили несколько десятин земли. Стал работать он, как у них го-

¹ Возможно, ныне это с. Ковылено Чернянского района Белгородской области.

ворили, «в низах». Они жили в верховьях Старокаменского Оскола, а ходили работать вниз по течению. Он в основном каменные и плотницкие работы выполнял. Строили дома, церкви. Зарабатывал деньги и привозил или присылал семье. И на это они жили.

Позже, когда в семье было уже восемь детей, появились ходоки от Ленина¹. Которые предлагали поехать в Сибирь и обещали там хорошую жизнь. Там ходоком был Попов Иван Васильевич. Гарантировал, что будет дадена земля на поселение и для пахоты. Это был [19]21 год. И еще в 21-м году был сильный град, который выбил весь посев. Земля была как будто бы перепажана. И их ожидал сильный голод. Параллельно с ними тронулась семья Мацневых – другой мой дед и бабушка. Тоже много у них детей было, человек 20, и та же причина переезда с запада в Сибирь.

Ехали то ли три, то ли пять месяцев. Все, что у них было, какие материальные ценности, они все их «проехали» дорогой. Потому что надо было на каждой станции начальнику давать взятку и покупать дрова, чтобы ехать. Ехали в обычных грузовых вагонах. Никаких нар, ничего там не было. На полу все расположены были. А тут начался тиф. И на каждой станции снимали умерших и больных. Кто еще был маленько здоровенькие, дети-то, родственники пытались их прятать. В частности, у Мацневых девочку они так спрятали за ящиками, и санитары ее не забрали на станции. А потом она поправилась. Но несколько детей умерло – кто от голода, кто от тифа. Так они ехали до самого Славгорода...

Приехали уже поздно осенью, надо было где-то остановиться. Местные жители их принимали. Кто сарай давал, кто баню, кто часть дома. И так и селились там. А это было село Павловское². Местные жители сразу стали выяснять – какими профессиями обладали переселенцы. Андрей Иванович катал валенки, клал печи – для села эти умения были очень хороши-

¹ Возможно, в сознании мемуаристки здесь смешаны (1) ходоки, в конце XIX в. – 1920-е гг. посылаемые потенциальными переселенцами в район будущего вселения с целью осмотра мест и выбора земли, и (2) ходоки, в начале 1920-х гг. направлявшиеся в центральные государственные инстанции и лично к В. И. Ленину с изложением крестьянских нужд и чаяний.

² Возможно, это нынешнее село Павловск, районный центр в Алтайском крае.

ми. Село было большое, а пимокатов своих не было. И они [жители Павловского] возили катать пимы очень далеко. Когда они посмотрели образцы, которые были у деда, всем понравилось качество. Хозяин, у которого поселились Пономаревы, дал им свою баню под мастерскую и своего сына в помощь. И платили за пимокатство очень хорошо. И хлебом, и деньгами.

Старшая дочь была уже в таком возрасте, что уже в хорошие работницы годилась. Там, в Павловском, она работала у богатых людей, да те и взяли ее [замуж] за своего старшего сына. Остальные дети тоже кто где побывали за зиму в работниках. Жена Андрея Ивановича, моя бабушка Мария Федоровна, была очень искусная женщин – пряла пряжу, ткала холсты хорошие, красивые скатерти, ковры. Тоже за это неплохие деньги получала. Матвей Васильевич – дед по линии мамы – хорошо шил обувь, был шорником.

И еще Мацневы-то поехали сразу в Прослауху, не в Павловском остановились. Одни [прослаухинцы] приютили их. Пустили к себе в какой-то амбар, потом печку поставили. И кормились так Мацневы: бабушка Марфа Андреевна, она стряпала и готовила и на свою семью, и на всю семью хозяев. Жили хозяева крепко. Всего у них хватало. Вот они и сказали: «Готовьте, досматривайте за скотиной и кушайте всё, что хотите». И никакой платы с постояльцев не брали.

Дедушка стал шорничать. Бабушка еще пряла в свободное время, дочерей заставляла, которые подросли, прясть на людей (люди приносили коноплю, шерсть). Ткала холсты. И за зиму те и другие деды заработали столько денег, что могли купить лошадь (это первая была необходимость), плуги, инвентарь всякий. Весна наступила – все поехали к месту приписки.

Им всем нужно было и гвозди, и всё. Дома строили... вначале строили шалаши-дома. Бревна на лошадях таскали. Вот и всей семьей строили дом. А лес у всех был свой – землю нарезали для пахоты, для жилья и для строительства с околками¹. Так и называлось: околок Андрея Ивановича, околок

¹ Околок – небольшие изолированные участки леса в лесостепной местности Западной Сибири.

Матвея Васильевича, и участок под покос каждой семье. После шалаша Андрей Иванович поставил пятистенничек. Но потом, поскольку семья-то была большая, и Андрей Иванович человек к комфорту с должным уважением относящимся был, то вскоре поставил он другой дом, а этот как летний домик оставил.

А новый дом был, как раньше говорили, крестовый. Сделан он был добротно. А в летнем доме зимой, если зима суровая была, а корова отелилась, то теленка [помещали] туда. А другие люди жили так: корова отелилась – теленка в тот же пятистенничек, в котором и сам живет, так же и с овечками. Да, новый дом был с полом, а пола у других [односельчан] не было, потому что досок вначале было трудно купить. Так что пол делали из глины: набивали, а потом жидкой глиной смазывали. Подметали, брызгая водой, а то пыль поднималась.

А потом люди стали обживать, купили доски. Потому что ближайший город – Камень, куда они возили продавать мясо, хлеб. Вот вырастили урожай, собрали – что себе, что на семена, а остальное возами, в обозах на телегах повезли в Камень. Возили еще кожи, там их принимали. Так крестьяне всё, что им нужно, и покупали: гвозди, керосин, ситец. Всё это у них называлось «товар». Вначале одежду себе шили из холста самопряженного, из кожи, катали себе пимы. А потом в магазинах стали покупать.

Жили они единолично. И вспоминали это время как светлый период жизни. Своей семьей, сколько хотели, сеяли (никто над ними не командовал), когда считали нужным. Время это светлое по сравнению не с [Европейской] Россией, а с последующим колхозным периодом. В России-то Андрей Иванович хоть и маленьким, а все-таки был хозяином, когда купил земли немного. А Мацнев Матвей Васильевич земли не имел, кроме той, на которой дом стоял и сад был. Но Матвей Иванович человек был грамотный, церковно-приходскую школу закончил, работал приказчиком у барина Соколова. И за это в аренду брал землю, и с братьями они занимались садом и пашней. А когда стали-то переселяться (да, переселенцы оттуда были еще в 1905 году), то он, Матвей Иванович, с семьей собрался уехать,

но мать его сказала: «Ты подожди, не уезжай: ты уедешь – ты будешь жить, а эти два брата... нет, не получится у них. Вот, – говорит, – когда меня-то не будет, делайте, как хотите».

К [19]21-му году бабушка-прабабушка умерла, и Матвей Васильевич с семьей двинулся в Сибирь. Те братья остались. И только спустя долгое время одна из маминых сестер переписывалась с одним из сыновей Николая Васильевича. Во время войны там ведь Курско-Орловская дуга проходила. Их разбросало, и один из сыновей оказался на Кубани. После войны он и написал в Сибирь. А потом он снова вернулся туда, в Озерки. Ну, а сейчас не знаю, какова их судьба.

Так что жили они [Мацневы, а после приезда из Павловского – и Пономаревы] на Курском единолично, работали на себя. Правда, и поставки государству были. Работали с весны до осени. До поздней, пока не уберут весь урожай. Зимой они были более свободны. Гулянки разнообразные – это зимние занятия. Ходили друг к другу в гости. Пили в основном самогон – из пшеницы делали. Рожь не родилась в этих местах. А в [Европейской] России, наоборот, сажали рожь. Играли зимой свадьбы. Например, когда старший папин брат женился – гуляли неделю. И выписывали даже оркестр. Гуляли всем селом.

Поселок был маленький. Приехали [жители] все из одного места. Женились и замуж выходили в основном за своих, так что по нескольку раз породнились. Сватовье [происходило] из одной семьи в другую по нескольку раз. Семьи были большие у всех. Поэтому дочь одних выходила замуж в одну семью, а ее брат из той же семьи мог взять жену.

Поселок был маленький. Рядом – поскотно место¹, огороженное забором, чтобы скот не мог разбежаться. Особых заповор в домах не было. Правда, и воровать особо не было что. Но, тем не менее, могли палочкой засов закрыть – и всё. Без всяких замков. И [любой] человек шел и знал: подперто – хозяев нет. Воровства практически не было...

Вот был Олейников один. Он потом в кулаки выбился.

¹ Поскотно место (поскотина) – огороженная территория для выпаса скота без пастуха, прилегающая к сельскому поселению.

Дело было так: он так же, как и все, приехал нищим. Здесь немало пожил. Недалеко от него человек жил, у которого очень некрасивая дочь была. А он с сыном работал: рамы, бочки делал. Зарабатывали хорошо. Для села профессия редкая была. Они заработали и подкопили очень много денег. И отец этой девушки, зная, что так ее никто замуж не возьмет, предложил вот этому вдовцу Олейникову (он к тому времени овдовел) взять дочь в жены и кувшин золота в придачу. Этот Олейников согласился. Взял эти деньги и взял эту девушку. Сразу начал брать землю в аренду у людей, платил им за это, нанимал работников. Вырос очень быстро. К моменту коллективизации много чего у него было: и сельскохозяйственные машины, и инвентарь. В общем, он полный хозяин был. Построил мельницу, крупорушка у него была, веялки. Зерноочистительные машины у него были. И люди эти машины таскали по очереди к себе, обмолачивали хлеб. А кому нечем было за это платить – молотили цепями. Хлеб собирали в снопы, скосив серпами, и ставили в амбарах дозревать. А потом молотили. Кто цепями, кто на этих машинах. Ну, платили ему за аренду, это естественно. И, в общем, и те, и другие были довольны: Олейников получал деньги, а остальные – возможность быстрее обработать зерно.

Семьи три таких, как называли, бедняков, у них [в Курском поселке] было. Но бедняки почему? Землю не обрабатывали, отдавали в аренду. Не хотели, не получалось у них на земле работать. Может, у них другое призвание было. Они вот постоянно в работниках были. В основном жители поселка к моменту коллективизации были середняками.

А в [19]31 году приехало начальство и стало колхоз организовывать. Мол, надо в колхоз входить. Всё в одну кучу: и землю, и скот, и инвентарь, и зерно в одну кучу. Особенно не спрашивали: хочешь, не хочешь. Время было такое, да и бежать-то некуда. Там-то обжились. Да и везде то же [самое] было. Землю забрали. А чем ты жить-то будешь, если нет земли? А работать больше, кроме колхоза, негде было. Всё, и люди вынуждены были. Но, конечно, плакали очень, горевали. Никто с радостью

[имущество] не отдавал. На поселке это была такая первая форма коллективного хозяйства.

А рядом в деревне там организовали коммуну. Кто организовывал, не знаю, но собрали бедняков из округи. Они свои хатки попробовали, переехали, дали там им одежду, обеды общие были для всех членов семьи, дали обувь. А потом видят: а что толку? А где [средства на жизнь] брать-то, если они не работают? И просуществовала эта коммуна месяца два – три, и всем пришлось по домам возвращаться. Посельские тоже сюда вернулись. Потом они вступили в колхоз.

Первые года кувыркались в колхозах. В основном норавли ставили на руководящие должности бедноту, а если человек со своим хозяйством не знал, что делать, как он может общим-то руководить? Позже стали на руководящую работу выдвигать членов партии и таких, которые разбирались в сельском хозяйстве.

В поселке были партийная и комсомольская ячейки. Отец мой, Александр Андреевич, был комсомольцем. Видимо, кто-то там его [выдвинул] еще и почему – он гармонистом был, вокруг него всегда молодежь собиралась. Да и не только молодежь. У деда моего дом-то был большой, и все поселковые собрания в доме проходили. И торжественные, и если кто из района приезжал. Собирали народ у него – клуба-то не было.

Разводов не было. Скандалы были – в некоторых семьях, если кто невожатый. В основном мужчины, но были и женщины. Вот кто-нибудь скажет что не так, и начинается потасовка. Звали в таких случаях Андрея Ивановича. Физически он очень здоровый был, да и за рассудительность пользовался авторитетом. Был как бы негласным старостой, и ссоры такие умирал. А сам он никогда с советами не лез. За это – за золотые руки, за умную голову – и уважали. Тем более они [Пономаревы] в своей семье дружно жили: семья большая, а, говорят, никогда они не ругались.

К сожалению, Андрей Иванович был неграмотным. А вот другой дед – Матвей Васильевич – по воскресеньям читал Евангелие, люди приходили слушать. И по всем церковным праздникам тоже читал. Потом еще какая-то церковная книга у него была. Мы доступа к ней не имели, только видели в руках у дедушки. И вот

дома у него тоже так было, что слово «черт» и бранные слова не произносились. Запрещено было всем членам семьи.

Ну, вот вроде все нормально жили-жили.. Вот тут тебе и колхозы потом, буквально перед войной за несколько лет... Вначале колхозы были очень бедные, очень. Во-первых, люди не могли привыкнуть работать сообща, да и отдачи никакой – урожаи скудные. Потом колхозы оперились, началась даже прибыль, люди по-хозяйски стали вкладывать деньги в технику, племенной скот, словом, в развитие производства. Получали за меньшее [количество] трудодней, чем зарабатывали, а закупали всё для колхоза. Доходы перед войной уже были высокие.

В [19]40 году на поселке был большой пожар. Случилось это так: заставили народ весной выжигать полосы, но было уже поздновато, земля уже просохла. Зажечь-то зажгли будыльё (жнивье)... Объездчик председателю и говорит: «Что у тебя там горит-то, как бы пожару не было». А председатель: «Ничего-ничего». А так и вышло. Огонь где-то недосмотрели, а весной огонь так распространяется, что глазом моргнуть не успеешь. Поговорка есть: «Весной и огонь щенится». Полпоселка сгорело.

Начался пожар с дома Андрея Ивановича [Пономарева] как раз. Первый дом этот загорелся: постройки там были, и весь огород загорожен забором, чтобы даже куры не выбежали. Штакетник весь был сухой, всё с него и началось. Спасти ничего не удалось. Я была маленькая, меня вытащили. По домам-то никого не было: взрослые на полевых станах, а дети бегали, играли – кто поменьше, а кто побольше – со взрослыми. Потом [люди] добежали до стана, приехали на тракторах, горелые дома опали... Полпоселка сгорело. Дом Мацневых не сгорел – в другой части поселка был. Получили немножко страховки за пожар.

Лето прошло. Через год война началась, люди не успели отстроиться. А Андрея Ивановича – строителя этого дома – в живых уже не было. Умер он в [19]39 году, скоропостижно. А бабушка после его смерти слегла, сказав, что без Андрея жить не будет, и через неделю умерла тоже.

Мои мать с отцом пришли к родителям мамы – бабушке и дедушке Мацневым. И так и жили там. Папа, слава Богу, при-

шел с войны, и там так они и жили. Правда, уезжали на полтора года в Новосибирск. Но вернулись – здесь же были у них старики. Сын-то у них, Петр, погиб на войне. В [19]43 году в Белоруссии, в свой день рождения. Это у него с женьбой на Нюрочке была история. Вот так он, не любя, прожил. Но зато, когда с сестрой его, мамой моей, хотели проделать тот же фокус, он не дал. Вмешался, пошел к своему другу – моему папе – и отправил его Настю забрать. Расписывались тогда в сельсовете.

Мужчины и зимой управлялись со скотиной, заботились о дровах и воде в доме. Женщины [делали] по домашности всё, да и всё время надо было пряхть. Держали же овец, и коноплю выращивали на волокна и масло. А летом вообще передыху не было. А зимой свадьбы играли, глубокой осенью.

Когда рождались дети – крещения, как такового, не было, но кума и куму выбирали (приглашали). Отмечали это дело. Во-первых, всегда «на зубок» приносили женщине: каждый житель села – подарок какой-нибудь, женщине или ребеночку. И обязательно в семье, где был новорожденный, когда мама чувствовала себя уже нормально, организовывали застолья, приглашали всех в гости. А когда женщина ждала ребенка, то, что она хотела покушать, то могла это у кого угодно попросить, и ей безо всяких давали. Если где какая очередь – ее всегда пропускали. Человечность какая-то [была]. Это было для людей дело святое.

И к детям ласково относились. Ну, во-первых, все давно друг друга знали. Во-вторых, все по несколько раз породнились, в-третьих, еще много верующих людей было. А детей воспитывали: «Ты, сыночка, так не делай, а то Боженька накажет». Да, боялись дети, пока маленькие были, а потом подрастали и понимали, почему так делать не надо. Оно ни к чему это.

К детям (мальчикам и девочкам) здесь относились одинаково, а вот в [Европейской] России когда жили – на девочек землю не давали, а на мальчиков давали. А в Сибири – любой ребенок – ребенок, без разницы.

Судьба семьи Олейникова: когда произошла коллективизация, этого Олейникова раскулачили. Но он умный человек был: продал многое из своего имущества, перевел это всё в деньги. И

большую часть земли продал, скотину. Потихоньку начал всё продавать. Местные еще не догадывались. Сын старший уже жил в отделе, у него и семья своя была. Да, до коллективизации на Олейникова батраки работали – и зимой работники были, и летом еще больше. Из своих же местных. Вот те, у которых он брал землю в аренду, он им за землю платил и за работу. По воспоминаниям родителей, в оплате он никого не обижал. Платил по совести.

За такие качества шибко уважали. А если люди не приспособлены работать на земле, ну что ж, может, в другой области они гениальны. Вот Васютины, к примеру – петь, плясать, частушки складывать были [мастера]. Ни одна свадьба без них не обходилась, ни одна гулянка. На балалайке дренькать – это пожалуйста, а плясать выйдут – искры из под ног. Красивые были внешне.

Олейникова, хоть мало что у него осталось, все равно раскулачили и услали. Посадили с семьей на телегу и услали. А сын [его] старший, Степан, толковый мужик был, его поставили бригадиром. И он кому-то там чего-то там не так сказал... А в то время любой начальник олицетворял собой советскую власть, и чуть что не так, кричит: «Ты враг народа!». И всё, и «забрали по линии НКВД». Отделение НКВД в Баево было. Короче, Степана законопатили. Сначала, вроде, 10 лет [присудили], а потом война началась, так он и сгинул. А отец-то его потом приезжал в поселок и выкопал в огороде у Андрея Ивановича кувшин с золотом, как он говорил, а потом писал, что купил детям квартиры в Москве. Может, правда, может, нет.

А в войну есть было нечего. Даже от голода умирали люди. Мне мало лет было, а я помню. Ходили маленькие дети, собирали колоски, хотя это нельзя было делать: строго наказывали. Еще раскапывали мышинные норки. На месте старых амбаров было много норок. Мы их раскапывали и выбирали зернышки. А нас много собиралось. Мамина сестра болела (она лежала, не вставала всю войну), а у нее было пятеро детей. Дядя был на войне, так что их к нам же и привезли. Их пять, да нас двое – чем-то надо же было кормить. Вот мама наварит картошки. И поделит: большим (старшей было 12 [лет], мал мала мень-

ше остальные) по три картошки, а мне и младшему из той семьи – по две. Мы видим, что старшим [дали] больше – плачем, что еще хочется. А мама слепит из шелухи кучку, похожую на картофелину, и говорит: «Ешьте, ешьте; съедите – я вам вот ишо дам». А мы что – дети, отвлечет потом чем-нибудь, мы и забудем.

Маму постоянно гоняли на работу: дескать, у тебя старики за детьми присмотрят. А огород-то пахать – один дедушка.

Еще помню моменты, когда приносили похоронки. Женщины страшно кричали, и одна даже клоками рвала свои волосы. Это ужас. Это так мне запомнилось. И помню День Победы: все плачут, радуются. Помню, как папа с войны пришел. Я ведь не знала, кто такой папа, хотя все говорили: «Папа, папа». Я выбежала (было тепло, помню), бегу – идет кто-то в зеленом. Весь поселок высыпал его встречать, даже до дому он дойти не мог. Кто плачет, кто радуется. Радуются, что еще один вернулся; плачут, что не у них. Вернулось-то на поселок три человека. Если только [может быть, иные] в другое место вернулись...

Про войну... Привезли их на фронт (папа рассказывал) – и сразу на передовую. А вооружения никакого, даже винтовки не было. И говорят: «Ты комсомолец, добудь оружие в бою». Винтовки, какие были – заржавленные, ни затвор не действует, ничего. Ей только как дубиной можно было действовать.

Обучения уже не было, а было перед войной – их привозили на станцию Юрга. Но обучали [военному делу] мало, ведь они сельские. Работать надо – ХЛЕБ. И он [отец] это никогда не рассказывал – только за несколько лет до смерти рассказал. Боялся.

И еще, когда колхозы организовывали, люди до того боялись – взрослые дома говорили шепотом, детям вообще ничего не говорили. Помню, папа запрещал нам говорить где-нибудь то, что слышали дома. Боялись сильно.

Когда организовывались колхозы, появились уполномоченные. Это люди, наделенные безграничной властью. Как он сказал, так и будет. Знает он, как пшеница растет, или не знает – это уже не имело значения. У него партбилет и предписание, и всё. Чуть что – ведет по линии НКВД. Вот еще Чупиных семья была. Забрали, увезли – и всё. Дедушка Андрей Иванович, уже

будучи колхозником... Вот приехал такой же уполномоченный: «Ну, как вы живете в колхозе?». Он говорит: «Хорошо живем». – «А по сколько хлеба вы получили?» – «200 грамм на трудовень». Он [уполномоченный] как взъярился: «Как это так?» А 200 грамм на трудовень... Это не каждый день еще можно было трудовень заработать. «За палочки работали» (за трудовни) это называлось. Так тоже таскали его [Андрея Ивановича] в Баево. Мол, ты должен был сказать... То есть учили врать – вот что самое страшное, и учили воровать. А иначе было не выжить. А один мужчина (не знаю, правда или нет) вообще сказал, когда заем-то стали оформлять¹ чуть не под пистолетом – вот хочешь, не хочешь, а все, что заработал, отдай за эти облигации... А он и говорит: «С меня только шкуру осталось содрать». Тоже забрали.

После войны, после Новосибирска папа работал бухгалтером в колхозе, а тут уже был колхоз имени Советов на поселке. Потом поработал-поработал... Решили в [19]51–[19]52 годах укрепить колхозы: маленькие деревни, неперспективные переселения... Даже света там не было до того времени, керосинками пользовались. В Прослауху папу перевели. И он там работал заместителем председателя. В Прослаухе была школа-семилетка, была возможность провести электричество и радио. Поскольку он был партийный, направили его председателем колхоза в село Плотавы, нашего же Баевского района. И вот там [мы] жили до [19]59 года.

А в [19]57-м колхозы стали преобразовывать в совхозы. И тоже очередной обман... Колхозники, когда получали прибыль, тратили ее на нужды колхоза – [на] скот, технику. А раз совхозы – хоп, и опять: было ваше, стало наше – всё государству. А за все это компенсация – 30 рублей. Вот такие дела...

А тут папу, поскольку он боец Коммунистической партии, назначают туда, куда другого и не послали бы (дыра-дырой, даже название – Чуманка) управляющим отделением совхоза. А там даже детям негде было учиться. И папа, хотя никогда от работы не отказывался, а тут уволился. И вернулись мы в Прослауху. В Про-

¹ Трудящиеся в СССР были обязаны подписываться на государственные долгосрочные внутренние займы. Облигации займа часто выдавались вместо заработной платы.

слаухе он работал бригадиром на животноводстве и был парторгом. Мама тоже работала всегда на животноводстве, полеводстве, в пекарне.

Еще о жизни до коллективизации... Хлеб возили в Камень и сдавали там Винокурову. Крупный там был землевладелец, пароходы у него были, дома и промышленные какие-то предприятия. Хлеб он возил пароходами в Барнаул – в Камне железной дороги не было. А там у него была своя большая мельница, и муку он даже за границу продавал. В каком-то году он бежал в Китай со своим работником, с золотом. Недвижимость осталась здесь, а остальное состояние он обратил в деньги и бежал. А с деньгами, говорят, и в Китае ты – барин. И в пятьдесят каком-то году, когда отношения с Китаем окончательно испортились, когда оттуда стали русские уезжать, уже будучи старым человеком, выхлопотал документы работнику на жительство в России. И он [работник] потом вернулся, в Плотаву приезжал. А сам [Винокуров] старым человеком в Китае остался – мол, я при деньгах-то своих при любой власти проживу.

Сначала на Курском был ликбез. Потом начальная школа. Во всех классах – 12 детей. И одна учительница все предметы вела. А когда я уже в 8 классе училась в Баево, мы должны были за учебу платить деньги, чтобы иметь образование 10 классов. И по тем временам деньги были немалые. Я пришла домой, когда 7 классов закончила в Плотаве, и говорю: «Если вы меня отпустите в Баево, то я хочу учиться». Мама с папой посмотрели на меня и говорят: «Ну ладно, иди».

Плотавка от Баево была в 25 километрах. И мы – дети, кто ходили учиться в школу, – стояли на квартире. Каждый ребенок жил у чужой тети с 14 лет. Но каждую субботу на выходные мы бежали домой. Лето это, зима ли – пешком 25 км. Вот отзанимались в субботу – и пошли. И приходили уже в 12 – 1 час ночи. А зимой всю дорогу перемерет, тогда же автобусов не было пассажирских. И так бы мы ходили, пока бы не закончили, да тут со мной учились две девочки (жили на нашей улице), у них брат служил в армии на западе. Вот он домой приехал, в отпуск или как... Говорит своим родителям и нашим тоже: мол, почему вы не можете организовать,

чтобы им не ходить с котомками с продуктами каждую субботу, а взяли бы лошадь, телегу, по очереди их увезли-привезли. Котомки – на сани, если зимой, а ребяташки добегут...

Да и то правда – нам веселее, взрослый с нами. Да и легче. А то к утру на швах фуфайки соль выступает. А так – лошадь дорогу протаптывала, и сани... А то [брели] в снегу по колено. И вот родители были до того затурканные, им некогда было даже подумать. Ну, вот как ходили до нас дети, так и мы. И им [родителям] даже в голову не приходило... А потом сами удивляются: «Вот, молодой нас научил. Как сами-то не додумались?». А на каникулах всё лето [школьники] на полевых работах.

В [19]39 году умер мальчик у мамы с папой – Михаил, старше меня был. Корь тогда косила. Много детей померло.

На селе была бабка-повитуха. Мацнева Мария Андреевна еще лечила, детей к ней приносили. И сами мы выросли без уколов, без больниц. Как приболеем, так нагревает в избе кадку воды, [положит] туда трав, нас [погрузит] по плечи в воду, вокруг [укутает] одеялом, одна головенка торчит. И так греет, а потом еще на печку русскую. И заговорами лечили. Медпункт был за 25 километров. Матвей Васильевич тоже лечил. Ходили [к нему] люди. Язву даже сибирскую заговаривал. Но милиция их за это беспокоила.

Список литературы

1. Демографическая история . Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 207–211.
2. Зверев, В. А. Люди детные. Воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. / В. А. Зверев. –Новосибирск, 2014. – 278 с.
3. Коннертон, П. Забывчивая современность. Забыть нельзя помиловать: мемориальные практики сегодняшнего дня [Электронный ресурс] <http://gefter.ru/archive/17821> (дата обращения: 06.04.2016).
4. Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл., коммент. Б. И. Осипова. – Омск, 1995. – 176 с.
5. Бирюков, В., протоиерей. На земле мы только учимся жить:

непридуманные рассказы / Протоиерей В. Бирюков. – Краматорск, 2006. – 136 с.

6. Зольников, Д. М. Времена и нравы (от Гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого-историка)/ Д. М. Зольников. – Новосибирск, 2000. – 218 с.

7. Щеглова, Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в.: устная история/ Т.К. Щеглова. – Барнаул, 2008. – 528 с.

8. Зверев, В. А. «Расскажу по собственной памяти». Социалистическая новь сибирской деревни в мемуарах С. И. Курина. Актуальные вопросы истории российской провинции/ В. А Зверев, В. И. Веровой. – Новосибирск, 2010. С. 279–297.

9. Зверев, К. Е. Русский крестьянин, вечный мигрант. Воспоминания Е. Г. Шампурова о жизненных странствиях в XX в. / К. Е Зверев, В. А. Зверев. // Проблемы исторической демографии Сибири.– Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 308–344.

10. Родные голоса. Сибирь, XX век: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ / Сост. и ред. В. А. Зверев. – Новосибирск, 2008. Вып. 1. – 159 с.

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье содержатся характеристики Всероссийской и всесоюзных переписей населения, проведенных на протяжении XX века, дается оценка информативности их данных как источника по демографической истории России. По всесоюзным переписям 1920-х – 1950-х гг. приведена авторская оценка точности учета населения.

Ключевые слова: *перепись населения, программа переписи, численность населения, точность учета населения.*

Переписи являются основным источником для всесторонней характеристики истории населения. Содержащиеся в них данные позволяют всесторонне осветить такие важнейшие вопросы, как численность населения, его половозрастной, социальный, национальный, конфессиональный состав и характер его занятий. Никакой другой источник не позволяет рассмотреть так полно уровень грамотности, образования, квалификации различных групп населения. Переписи позволяют показать размещение населения, проследить миграционные процессы и их основные направления. Данные переписей содержат характеристику состава городского и сельского населения по широкому спектру параметров. Сопоставление данных переписей позволяет судить о динамике демографических процессов: рождаемости, смертности, брачности, разводимости, продолжительности жизни. Переписи содержат бесценный материал о состоянии семейно-брачных отношений.

Анализ и сопоставление этих данных характеризуют воспроизводственные процессы населения и смену их типов. На

данных переписей основываются прогнозы развития населения, на данных переписей проектируют перспективу, что и позволяет грамотно разрабатывать программы демографической политики.

Сложный и противоречивый XX век с его глубокими социально-политическими катаклизмами и кровопролитными войнами отличается многомиллионными людскими потерями, и переписи являются важнейшим источником для оценки этих потерь и их последствий.

На протяжении XX века в России было проведено 8 общих переписей населения.

Всероссийская перепись 1920 г. была проведена в границах Советской России под руководством В. Г. Михайловского по состоянию на 28 августа 1920 года. В условиях еще не окончившейся гражданской войны перепись охватила лишь часть территории страны. В Белоруссии, Крыму, Закавказье, на Дальнем Востоке, в Туркестане, Хиве и Бухаре, в отдельных губерниях Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Сибири перепись не была проведена по причине военных действий.

В ходе переписи учитывались наличное население, а в городах – и постоянное население. В качестве основной формы использовался личный листок. В городских поселениях также использовались квартирная карта и подворная ведомость, в сельской местности – поселенный список домохозяйств.

Программа переписи включала 18 признаков (особый акцент был сделан на изучении занятий и профессионального состава): пол; возраст; национальность; родной язык; гражданство (для иностранцев); место рождения; продолжительность проживания в месте переписи; брачное состояние; грамотность; образование; занятие (главное и второстепенное); положение в промысле; место работы; профессия; источник средств существования; физические недостатки; психическое здоровье; участие в войнах. Проводился учёт занятости в сельском хозяйстве, влияния на неё войны, способность к труду по своей профессии и к труду вообще.

Численность населения страны (с доисчислением по территориям, не охваченным переписью) составила 136,8 млн человек, в том числе городского — 20,9 млн (15 %).

Предварительные итоги были опубликованы в 1920 - 1921 гг. в выпусках «Трудов ЦСУ РСФСР». Окончательные итоги – отдельным сборником в 1928 г.¹

За ней последовала Всесоюзная перепись населения 1926 г., которая охватывала уже все население страны – и городское, и сельское.

Подготовка к Всесоюзной переписи проводилась в условиях полной гласности. Ее программа и методика проведения обсуждались на Второй Всесоюзной статистической конференции (февраль – март 1925 г.), а затем на IV всесоюзном съезде статистиков (февраль 1926 г.), где был представлен весь цвет статистической науки: В. Г. Михайловский, О. А. Квиткин, Н. Я. Воробьев, И. И. Верменичев, И. Ю. Писарев, С. Г. Струмилин и др. Основными руководителями переписи были В. Г. Михайловский и О. А. Квиткин.

Перепись 1926 г. с точки зрения статистической науки по содержанию программы, методике проведения была признана классической, по полноте собранных данных – самой богатой и представительной из всех всесоюзных переписей населения [1; 2; 3, с. 20–22].

Перепись 1926 г. учитывала население по состоянию на 17 декабря 1926 г. В городских поселениях она продолжалась 7 дней, в сельской местности – 14.

Население переписывалось по месту жительства. Наличное население учитывалось по личным листкам, а в городах и поселениях городского типа, список которых был установлен ЦСУ заранее, еще и по семейной карте, которая давала возможность учитывать и постоянное население. Семейные карты заполнялись как на семьи, так и на одиночек. Сверх того, в городских поселениях заполнялась «владенная ведомость», а в

¹ Предварительные итоги переписи 28 августа 1920 г. Труды ЦСУ РСФСР. Т.1. Вып. 1-5. М., 1920; Итоги переписи населения 1920 г., М., 1928.

сельских местностях по каждому населенному пункту заполнялся особый «поселенный список домохозяев».

Программа переписи включала 14 признаков с подпунктами: пол; возраст; народность; родной язык; место рождения; продолжительность проживания в месте переписи; брачное состояние; грамотность; физические недостатки; психическое здоровье; главное и побочное занятия; положение в занятии и отрасль труда; продолжительность безработицы и прежнее занятие для безработных; источник средств существования.

Семейная карта содержала сведения о составе семьи с выделением супружеских пар и их детей, продолжительности брака и жилищных условиях.

Разработка материалов переписи была завершена к 1 сентября 1928 г. Публикация ее данных отличалась детальностью, а таблицы – сложными сочетаниями различных признаков. Предварительные итоги были опубликованы в 1927 году, краткие в 1927–1929 гг., полные, в 56 томах, – в 1928–1933 гг.¹.

В переписи были с небывалой прежде детализацией представлены этнические группы населения.

Перепись насчитала 147,0 млн. чел. населения на территории СССР, в том числе, численность городского населения – 26,3 млн. человек (17,9%). Учет населения при переписи был произведен с большой точностью. По оценке современных исследователей, погрешность в учете населения по СССР составила менее 1% [4, с. 53].

Следующая Всесоюзная перепись была назначена на декабрь 1933 г. Однако голод 1932 – 1934 гг. и вызванные им потери населения заставили руководство страны неоднократно переносить срок переписи – на начало 1935 г., январь 1936 г., декабрь 1936 г., чтобы скрыть демографическую катастрофу. В конечном итоге перепись была назначена на январь 1937 г.

Ее первоначальный проект, подготовленный специалистами под руководством О. А. Квиткина, возглавлявшего организацию переписи, несколько раз перерабатывался и был представлен на утверждение в 1935 г. в специальную правительственную

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. В 56 т. М., 1928-1933.

комиссию, контролировавшую подготовку и организацию переписи. В результате проект переписного листа, первоначально включавший 28 признаков, был сокращен до 14 признаков: пол; возраст; национальность; родной язык; религия; гражданство; грамотность; название учебного заведения; класс или курс; окончил ли среднюю или высшую школу; род занятий (службы); место работы; общественная группа; состоит ли в браке

В процессе редактирования были исключены из проекта переписного листа такие признаки, как семья, место рождения, продолжительность проживания, побочное занятие, положение в занятии. Формулировки вопросов были упрощены [2]. Был включен на заключительном этапе формирования переписного листа вопрос о религии. Он был адресован лицам 16 лет и старше и включал в себя два подвопроса : верует респондент или нет и – для верующих – о вероисповедании (по самоопределению). Поскольку вопрос касался личных, сокровенных убеждений, он вызвал настроенное, зачастую негативное отношение населения и сложности во время проведения переписи. В ходе переписи фиксировались попытки респондентов скрываться от счетчиков (прятались в подполе, уходили в лес), чтобы избежать ответа на вопрос о религии. Люди боялись признаться в вере, но еще более опасались небесной кары за отречение от Господа. Однако в конечном итоге подавляющее большинство совершеннолетних граждан дало ответы на вопрос о вере¹.

Окончательный вариант переписного листа был отредактирован И. В. Сталиным. Чтобы увеличить численность городского населения и тем самым доказать успехи социалистической индустриализации, накануне и в ходе переписи 1937 г. (как потом и переписи 1939 г.), значительное число сельских поселений, не всегда обосновано, были переведены в статус городских.

Перепись 1937 г. зафиксировала наличное население по состоянию на 12 часов ночи с 5 на 6 января 1937 г., то есть это была в истории всесоюзных переписей единственная однодневная перепись. Предварительно, с 1 по 5 января 1937 г. счетчики

¹ См. Всесоюзная перепись населения 1937 года : общие итоги : сб. док. и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М., 2007.

заполнили переписные листы путем личного опроса респондентов. 6 января провели в течение одного дня учет населения по состоянию на критический момент переписи. С 7 по 11 января впервые проводился контрольный обход. Впервые был применен бланк переписного листа списочной формы, на 8 человек, заполнялся на квартиру, дом, избу, хату, дачу. Население переписывалось по месту жительства, а также в домах отдыха, санаториях, гостиницах, больницах и т.д. Находящиеся в пути переписывались на поездах, пароходах и проч.

Несмотря на все сокращения программы, перепись собрала богатые сведения по широкому спектру характеристик населения. Результаты ее не удовлетворили правительство, не подтвердили официальных прогнозов. Во-первых, установленная переписью численность населения (162 млн. чел.) оказалась значительно ниже рассчитанной ЦУНХУ на основании данных текущего учёта : 165,7 млн. чел. на 01.01.1933, что противоречило официально объявленной И. В. Сталиным на 17-м съезде ВКП(б) – 168 млн. чел. на конец 1933г. Во-вторых, было обнаружено резкое понижение численности лиц 1932–34 годов рождения, т.н. демографическая яма – следствие голодных лет. В-третьих, вместо «сплошной грамотности», ожидаемой руководством страны, перепись зафиксировала среди населения 9-ти лет и старше 14% неграмотных среди мужчин и 34% среди женщин, в т.ч. в среднем и даже в молодом возрасте. В-четвертых, вместо заявленного ранее «абсолютного атеизма», доля верующих среди взрослого населения оказалась выше, чем неверующих (57% против 43%) [4].

В связи с этим перепись постановлением СНК СССР в сентябре 1937 г. была объявлена «дефектной».

Многие организаторы и исполнители переписи 1937 были репрессированы, руководители (И. А. Краваль, О. А. Квиткин и др.) расстреляны. Перепись получила в современной науке и публицистике название «репрессированная», «опальная». Собранные ею сведения должны были быть опубликованы более чем в 100 томах, однако не были оглашены даже предварительные итоги. Материалы переписи были строго засекречены и полвека про-

лежали в архивах. Первые публикации ее данных появились в 1990-е годы [3; 5; 6; 7]. Сохранившаяся часть уместилась в одном томе¹, большинство региональных материалов оказалось утрачено. Наиболее полная публикация итогов переписи 1937 г. была осуществлена в 2007 г.² По оценкам специалистов, материалы переписи обладают высокой степенью точности, недоучет населения СССР составил менее 0,5% [3, с. 29–30; 4, с. 75–77].

Запретив публикацию итогов переписи 1937 г., правительство назначило новую перепись на 1939 г.

Она была проведена по состоянию на 17 января 1939 года. Главное внимание при проведении было обращено на максимально полный учет населения. Переписью 1939 г. учитывалось постоянное и наличное население. С 12 по 16 января счетчики провели предварительный обход своих участков. Заполнение переписных листов методом личного опроса респондента началось 17 января и продолжалось 7 дней (с 17 по 23 января) в городских поселениях и 10 дней (с 17 по 26 января) – в сельской местности.

Программа переписи включала 16 признаков: отношение к главе семьи; характер проживания (постоянный или временный); место постоянного жительства и время отсутствия в нем (для временно здесь проживающих); время отсутствия в месте переписи (для временно отсутствующих); пол; возраст; брачное состояние; национальность; родной язык; гражданство; грамотность; название учебного заведения и степень обучения (для учащихся); окончание средней или высшей школы; занятие или другой источник средств существования; место работы; общественная группа.

В переписной лист переписи 1939 г. были возвращены некоторые вопросы, исключённые из переписного листа 1937 г.: характер проживания (постоянно или временно), место постоянного жительства и время отсутствия в нём (для временно проживавших в месте проведения переписи), время отсутствия

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: краткие итоги. М., 1991.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М., 2007.

в месте переписи (для временно отсутствовавших). Подробнее были представлены вопросы об уровне образования (название учебного заведения, степень обучения, факт окончания средней или высшей школы). Был снят вопрос о религии. Кроме того, в «Инструкции по заполнению переписного листа» счётчикам предписывалось получать подробные ответы на вопрос о занятиях и месте работы. За уклонение от переписи предусматривалось уголовное наказание. В предписании СНК СССР, адресованном ЦУНХУ, рекомендовалось разыскивать и учитывать при переписи бездомных и нищих, скрывавшихся в подвалах, котлах для варки асфальта, на чердаках, под мостами и т.д. По итогам переписи в 1939–40 гг. было опубликовано несколько таблиц. В официальных итогах численность населения в 1939 г. была искусственно завышена на 3,3 млн. чел. Была завышена и численность городского населения путём учёта населения сельских поселений, поспешно переведённых в статус городских; реальная численность городского населения составила 48 млн. чел. (в 1937 – 45 млн. чел.). Подлинные данные переписи 1939 г., хранившиеся в архивах, подтвердили по всем основным показателям итоги переписи 1937 г. Почти 20 % населения в возрасте 9 лет и старше были неграмотными (по «Инструкции к заполнению переписного листа» грамотным считался человек, умеющий читать по складам и расписываться). Перепись 1939 показала также быстрый рост советского государственного и партийного аппарата (в 6 раз по сравнению с 1926 г.). Среди руководящих работников партийных, государственных, кооперативных и общественных учреждений общесоюзного, республиканского и областного уровня высшее образование имели около 21%, среднее – около 52%, среди прокуроров и судей – соответственно 12% и 48% [4, с. 105–112].

В течение 10 дней после завершения переписи проводился сплошной контрольный обход. Впервые в истории советских переписей был введен контрольный бланк, который содержал вопросы переписного листа и заполнялся на всех проживающих постоянно или временно в данном помещении, но отсутствовавших на момент переписи. Всем переписанным в качестве временно проживающих или собирающимся уехать выдавалась справка о прохождении переписи.

По официальным итогам переписи население насчитывало 170,6 млн чел., в том числе городского — 56,1 млн человек (33 %). Однако численность населения была искусственно завышена. В действительности, по сохранившимся в архивах подлинным итогам переписи, численность населения СССР составила 167,3 млн чел., а необоснованная приписка составила около 3 млн человек или 1,7 % от населения СССР [4, с. 90–93]. При использовании данных переписи необходимо учитывать объем приписки, в том числе и по регионам. Численность населения в регионах искусственно либо завышалась, чтобы замаскировать потери населения (особенно в пострадавших от голода 1932–33 гг. районах), либо занижалась в районах сосредоточения мест заключения.

Разработка материалов переписи была механизирована и осуществлена за 15 месяцев. Несколько таблиц по итогам переписи были опубликованы в 1939—1940 годах. Основные итоги переписи были опубликованы в начале 1990-х годов в 2-х томах¹. Полной публикации региональных материалов до сих пор не произведено. В современных исследованиях восстановлены действительные итоги переписи по численности населения по СССР в целом и по его регионам.

Всесоюзная перепись 1959 года была проведена по состоянию на 15 января. Это была первая послевоенная перепись в СССР. Последствия Великой Отечественной войны в стране (сложная демографическая ситуация, голод, разруха) не позволили провести очередную перепись населения в 1949 году.

Программно-методологические вопросы переписи 1959 г. обсуждались на Всесоюзном совещании статистиков 4–8 июня 1957 г. в Москве с привлечением научной общественности. Перепись отразила изменения в численности, половозрастном составе населения, в связи людскими потерями в годы ВОВ, изменения в размещении населения с учетом изменений границ СССР и союзных республик.

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. / составители Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Исапов А. А., Киселев И. Н. М., 1992.; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия. / составитель Жиромская В. Б. СПб., 1999.

Программа этой переписи, как и последующих переписей 1970 и 1979 гг., имела много общего с программой переписи 1939 г., что обеспечивает сопоставимость результатов.

Перепись 1959 г. учитывала наличное и постоянное население по состоянию на 12 часов ночи с 14 на 15 января. Опрос населения счетчиками продолжался 8 дней – с 15 по 22 января. Переписи подлежали советские граждане и иностранные подданные, проживающие на территории СССР, а также советские граждане, находящиеся за границей. Население переписывалось по месту жительства, в т.ч. временного. Был разработан специальный порядок проведения общей переписи: предусматривался предварительный обход всех помещений в течение четырех дней до дня переписи (с 11 по 14 января). При обходе окончательно выверялись списки всех помещений, где проживало население, включая помещения, занятые предприятиями, организациями и учреждениями. Счетчик предупреждал население о предстоящей переписи и устанавливал, кого из проживающих трудно застать дома и в какое время их удобнее переписать.

Записывались также временно отсутствующие из числа постоянного населения. Пассажиры дальнего следования переписывались в поездах (с 23 часов 14-го до 1 часа 15-го января), на вокзалах, в портах, аэропортах (с 0 до 3 часов 15 января). В труднодоступных районах и районах Крайнего Севера (1% всего населения) перепись проводилась в 1958 г.

Заполнение бланков производилось методом опроса. Переписной лист заполнялся со слов опрашиваемого, без проверки по документам; сведения о детях давали родители или воспитатели, а о тяжелобольных или временно отсутствующих – члены семьи. На лиц, вызывающих сомнение в прохождении ими переписи в другом месте, составлялись контрольные бланки.

Во избежание повторного счета всем временно проживающим, а также переписанным в поездах, на вокзалах, в портах, аэропортах и т. п. выдавалась справка о прохождении переписи.

После переписи проводился сплошной контрольный обход всех помещений в течение 10 дней.

Программа переписи населения содержала 15 признаков: отношение к главе семьи; время отсутствия (для временно отсутствующих); место постоянного жительства и время отсутствия в нем (для временно проживающих); пол; возраст; брачное состояние; национальность; родной язык; гражданство; уровень образования (впервые был поставлен вопрос не о грамотности населения, а об уровне образования); название учебного заведения (для учащихся); место работы; занятие; источник средств существования (для не имеющих занятия); общественная группа.

Предполагалось провести в рамках общей переписи семейную перепись (заполнить семейные карты) и перепись жилищного фонда. Семейную перепись проводить не стали, а перепись жилищного фонда была осуществлена позднее – 1 января 1960 г.

Проведение переписи 1959 г. имело ряд особенностей: был установлен единый срок проведения переписи в городских поселениях и сельской местности – 8 дней, ставший традиционным и для всех последующих переписей населения, более подробно изучены характеристики образования. Впервые был применен выборочный метод при разработке (но не при опросе) материалов о семьях.

Численность населения СССР по переписи 1959 года составила 208,8 миллиона человек, в том числе городского – 100 млн. чел. (48%).

Данные переписи неоднократно подвергались оценке со стороны статистиков, которые отмечали высокую точность учета населения. Например, существующие в настоящее время поправки на недоучет населения по Российской Федерации в переписи 1959 г. составляют чуть более 0,1% [8, с. 32].

Разработка материалов была полностью механизирована и проводилась централизованно.

Предварительные итоги Всесоюзной переписи были опубликованы в мае 1959 г., а полные итоги в 16 томах (сводный том по СССР и отдельные тома по каждой союзной республике) – в 1962–1963 гг.¹.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962–63 гг.

Всесоюзная перепись 1970 г. учитывала постоянное и наличное население по состоянию на 12 ч. ночи с 14 на 15 января 1970 года.

На Всесоюзном совещании статистиков в Москве с участием большого числа крупных ученых, представителей разных отраслей общественных наук 22–26 апреля 1968 г. были обсуждены основные программно-методологические и технические вопросы переписи.

Перепись проводилась с 8 часов утра 15 января по 22 января 1970 года включительно. Перепись продолжалась 8 дней как в городских поселениях, так и в сельской местности. Предварительный обход был проведен с 10 по 14 января. В районах Крайнего Севера и в других труднодоступных районах опрос было решено провести до наступления общего срока Всесоюзной переписи.

Выборочный контрольный обход был проведен в течение 6 дней, с 24 по 29 января, и, в отличие от переписей 1939 и 1959 гг. охватывал лишь 50% жилых помещений. Так же, как и в других предыдущих переписях, на лиц, возможно не прошедших переписи, составлялся контрольный бланк. Перепись проводилась путем опроса, но допускалось и заполнение переписных листов самими опрашиваемыми.

В переписи населения 1970 г. впервые широко использовался выборочный метод получения и контроля данных.

Программа переписи 1970 года состояла из следующих форм: форма 1 – переписной лист сплошной переписи; форма 2 – переписной лист выборочной переписи; форма 3 – опросный лист для лиц в трудоспособном возрасте, занятых в домашнем и личном подсобном сельском хозяйстве; форма 4 – бланк учета передвижения населения от места жительства до места работы или обучения.

Существенно новым явилось сочетание сплошной и выборочной переписи; из 18 вопросов программы переписи на 11 ответы получались от всего населения, а на 7 – от 25% постоянного населения.

Программа сплошной части переписи включала 11 признаков: отношение к главе семьи; причина и время отсутствия (для временно отсутствующих); место постоянного жительства и время отсутствия в нем (для временно проживающих); пол; воз-

раст; брачное состояние; национальность; родной язык, а также другой язык народов СССР, которым опрашиваемый свободно владеет; уровень образования; тип учебного заведения (для учащихся); источник средств существования. В программу выборочной части переписи населения были включены 7 признаков: место работы; занятие (для пенсионеров – прежнее основное занятие); характер и продолжительность работы в 1969 г. (для работавших в 1969 г. неполный год); общественная группа; продолжительность проживания в месте переписи; место предыдущего постоянного жительства; причина перемены места жительства.

Кроме того, сплошным наблюдением охватывались лица в трудоспособном возрасте, занятые в домашнем и личном подсобном сельском хозяйстве (мужчины в возрасте 16–59 и женщины – 16–54 лет).

В работу по переписи для городов и их пригородных районов, утвержденных по особому списку (города с населением свыше 500 тыс. жителей), входил учет передвижения населения от места жительства до места работы, учебы. Был введен специальный бланк учета передвижения населения, который заполнялся рабочими, служащими и учащимися высших и средних специальных учебных заведений. Это давало возможность получить данные о маятниковой миграции.

Вопрос о гражданстве был соединен с вопросом о национальности. Причем на вопрос о национальности отвечали советские граждане, а о гражданстве – иностранцы. Учащимся следовало указать тип учебного заведения.

Новыми при переписи были также вопросы о другом языке народов СССР, которым опрашиваемый свободно владеет, о прежнем занятии пенсионеров, о продолжительности работы в 1969 г. Для работающего в 1969 г. неполный год следовало подчеркнуть: работал постоянно, сезонно или временно – и указать продолжительность работы в месяцах в 1969 г. Таким образом можно было получить сведения о характере среднегодовой занятости населения.

Большое внимание было уделено вопросам о миграции и в выборочной переписи, и в бланке учета передвижения.

Точность сведений, собранных переписью, в том числе и путем 25% выборки, высоко оценивается статистиками.

Итог переписи – 241,7 миллиона человек, причем доля городского населения – 56% (136,0 млн чел).

При разработке переписи был применён бесперфорационный метод разработки материалов на ЭВМ.

Итоги переписи были опубликованы в 1972–73 гг. в 7 тематических томах¹.

Всесоюзная перепись 1979 г. проведена по состоянию на 17 января.

В ходе подготовки к ней в 1976 г. была осуществлена пробная перепись, охватившая 800 тыс. человек. С 12 по 16 января был проведен предварительный обход. Перепись производилась с 17 по 24 января. Перепись проходила методом опроса и записей ответов счетчиками в переписные листы в ходе обхода жилых помещений. С 27 по 31 января инструкторы-контролеры совместно со счетчиками провели выборочные 25%-е контрольные обходы для проверки полноты переписи. Как уже вошло в практику переписей, контрольные мероприятия включали также составление контрольных бланков и выдачу справок о прохождении переписи.

Перепись учитывала наличное и постоянное население; разработка велась в основном по постоянному населению.

Программа содержала 16 признаков. Применялись две формы переписных листов: Форма 2С (сплошная перепись) содержала 11 вопросов, ответы на которые были получены от всего населения. Вопросы сплошной переписи населения: отношение к главе семьи; пол; причина и время отсутствия (для временно отсутствующих); место постоянного жительства и время отсутствия в нем (для временно проживающих); возраст; состояние в браке; национальность, для иностранцев – также гражданство; родной язык и другие языки народов СССР, которыми свободно владеет; образование; для учащихся – тип учебного заведения; источник средств существования.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972-73.

Форма 3В (выборочная перепись) содержала еще 5 вопросов, ответы на которые были получены от 25% постоянного населения (заполнение этой формы проводилось в каждом четвертом помещении). Вопросы выборочной переписи: место работы; занятие по этому месту работы; общественная группа; продолжительность непрерывного проживания в данном населенном пункте; для женщины – сколько детей родила, не считая мертворожденных.

Вопросы сплошной части переписи были в основном те же, что и при предыдущей переписи 1970 г. Однако в вопросе о возрасте была введена дата рождения наряду с традиционным числом исполнившихся лет. Брачное состояние фиксировалось развернуто в виде четырех категорий: состоящие в браке, никогда не состоявшие в браке, вдовы и разведенные (либо разошедшиеся).

При заполнении карточек главу семьи указывали сами члены семьи из числа постоянно проживающих, но если возникали трудности с определением, то главою следовало считать того, кто обеспечивает основные средства к существованию.

В выборочной части отсутствовали вопрос о неполной занятости в году, предшествовавшем переписи. Миграция населения изучалась не так подробно, как в 1970 г.

При переписи 1979 г. впервые был поставлен вопрос о числе рожденных женщиной детей (для углубленного исследования динамики рождаемости и изучения факторов, влияющих на воспроизводство населения).

Наряду с основной программой переписи населения 1979 г. на лиц в трудоспособном возрасте, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, составлялся опросный лист, включавший 9 вопросов, с целью изучения возможностей вовлечения дополнительной рабочей силы в экономику страны.

Перепись 1979 г. собрала данные о долгожителях страны (сто и более лет).

В переписи 1979 г. была применена принципиально новая форма переписного листа, который являлся одновременно техническим носителем первичной информации для ввода ее в ЭВМ с помощью специальных считывающих устройств и запи-

си на магнитную ленту. Ответы в 12 вопросах из 16 переписного листа записывались не словами, а наносились непосредственно во время переписи в виде меток специальным карандашом, а затем сами переписные листы вводились в электронные считывающие устройства.

Кроме того, в отличие от прошлых переписей, переписной лист не носил списочную форму. В переписной бланк заносились сведения только для двух человек, а при выборочном обследовании – на одного. Все это существенно облегчило и удешивило обработку материалов переписи.

По данным переписи численность населения СССР составила 262,4 млн. человек, в том числе городского – 162,7 млн., или 62%.

В первой половине 1981 г. была закончена разработка материалов переписи по полной программе. Материалы переписи 1979 г. были изданы в одном томе в 1984 г., а затем в 1989–1990 г. – в 10 томах¹.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. была осуществлена по состоянию на 12 часов ночи с 11 на 12 января. Перепись проводилась по месту фактического проживания опрашиваемых. Перепись проводилась в течение 8 дней, с 12 по 19 января 1989 года, путем опроса граждан. Сведения записывались счетчиком со слов опрашиваемого.

С 7 по 10 января был проведен предварительный обход жилых помещений, с 12 по 19 января – перепись, с 20 по 24 января инструкторы-контролеры совместно со счетчиками совершали 25% выборочные контрольные обходы. Сохранялась практика составления контрольных бланков и выдачи справок о прохождении переписи.

Перепись учитывала наличное и постоянное население. Разработка велась по постоянному населению.

В отличие от предыдущих переписей населения, первичная информация вводилась в ЭВМ с применением нового оптического читающего устройства «Бланк», позволяющего кодиро-

¹ Всесоюзная перепись населения 1979 г. М., 1984; Всесоюзная перепись населения 1979 г. В 10 т. М., 1989-1990.

вать ответы населения не только графическими методами, но и машиночитаемыми цифровыми знаками. Была упрощена сверка контрольных бланков.

Программа переписи 1989 г. включала в себя гораздо большее число признаков, чем перепись 1979 г. (25 вместо 16), из которых 20 фиксировались в ходе сплошного опроса, а 5 дополнительных – 25 %-ного выборочного.

Переписные листы формы 2С (сплошная перепись) заполнялись на 2 лица и содержали вопросы: отношение к члену семьи, записанному первым; пол; причина и время отсутствия (для временно отсутствующих); место постоянного жительства и время отсутствия в нем (для временно проживающих); дата рождения; место рождения; состояние в браке; национальность; для иностранцев – также гражданство; родной язык и другие языки народов СССР, которыми свободно владеет; образование; окончил ли ПТУ; для учащихся – тип учебного заведения; источники средств существования (можно было указать 2 источника). Кроме этих вопросов, сплошная перепись содержала (и это было новшеством) вопросы о жилищных условиях опрашиваемых: период постройки дома; материал наружных стен; кому принадлежит дом (государственной организации, жилищно-строительному кооперативу и т.д.); тип жилого помещения; благоустройство жилого помещения; число занимаемых жилых комнат; размер площади – общей и жилой.

Переписные листы форма 3В (выборочная перепись) заполнялись на 1 лицо и включали вопросы: место работы; занятие по этому месту работы; общественная группа; продолжительность непрерывного проживания в данном населенном пункте; для женщины – сколько детей родила и сколько из них живы.

По сравнению с предыдущей переписью населения были включены новые вопросы о месте рождения, об окончании ПТУ; кроме того, вопрос об отношении к главе семьи заменен вопросом об отношении к члену семьи, записанному первым. Вопрос о возрасте заменен на указание числа и года рождения, а вопрос о продолжительности проживания дополнен подпунктом, из какого населенного пункта прибыл (из городского или сельского).

Разработка материалов переписи была завершена в 1990 г. Основные итоги были опубликованы в «Вестнике статистики» (1990, №№5–12) и пяти выпусках кратких итогов. Затем в 1991-1993 гг. были опубликованы 11 томов итогов переписи по Российской Федерации.

Население страны в 1989 году составило 286,7 млн. человек, в том числе городское население – 66% (188,8млн. чел.).

Данные российских переписей XX века, несмотря на ряд существенных отличий в программах и методике проведения, по основным параметрам сопоставимы.

Список литературы

1. Воробьев, Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г./ Н. Я Воробьев. – М., 1957. – 107 с.
2. Жиромская, В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: из истории подготовки и проведения. / В. Б. Жиромская. // История СССР.– М. , 1990. №3. С. 93–98.
3. Андреев, Е. М. Демографическая история России: 1927-1959./ Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – М., 1998. – 187 с.
4. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930- е гг.: Взгляд в неизвестное. / В. Б. Жиромская. – М., 2001. – 280 с.
5. Поляков, Ю. А. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) 1990. / Ю. А., Поляков, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев. // Социологические исследования. – М., 1990. № 6-8.
6. Волков, А. Г. Из истории переписи населения 1937 г. / А. Г. Волков. // Вестник статистики.– М., 1990. №8. С. 46–50.
7. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: всесоюзная перепись населения 1937 года. / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. – М., 1996. –152с.
8. Жиромская, В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России, 1945-1960 гг./ В. Б. Жиромская. – М., 2009. – 277с.

ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕРЕПИСИ И УЧЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ

Как известно, переписи населения, охватывающие всю территорию страны (общероссийские и общесоюзные), в силу значительных финансовых и иных ресурсных затрат, проводятся крайне редко – примерно один раз в десятилетие. В условиях дефицита информации о населении статистики обращаются к так называемым «локальным» переписям населения, охватывающих ограниченные территории. В настоящей статье рассматривается одна из сложных, но чрезвычайно важных для исторической демографии проблема достоверности локальных переписей населения, организованных в первой половине XX в. Дана оценка точности сведений, полученных в ходе проведения локальных переписей о численности, половозрастном и социальном составе населения Западной Сибири

***Ключевые слова:** население, локальные переписи, статистика, демографическая история, численность, социальная структура, пол, возраст, миграции, погрешность учета.*

Одной из самых сложных и трудно решаемых проблем исторической демографии является проблема достоверности статистических источников. Фиксация демографических событий и территориальных перемещений населения в России в первой половине XX в. была организована со столь значительными погрешностями, что всякое упоминание об этом стало общим местом. В иных случаях величина погрешности была так велика, что полностью искажала представление о ходе демографического развития и не давала возможности определить даже его общее направление.

Такое положение в значительной степени обуславливалось изъянами административно-бюрократического порядка – нередкими сбоями в работе государственных структур, призванных фиксировать демографические события. Вместе с тем нельзя не учитывать очевидную недисциплинированность и неорганизованность россиян, их недоверчивое отношение к государству и его чиновникам. Такого рода «эндогенные» условия, в которых проводился текущий учет естественного и механического движения населения (они проистекали из внутренней организации статистического процесса), усугублялись сложностями социально-политической истории России. Вследствие мощного воздействия экзогенных, т. е. внешних по отношению как к демографической подсистеме общества, так и к организации статистической деятельности, политических факторов, российская система текущего учета населения на протяжении XX столетия как минимум дважды переживала статистические кризисы: в период гражданской войны, а также на этапе форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. В сущности, все сведения, как опубликованные, так и архивные, – о количестве родившихся и умерших, о браках и разводах, о числе прибывших и выбывших в первой половине XX в. – носили ориентировочный характер. Данные текущего учета естественного и механического движения населения не могли служить надежной основой для определения параметров демографического развития России. Следствием были значительные просчеты, допускаемые при построении динамических рядов численности населения, а также при расчетах показателей половозрастной структуры населения. Эти данные характеризуются значительными неточностями.

Как известно, основным способом определить с приемлемой точностью численность и структуру населения являются переписи. По территориальному охвату переписи разделяются на всеобщие и локальные. Всеобщие переписи распространяются на всю территорию страны, локальные – на отдельные регионы или даже на отдельные поселения. В историко-демографической литературе локальные переписи иногда называют местными. Помимо переписей, российские статистики в усло-

виях острого дефицита информации научились извлекать сведения о населении из материалов различного рода учетов, зачастую не имеющих отношения к демографии.

Дореволюционная Россия получила немалый опыт проведения локальных переписей населения. С 1892 г. по 1917 г. на территории России было произведено не менее 200 локальных переписей [1, с. 323.]. В Сибири в конце XIX – начале XX вв. переписывалось население Барнаула (1895 г.), Новониколаевка (1905 г.), Омска (1877 г.), Тобольска (1872 г.), Томска (1866 г.), Тюмени (1886 г.), Читы (1883 г.), Якутска (1875 г.), Ялуторовска (1886 г.). В Иркутске в XIX было организовано 5 переписей – в 1863 г., 1864 г., 1875 г., 1879 г., 1883 г. В Якутской области в 1872 г., 1875 г. и в 1885 г. были произведены сплошные переписи населения, охватившие все городские поселения [1, с. 323]. Дореволюционные локальные переписи населения сибирских городов хорошо известны и широко используются в современном сибирском историческом городоведении [См.: 2, 3 и др.].

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, включившая в свои рамки полностью все её население страны, была проведена только в феврале 1897 г. Данные этой переписи, к слову, достаточно точные, были положены в основу построения последующих динамических рядов численности населения¹. Но примерно через 10 лет, когда материалы первой переписи устарели, назрела необходимость организовать следующую по счету всероссийскую перепись. Она была намечена на 1910 г. Однако из-за нехватки средств перепись так и не была проведена². К 1915 г. был готов разработанный Центральным статистическим комитетом (ЦСК) Российской империи план очередной переписи, но его реализация была отложена до окончания мировой войны. При отсутствии переписных данных, расчеты ЦСК о численности населения России, которые широко публиковались, содержат погрешность. Сельскохозяйствен-

¹ См. например: Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград, 1915; Статистический ежегодник России. 1915 г. Петроград, 1916 и др.

² Труды Центрального статистического управления. Т. I. Выпуск 1. М., 1920. – С. 3.

ные переписи 1916 и 1917 гг. не дали точных результатов, а их материалы в связи с бурными демографическими изменениями революционных лет быстро устарели [4].

Пришедшее в октябре 1917 г. к власти большевистское правительство, провозгласившее строительство нового общества, основанного на плановой экономике, остро нуждалось в статистических сведениях о военно-мобилизационных и трудовых ресурсах. Признанный лидер большевиков В. И. Ленин в 1918 г. подчеркивал особую важность учета и контроля для коммунистического государства. Вопрос об учете и контроле в своей книге «Очержденные задачи Советской власти» Ленин назвал коренным вопросом социалистической революции [5, с. 184].

Возможно, по этой причине, а быть может, не представляя себе сложность задачи, советское правительство принято решение о проведении в августе 1920 г. демографической переписи. Но в условиях разрухи и гражданской войны она не дала и не могла дать точных данных о населении. Перепись охватила всего 72% населения страны [1, с. 324]. В Сибири не были переписаны Якутская область, Забайкалье, север Иркутской губернии (Киренский, Илимский, Бодайбинский уезды), север Енисейской губернии (Туруханский край), север Томской губернии (Нарымский край)¹. Демографическая перепись 1920 г. сопровождалась сельскохозяйственной переписью². Однако это не повлияло кардинально на точность полученных сведений. Перепись, проведенная в марте 1923 г., была городской и, соответственно (из-за отсутствия данных по сельской местности), не могла служить основой для определения численности и состава населения страны в целом.

Как известно, текущая оценка численности населения производится на основании итогов переписей. К данным о численности населения, полученным на основе переписи, до-

¹ Население Сибири (по материалам Всероссийской переписи 1920 года). Погубернские, поуездные и поволостные итоги. Т. 1. Вып. 5. Новониколаевск, 1921. – С. 1.

² Групповые итоги Сельско-Хозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926.

бавляются числа естественного прироста (разность между количеством родившихся и умерших) и механического прироста (разность между количеством прибывших и убывших). У статистиков начала 1920-х гг. не имелось ни одной точной цифры, численно характеризующих естественный и механический прирост. Попытки статистиков, производившиеся на столь непрочной базе, несмотря на все расчетные ухищрения, не могли привести к точной оценке численности населения. Ошибки были неизбежны. Об определении половозрастной структуры населения вообще не могло идти и речи.

Таблица 1 *

Оценки ЦСУ СССР численности населения СССР, РСФСР** и Сибири *** в 1923 и 1925 гг. в сопоставлении с данными переписи 1926 г. (млн. человек)**

Регион	Все наличное население	В том числе:	
		сельское	городское
Оценка на начало 1923 г.			
СССР	133,5	111,6	21,9
РСФСР	100,0	84,6	15,4
Сибирь	9,3	8,3	1,0
Оценка на начало 1925 г.			
СССР	139,8	116,8	23,0
РСФСР	96,7	81,5	15,2
Сибирь	8,7	7,7	1,0
Перепись 17 декабря 1926 г.			
СССР	147,0	120,7	26,3
РСФСР	92,7	76,2	16,5
Сибирь	8,7	7,6	1,1

* Источник: Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств. М., Ленинград, 1926. С. 26 – 28.

** СССР и РСФСР в границах до 17 сентября 1939 г.

*** Сибирь в составе Алтайской, Енисейской, Иркутской, Ново-Николаевской, Омской, Томской губерний, Бурят-Монгольской АССР и Ойратской автономной области по административному устройству 1925 г.

Таблица 1 демонстрирует, насколько значительными были погрешности в оценках численности населения СССР, РСФСР и Сибири, проделанные ЦСУ СССР на начало 1920-х гг. Только Всесоюзная перепись населения, проведенная в декабре 1926 г., внесла обоснованные коррективы в работу по определению численности населения. Теперь, на основе переписи 1926 г. и данных о естественном и механическом приросте, можно было вновь более или менее точно вести работу по определению численности населения. Такого рода оценки для Сибирского края были сделаны в Статистическом секторе Сибирской краевой плановой комиссии и непосредственно в Сибкрайплане.

Таблица 2

**Оценка численности населения Сибирского края
для 1927 – 1930 гг. (на начало каждого года, тыс. человек).
Оценка статистического сектора Сибкрайплана ***

	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Городское население	1149,2	1242,0	1345,9	1472,9
Сельское население	7553,3	7818,6	8122,7	8450,9
Всего	8702,5	9060,6	9468,6	9923,8
Оценка Сибкрайплана **				
Городское население	оценка	1242,0	1345,9	1486,4
Сельское население	не	7779,5	8014,9	8223,4
Всего	производилась	9021,5	9360,8	9709,8

* Источник: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 3, 5, 15.

** Источник: Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. С. 3.

Имеющиеся оценки численности населения Сибири для 1927–1928 гг. близки к истине, что вообще характерно для первых переписных лет. Но лежащие в основе расчетов данные о

естественном и механическом приросте содержали погрешность. Прежде всего, это касается сведений о числе прибывших и выбывших. В сельской местности и в небольших городских населенных пунктах регистрация мигрантов не велась вообще, а адресными бюро, созданными в крупных городах, она проводилась с большими пропусками. Один из ведущих статистиков Сибири второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. А. И. Слуцкий, характеризуя точность учета механического движения населения, писал: «Этот учет в настоящее время ведется настолько неудовлетворительно, что данными его пользоваться не представляется возможным» [5, с. 106].

Тем не менее, статистики вынуждены были использовать неточные сведения текущего учета движения населения, поскольку других данных не было. Это вело к быстрому накоплению статистической ошибки. Чем дальше от даты переписи отстояла оценка, тем выше была погрешность. Оценки численности населения Сибири для 1929 г. содержали уже внушительную неточность, а для 1930 г. накопившаяся ошибка составляла значительную величину.

Начиная с 1930 г. вся страна, а вместе с ней и Сибирь, вступили в полосу демографического кризиса, который быстро перерастал в демографическую катастрофу. Увеличивалась смертность, миграции приняли не только масштабный, но и хаотичный характер. Сотни тысяч крестьян, спасаясь от коллективизации, бежали в города. Росли масштабы насильственных депортаций. Численность мигрантов росла небывалыми темпами. Вместе с этим стагнировала и численность сельского населения Сибири. В 1932 – 1933 г. численность сельского населения многих районов страны сократилась. Демографические события развивались столь бурно, что статистики были не в состоянии уследить за ними и сбились со счета.

Один из руководителей сибирской статистики Н. Соловьев в 1931 г. писал, что после переписи 1926 г. численность населения «приходилось определять путем исчислений по материалам естественного и механического движения... В условиях значительных процессов миграции населения ни сила органи-

зиторского искусства по наблюдению за этими процессами, ни сила исчислительного хитроумия статистиков – не в состоянии были уловить меры действительного количественного уровня населения» [6, с. V]. К 1932 г. потребность в данных о численности населения (они использовались не только для определения наличных запасов рабочей силы и военно-мобилизационного потенциала страны, но и для расчета душевых норм потребления) значительно усилилась. Начальник Западно-Сибирского краевого управления Народно-хозяйственного учета (КУНХУ) Н. Солоницын 7 апреля 1932 г. докладывал на заседании фракции ВКП (б) Запсибкрайисполкома: «Насколько увеличилось население главных городов края... никто определенно сказать не может.»¹ В докладной записке, появившейся в недрах Запсибкрайплана, именуемой «Баланс трудовых ресурсов», составленной весной 1932 г., подчеркивалось: «Данные статистики на одну и ту же дату – 1 января 1932 г. – давали совершенно различные показатели»².

После переписи населения 1937 г., когда стала очевидной ошибочность всех прогнозов о численности населения СССР, начальник ЦУНХУ И. А. Краваль в записке «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения» писал: «Неудовлетворительное состояние текущего учета населения является главной причиной того разрыва между предположениями и фактической численностью населения, установленной переписью»³.

Очевидно, что для получения точных данных о численности и структуре народонаселения необходимо было проводить всеобщую перепись. Решение о проведении переписи населения СССР было озвучено в постановлении СНК СССР от 28 апреля 1932 г. Перепись была назначена на декабрь 1932 г. Для её подготовки была создана комиссия во главе с начальником ЦУНХУ СССР В. В. Осинским [7, с. 179]. О серьезности намерений говорит тот факт, что в сентябре 1932 г. была проведена опытная перепись, охватившая четыре района Московской об-

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1708. Л. 159.

² Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 35. Л. 40.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 6.

ласти [7, с. 179]. Но перепись так и не была проведена, а столь необходимые данные о людских ресурсах страны так и не были получены.

В итоге, единственным способом получить сведения о населении, пусть даже и отдельных районов страны, оказались локальные переписи. Они проводились по сокращенной программе на ограниченной территории и, следовательно, были сравнительно недорогими. Организовывались локальные переписи, как правило, за счет местных бюджетов. Серию из нескольких локальных переписей открыла перепись населения Крымской АССР, проведенная 25 февраля 1931 г. [8, с. 168.] В апреле 1931 г. было переписано сельское население Азербайджана [8, с. 164]. В сентябре этого года Наркомпрос Армянской ССР организовал республиканскую перепись постоянного городского и сельского населения [8, с. 167].

В советской Сибири первая локальная перепись была произведена в январе 1931 г. Ее организатором был Статистический сектор Запсибкрайплана. Переписи подверглось городское население Кузбасса. Критическим днем переписи было назначено 15 января. Собственно, переписной период устанавливался от 1-го до 3-х дней. Но в большинстве городов перепись заняла 2 дня. Только в Новокузнецке и Ленинске-Кузнецком, ввиду острой нехватки кадров, перепись проводилась 3 дня. Для проведения переписи была привлечена общественность, причем персонал переписчиков и участковых инспекторов работал бесплатно. Среди регистраторов преобладали старшеклассники, учащиеся техникумов, учителя, служащие советских учреждений. Для руководства переписью в города Кузбасса Статсектор Крайплана направил квалифицированных статистических работников. На них возлагалась организационная и инструкторская работа [9, с. II - VII].

Перепись охватила все крупные города и рабочие поселки Кузбасса. Но ряд небольших рудничных поселков, таких, как Тельбесский рудник, Салаирский рудник, Киселевск, не были охвачены переписью. Не переписанным оказалось и население на железнодорожных новостройках. Здесь, по свидетельству Н. Солоницына, сосредотачивалось «большое количество насе-

ления» [6, с. VI], но из-за недостатка статистических сил пришлось отказаться от регистрации населения в этих пунктах.

Перепись показала, во-первых, фантастически быстрые темпы роста численности городского населения, а во-вторых, образование сразу нескольких крупных населенных пунктов.

Таблица 3

Динамика численности городского населения Кузбасса по данным переписей населения 1923 г, 1926 г. и 1931 г. (человек)*

Городские поселения	Городская перепись 1923 г.	Всесоюзная перепись 1926 г.	Перепись городского населения Кузбасса 1931 г.	1931 г. в % к 1923 г.
Анжеро-Судженск	23562	30234	53217	225,9
Топки	3275	5629	11602	354,3
Щегловск	11056	23215	48946	442,7
Барзас	-	-	497	-
Ленинск	12144	19676	37664	310,1
Белово	-	-	11480	-
Гурьевский завод	3614	4230	8559	236,8
Прокопьевск	-	10735	36300	338,2 **
Кузнецк	3526	3901	5826	165,2
Новокузнецк	-	-	45903	-
Осиновский рудник	-	-	2679	-
Всего	57177	97620	262707	459,5

* Источник: Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. VII.

** За 1926 – 1931 гг.

В числе важных характеристик переписи было определение социального состава населения Кузбасса. Вообще в 1930 - гг., при проведении локальных переписей, этому вопросу придавалось очень большое значение, порой даже в ущерб определению

половозрастного состава населения. Об отношении к выявлению социального состава населения свидетельствует тот факт, что при обработке материалов кузбасской переписи специально была проведена кропотливая работа по сопоставимости данных переписи 1931 г. с данными переписей 1923 г. и 1926 г. Полученные в результате этой работы сведения приведены в табл. 4.

Таблица 4

Социальный состав самодеятельного городского Кузбасса по данным переписей населения 1923, 1926 и 1931 гг. *

Социальная группа	1923 г.		1926 г.		1931 г.	
	Человек	%%	Человек	%%	Человек	%%
Рабочие	11424	51,5	17973	53,6	64511	58,2
Служащие	5118	23,1	7180	21,4	30354	27,4
Хозяева и помогающие члены семьи	2255	10,2	4386	13,2	4166	3,7
Одиночки в промысле и ремесле	1372	6,2	1174	3,5	787	0,2
Безработные	1012	4,5	1210	3,6	-	-
Прочие	1016	4,5	1585	4,7	11514	10,4

* Источник: Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. С. XIV.

Помимо этих основных сведений о численности и социальной структуре городов Кузбасса, перепись содержит богатые материалы о соотношении самодеятельных и несамодеятельных; о «нагрузке» самодеятельных иждивенцами; о распределении городского населения Кузбасса по полу; о распределении самодеятельных по отраслям труда; о составе семей и об их дифференциации по количеству членов семьи.

Но особенно важно, что в переписи городского населения Кузбасса в опросном листке был поставлен вопрос: «Сколько времени проживает в данном населенном пункте?» Это позволило собрать бесценные сведения о мигрантах, которые играли

особенно важную роль в наращивании численности населения городов. Результаты разработки переписи дали яркую картину процесса формирования городского населения Кузбасса. Перепись продемонстрировала, что почти 70 % населения к январю 1931 г. (к моменту проведения переписи) проживали в городах Кузбасса менее 3-х лет [9, с. X]. Таким образом, перепись показала, что предельно маргинализированное население городских поселений Кузбасса почти полностью состояло из мигрантов.

Не менее важно, что формуляр переписи был составлен таким образом, что была получена информация, откуда явилась эта масса новоселов. Всем, проживавшим в городах Кузбасса менее 3-х лет, при переписи задавался вопрос, в каком регионе СССР они раньше имели постоянное местожительство и выходцами каких местностей (городских или сельских) они являются. Таким образом, формуляр переписи дает возможность определить направления миграционных потоков, установить степень участия отдельных районов СССР в формировании городского населения Кузбасса и выяснить роль деревни в этом процессе. Информация настолько важна, что приведем ее отдельной таблицей.

Перепись обнаружила, по меньшей мере, два важнейших факта, характеризующих основополагающие характеристики процесса формирования городского населения Кузбасса. Во-первых, она подтвердила, что главным источником роста населения региона было сельское население. Удельный вес жителей села среди новоселов городских поселений Кузбасса колебался по разным районам выхода в пределах 80 – 50 %. Единственным исключением оказались Дальне-Восточный край и Украина. Среди выходцев из этих регионов преобладали горожане. Во-вторых, перепись развеяла миф о ведущей роли европейской части СССР в урбанизации Кузбасса. Ее материалы засвидетельствовали, что 83 % новоселов региона до момента миграции проживали в различных районах (главным образом в деревне) Сибирского края.

В силу краткости сроков, отведенных на подготовку переписи, недостаточной квалифицированности регистраторов, перепись не могла охватить весь круг вопросов, необходимых для

Таблица 5 *

**Сведения о проживающих в городских поселениях
Кузбасса менее 3-х лет по месту первоначального жительства
по данным локальной переписи 1931 г.****

Районы СССР	Удельный вес выходцев из деревни в %	Удельный вес районов		
		Среди прибывших из городов	Среди прибывших из сельских местностей	Среди всех прибывших
Ленинградская область	59,8	0,8	0,5	0,6
г. Ленинград	-	1,3	-	0,4
Западная область	80,9	0,4	0,7	0,7
Московская область	56,9	1,2	0,6	0,8
г. Москва	-	3,3	-	0,9
Уральская область	65,0	3,2	2,3	2,5
Средне-Волжский край	72,9	1,3	1,3	1,3
ЦЧО	77,0	0,7	1,0	0,9
Казакская АССР	60,7	1,0	0,6	0,7
Дальне-Восточный край	35,9	1,0	0,2	0,4
УССР	44,7	1,4	0,4	0,7
Сибирский край	74,9	74,4	86,5	83,0
Прочие районы и не указавшие место выхода	-	10,0	6,9	7,1

* Источник: Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. С. XVIII.

полной характеристики населения. Тем не менее, ее материалы являют собой бесценный источник по проблемам формирования

и развития населения одного из крупнейших индустриальных центров России.

Еще до начала январской (1931 г.) переписи городского населения Кузбасса, на этапе её подготовки, Запсибкрайплан получил из центра, со стороны Статсектора Госплана РСФСР, сообщение, что в СССР готовится учет городского населения. Он был приурочен к выдаче жителям городов так называемых заборных книжек (своеобразный аналог карточек). Эта выдача была организована в период с 15 марта по 15 апреля 1931 г. через органы Центросоюза. Статистики, учитывая заинтересованность населения в получении заборных книжек, использовали это мероприятие для перерегистрации городского населения. Таким образом, перерегистрация превратилась в своеобразную микроперепись горожан. Контрольным днем перерегистрации было назначено 1 апреля 1931 г.

Перерегистрация предусматривала выявление численности городского населения, изучение его полового, возрастного, семейного и социального состава, распределение работающих горожан по отраслям труда, профессиям, источникам средств существования, по секторам производств (государственному, общественно-кооперативному и частному). Помимо этого, регистрировались следующие показатели: членство в профсоюзе, норма или категория снабжения¹.

Уже в ходе проведения перерегистрации выяснились многочисленные методологические недоработки. В частности, не было проработано положение о безработице. В результате к категории безработных относили домохозяек, иждивенцев, владельцев кооперативных мастерских. Так называемые «нетрудовые элементы» определялись на основе формальных признаков. В Барнауле, например, в число нетрудовых элементов включили престарелых, единственным источником существования была продажа молока от собственной коровы². Кроме того, как выяснилось в ходе обсчета данных, статистики успели обработать

¹ ГААК. Ф. 6. Оп. 1, Д. 245. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

сведения первичного учета только по численности населения, его семейному составу, полу и социальному положению.

В Западно-Сибирском крае намечалось охватить 50 городских поселений. Но в пяти городских поселениях – Ольховском руднике, Осиновском руднике, Сарале, Бердске и Тюкалинске – перерегистрация не проводилась. В Кузнецке она была проведена неправильно. По Ново-Кузнецку, Гурьевскому заводу, Салаирскому руднику и Алейскому заводу материалы в Сектор народно-хозяйственного учета Запсибкрайплана пришли поздно и не были включены в разработку. Таким образом, в Западно-Сибирском крае материалы весенней перерегистрации городского населения относятся к 41 городскому поселению [10, с. 45].

По ряду городов материалы разрабатывались не полностью: было отобрано 20% материалов с последующим распространением итогов. Кроме того, неполный материал был представлен к разработке по Мариинску и Томску. В этой связи по части городов использовались исчисления Статистического сектора Крайплана, а по некоторым городам Кузбасса – материал январской переписи городского населения [10, с. 53].

Соответственно, получить точные данные о городском населении не удалось. Погрешность была очень велика. И если численность населения была определена относительно точно, то данные о составе горожан далеки от истинных. Тем не менее, в условиях статистической неразберихи начала 1930-х гг. полученные сведения имеют огромную историческую ценность. Только они показывают, хотя и с известной долей погрешности, направление развития городского населения. Они приобретают особую ценность при сопоставлении с данными переписи 1926 г., а по Кузбассу – с данными январской переписи 1931 г. Приведем для примера сведения, полученные статистиками о численности городского населения Западной Сибири в ходе весенней перерегистрации 1931 г.

Материалы весенней перерегистрации 1931 г. послужили основой для определения численности и социального состава городского населения не только для Западной Сибири, но и

для СССР¹, Восточной Сибири², Урала³, Бурятии⁴, Якутии⁵. Они были широко опубликованы и использованы как отправная точка последующих расчетов численности городского населения СССР и его отдельных регионов.

Таблица 6 *

Численность городского населения Западно-Сибирского края ** по данным переписи 1926 г. и данным весенней переписи 1931 г.

Группы городских поселений	О переписи населения 1926 г.	По переписи 1931 г.
С числом жителей свыше 50000 человек	498277	598615
С числом жителей свыше 20000 человек	76047	86794
По промышленным городским поселениям	102172	332494
По железнодорожным городам	47239	63778
По прочим городам	108782	123519
Всего по Западно-Сибирскому краю	820527	1205200

* Источник: Статистика Сибири. Сборник статей и материалов. Новосибирск, 1931. С. 51–52.

** По административно-территориальному устройству на апрель 1931 г.

Учитывая неточность данных о численности и составе населения, полученные в ходе весенней переписи

¹ СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству. М., 1932. – С. 213; Труд в СССР. Статистический справочник. М., 1936. – С. 6–7.

² Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. М. – Иркутск, 1932.–С. 342; Восточносибирский край в цифрах (в новых границах). Краткий статистический справочник. Иркутск, 1935. – С. 129.

³ Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели). Свердловск, 1932–. С. 15.

⁴ Бурятия в цифрах. От V к VI Республиканскому Съезду Советов. Улан-Удэ, 1934. – С. 13.

⁵ Контрольные цифры народного хозяйства Якутской АССР на 1931 год. Якутск, 1931.– С. 132.

1931 г., и очень быстро менявшуюся демографическую ситуацию, Управление народно-хозяйственного учета Западно-Сибирского края весной 1932 г. запланировало проведение сразу нескольких локальных переписей населения. Они должны были охватить крупнейшие города края. В первую очередь предполагалось выявить численность населения городов, социально-классовый состав горожан, структуру самодельного населения по отраслям производства, а также наличие жилого фонда и строений. Работы предполагалось завершить к июню 1932 г. Для их проведения требовалось 145 тыс. рублей¹.

Реализуя проект, 15 февраля 1932 г. статистики организовали жилищно-коммунальную перепись Новосибирска. На её проведение было выделено 30 тыс. рублей². После этого финансирование проекта было прекращено, сам проект был свернут. Таким образом, за 1932 г. имеются сведения о населении только одного города Западной Сибири. Перепись обнаружила астрономически быстрые темпы роста населения Новосибирска. Если по данным переписи 1926 г. в Новосибирске сосредоточивалось 120,1 тыс. человек, в апреле 1931 г. – 180 тыс., то к 15 февраля 1932 г. – свыше 235 тыс. человек [11]. Таким образом, к февралю 1932 г. Новосибирск выдвинулся в число самых крупных городов Сибири, оставив позади бывших «лидеров» – Омск и Томск. Перепись представила также детальные сведения о численности населения города по районам, в том числе и по недавно образованным, в связи с ускоренным индустриальным строительством: Инского, Заобского, Горнозаводского. Быстро росли и «старые» районы – Октябрьский, Ипподромский, Вокзально-Заельцовский, Центральный.

Очень большое значение при проведении жилищно-коммунальной переписи Новосибирска 1932 г. (и это было общим для всех локальных переписей 1930-х гг.) придавалось выявлению социального состава населения и его самостоятельности. Перепись показала, что численность рабочих в Новосибирске за период, прошедший между переписью 1926 г. и переписью

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1708. Л. 159 – 159 об.

² Там же. Л. 159 об.

1932 г., более чем утроилась, численность служащих выросла почти в 2 раза [11, с. 6]. Количество самодеятельного населения в городе выросло с 50 тыс. человек на 17 декабря 1926 г. до 95,1 тыс. человек на 15 февраля 1932 г. [11, с. 6].

Значительное внимание в переписи уделялось гендерным аспектам социального состава населения. Перепись убедительно продемонстрировала интенсивный процесс втягивания женщин в производство. Так, численность женщин-рабочих увеличилась до 7,8 тыс. на 15 февраля 1932 г. против 1,3 тыс. на 17 декабря 1926 г., женщин-служащих соответственно до 13,3 тыс. против 6,9 тыс. [11, с.7] Особенно заметно увеличивалось число работниц в промышленности, строительстве и транспорте. Во всяком случае, перепись позволяет косвенно судить о причинах падения рождаемости в городе.

Поскольку перепись была жилищно-коммунальной, её материалы содержат ценную информацию для тех историков, которые исследуют уровень материального обеспечения и структуры повседневности горожан Сибири в 1930-е гг.

Советское государство, заинтересованное в установлении контроля над аграрным сектором экономики, использовало с этой целью так называемые «переписи скота». Основной их задачей было получение данных о численности и составе поголовья скота. В ходе переписей скота составлялись похозяйственные списки. В них заносились все хозяйства колхозников и единоличников независимо от наличия скота. Переписи скота охватывали также хозяйства рабочих, служащих, кустарей, линейных работников железных дорог, работников водного, шоссейного и грунтового транспорта [12, с. 1–2]. Таким образом, в условиях дефицита сведений о населении, переписи скота использовались статистиками для получения данных о численности населения сельской местности. Что важно, эти данные содержат ценнейшие сведения о численности населения по районам Западно-Сибирского края. Нам удалось обнаружить данные о численности населения Западно-Сибирского края, полученные по результатам переписей

скота в 1932 г.¹, 1935 г.² и 1936 гг.³ Таким образом, на основе сопоставления данных переписей скота за разные годы возможно построение динамических рядов численности сельского населения.

Очень близко по значению для определения численности сельского населения к переписям скота примыкали налоговые учеты. Данные о численности сельского населения, дифференцированные по районам Западно-Сибирского края, были получены в ходе налоговых учетов в 1932, 1933⁴, 1934⁵, 1935 и 1936 гг.⁶ Важность регулярных налоговых учетов для определения численности сельского населения подчеркивал такой видный статистик Сибири, как А. И. Чураев. Он писал: «В отношении численности сельского населения мы имеем более или менее точные данные благодаря ежегодным налоговым учетам» [13, с. 100].

Сопоставляя данные налоговых учетов и сведений, получаемых в ходе переписей скота, статистики получали приемлемые сведения о динамике численности сельского населения. Материалы переписей скота и налоговых учетов послужили базой ведения сельсоветами книг похозяйственного учета. Секретарь сельсовета для сбора данных о населении дважды в год – 1 января и 1 июля – обязан был производить подворные обходы. Для оформления результатов похозяйственного учета применялись особые книги. В книги формы № 2 служили для учета дворов колхозников, рабочих, служащих и кооперированных кустарей. Книги формы № 2а употреблялись для записей сведений о рабочих, служащих, постоянно проживающих на территории сельсовета, но не имеющих построек, усадеб и посевов. В книги формы № 3 заносились сведения о единоличниках и некооперированных кустарях. Книги формы № 4 использовались для регистрации тех, кто проживал на территории сельсовета

¹ ГАНО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 35. Л. 40.

² Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 56. Л. 6 об., 7, 9, 21.

³ Там же. Д. 99. Л. 5, 6, 31, 23.

⁴ Там же. Д. 34. Л. 10 – 10 об.

⁵ Там же. Д. 56. Л. 24, 25 – 27.

⁶ Там же. Д. 99. Л. 18.

временно, а также воспитанников детских домов, домов инвалидов и т. д. [14, с. 260].

В похозяйственных книгах сельсоветов учитывались показатели: численность сельского населения, пол, возраст, национальность, грамотность, обучение в учебных заведениях, специальность, род занятий, место работы, инвалидность [14, с. 261]. Таким образом, мы обладаем ценнейшим источником, который охватывает весь комплекс признаков состояния сельского населения.

Постановлением ЦИК И СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и об обязательной приписке паспортов» в нашей стране был ужесточен контроль над передвижениями населения¹. В связи с этим в Советском Союзе развернулась кампания по паспортизации населения, главным образом городского, так как жителям села паспорта не выдавались. Статистические органы использовали паспортизацию для учета горожан. При получении паспорта фиксировались пол, возраст и социальное положение гражданина. Однако с точки зрения статистиков эта кампания оказалась провальной, так как с самого начала преследовала в основном идеологические и репрессивные цели. Приоритетной задачей паспортизации стало выявление «социально-чуждых элементов» и изгнание их из городов. Выдача паспортов затянулась. В Новосибирске к началу 1934 г. было паспортизировано 55 % населения, в Омске – 46, в Томске – 50, в Барнауле – 48, в Славгороде – 35 %². Таким образом, те немногочисленные данные о численности и половозрастной структуре городского населения, которые мы обнаруживаем в архивах, характеризуются значительными погрешностями, прежде всего по охвату учтенного населения³.

Только в 1937 г., а затем и в 1939 г. были проведены всеобщие переписи населения СССР, на основе которых были по-

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 56. Л. 35 – 35 об.; Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155.

³ См. например: Там же. Д. 43. Л. 2.

лучены в основном точные сведения о численности населения. Оценки численности населения Западно-Сибирского края на основе локальных переписей населения, переписей скота, налоговых учетов, сельсоветского учета и регистрации естественного и механического движения населения в сопоставлении с данными переписей населения 1937 и 1939 гг. представлены в табл. № 7.

Таблица 7

Оценки численности населения Западной Сибири на основе локальных переписей, учетов населения и данных текущей демографической статистики (1934 – 1939 гг.)*

Дата оценки	Численность населения (тыс. человек)			Примечания
	городское	сельское	всего	
01. 07. 1934	1584,7	4725,1	6309,8	Оценка Зап-Сиб. КУНХУ
01. 01. 1935	1670,0	4774,4	6417,4	Оценка Зап-Сиб. КУНХУ
01. 01. 1936	1884,2	4635,4	6519,6	Оценка Зап-Сиб. КУНХУ
06. 01. 1937	1912,8	4520,7	6433,5	Всесоюзная перепись 1937 г.
17. 01. 1939	2581,8	6345,5	8927,3	Всесоюзная перепись 1939 г.

* Источник: Исупов В. А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. 2010. Т. 9. Выпуск 1: История. С. 198; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 267. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 315. Л. 3; Д. 316. Л. 3.

Сравнение оценок численности населения, сделанных Западно-Сибирским краевым УНХУ, с материалами всеобщих переписей показали, что прикидки сибирских статистиков были в основе своей близки к истине. Сегодня мы, таким образом, имеем представление о динамике численности городского

и сельского населения за 1934 – 1936 гг. Вместе с тем, была зафиксирована и накопившаяся в межпереписной период ошибка в определении численности населения. Локальные переписи и учеты населения охватывали очень небольшую часть населения (например, один или несколько городов), а налоговые учеты и переписи скота не могли дать точную численность населения, так как перед ними ставились другие задачи.

Великая Отечественная война кардинально изменила условия демографического развития. Резко интенсифицировались миграции. В 1941–1942 гг. в Сибирь хлынул многомиллионный поток эвакуированных граждан. Несколько миллионов мужчин были мобилизованы в вооруженные силы. В процессе трудовых мобилизаций, развернувшихся в феврале 1942 г., жители сельской местности перемещались в города для работы в промышленности, на стройках и транспорте. Значительно сократилась рождаемость, а смертность в тыловых районах в 1941–1942 гг. повысилась. Статистики не могли зафиксировать такое множество демографических событий – для этого у них не было ни сил, ни средств. Соответственно произошел сбой в учете населения. Вместе с тем, потребность в данных о численности и составе населения в связи с мобилизационными задачами повысилась. «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических – авт.) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела, не имеется», – подчеркивалось в докладе, составленном на основе специального обследования людских ресурсов Новосибирской области, организованного в июле 1942 г.¹ О проведении переписи населения в военные годы не могло быть и речи. Следовательно, усилилось значение учетов населения. Основой такого учета стала, прежде всего, карточная система распределения продуктов, охватывавшая основную массу горожан. Статистики использовали списки, составлявшиеся карточными бюро, для определения их численности и состава.

Кроме того, в годы Великой Отечественной войны был усовершенствован сельсоветский учет населения. Начиная с 1943 г.

¹ Там же. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 23.

сельсоветы, на основе похозяйственных книг, обязаны были составлять единовременные отчеты о возрастном и половом составе сельского населения. Для этого Отдел демографии ЦСУ Госплана СССР разработал специальную форму «С». Форма представляла собой таблицу распределения наличного населения по полу и возрасту. В таблицу заносились сведения о постоянно и временно проживающих на территории, подведомственной сельсовету, колхозниках, рабочих, служащих, кооперированных кустарях, единоличниках, некооперированных кустарях и эвакуированных.

Единовременные отчеты сельсоветов направлялись в районные статистические инспектуры, в республиканские, областные (краевые) органы статистики и в ЦСУ СССР. Сводные данные сельсоветского учета использовались для определения военно-мобилизационных и трудовых ресурсов, а также для создания аналитических записок для властных органов об изменениях численности и состава сельского населения СССР. В этой связи точность сельсоветского учета была достаточно велика. Это особенно важно для тех историков, которые изучают динамику сельского населения страны и ее отдельных регионов в годы Второй мировой войны.

Дополнительным источником сведений о населении были учеты незанятого городского населения, организованные ЦСУ СССР. В ходе этих учетов выявлялись все неработавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины от 15 до 50 лет. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных продуктовых карточек. Органы статистики, как в центре, так и на местах, сличали все имеющиеся у них сведения с цифровыми данными всех учетов (материалы о естественном и механическом движении населения, сведения единовременных отчетов сельсоветов, данные карточных бюро, материалы, получаемые вследствие выявления неработающих мужчин и женщин). В результате появлялись сведения о численности городского и сельского населения тыловых районов.

И все же в годы Второй мировой войны в учете населения не мог не произойти сбой. В расчетных данных о численности населения быстро накапливалась ошибка, которая к концу войны достигла внушительных размеров и продолжала нарастать.

О масштабах ошибки свидетельствуют следующие данные. Когда в 1956 г. в свет вышел первый после войны советский статистический сборник, изданный ЦСУ СССР. В сборнике была опубликована первая послевоенная оценка численности населения Советского Союза. Согласно этой оценке, численность населения СССР на апрель 1956 г. составляла 200,2 млн. человек, в том числе городского – 87 млн., сельского – 113,2 млн. человек¹. Сделанная на основе переписи 1959 г. (методом обратного счета) уточняющая оценка численности населения СССР показала, что на начало 1956 г. в стране проживали 197,9 млн. человек, в том числе в городах 88,2 млн., а в сельской местности – 109,7 млн. человек². Таким образом, оценка, произведенная до переписи 1959 г., завышала численность населения на 2,3 млн. человек. При этом численность горожан была занижена на 1,2 млн., а жителей села завышена на 3,5 млн. человек. Это, кстати, говорит и о недооценке числа потерь советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Из этого следует, что перепись населения должна была проводиться сразу после окончания войны, как это и было сделано в других странах Европы. Но первая советская послевоенная перепись населения была организована только в январе 1959 г., через 14 лет после завершения войны. До ее проведения статистики вынуждены были обходиться материалами учетов населения. С этой целью статистикам пришлось обратиться к такому источнику сведений о населении, как списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились все взрослые граждане страны 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. разрешил статистикам использовать эти списки для определения численности и половозрастного состава населения³.

¹ Народное хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1956.– С. 17.

² Численность, состав и движение населения СССР. Стат. материалы. М., 1965.– С. 10

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 1.

Недостатком списков избирателей как источника сведений о структуре населения Советского Союза было то, что в них не включались некоторые группы населения, в частности, лишённые избирательных прав заключённые. Исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Цифровые итоги статистической разработки списков избирателей в Верховный Совет СССР (на 10 февраля 1946 г.) представлены в табл. 8.

Таблица 8

Итоги статистической обработки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР по городским поселениям Западной Сибири (10 февраля 1946 г.)*

Регион **	Человек		Удельный вес, %	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
Алтайский край	98154	194411	33,5	66,5
Кемеровская область	236473	378664	43,9	56,1
Новосибирская область	169136	287501	37,0	63,0
Омская область	91985	155869	37,1	62,9
Томская область	40847	78854	34,1	65,9
Тюменская область	35668	73023	32,8	67,2
Всего Западная Сибирь	732263	1168322	38,5	61,5

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 21, 41, 57 – 59, 74.

** По административно-территориальному устройству 1946 г.

На основании данных статистической обработки списков избирателей вполне корректным будет вывод, что численность населения западносибирских городов в годы Великой Отечественной войны увеличилась. Но это увеличение произошло главным образом за счет женщин, вследствие чего сформировался значительный гендерный дисбаланс. Удельный вес мужчин в составе городского населения Западной Сибири в целом в 1946 г. не превышал

39 % и колебался в пределах от 33 % в Тюменской области до 44 % в Кузбассе. Как видим, дисбаланс полов в меньшей степени коснулся тех регионов, где сосредоточивалась тяжелая и оборонная промышленность и где была развита система бронирования военнообязанных от призыва и мобилизации в Красную армию.

Небезынтересно отметить, что данные списков избирателей разрабатывались не только по крупным регионам и городам, но и по небольшим городским поселениям и по сельской местности. Это чрезвычайно важно не только для объяснения причин территориальной дифференциации гендерного дисбаланса, но и для определения косвенных потерь населения, понесенных в годы Великой Отечественной войны. Разработка списков избирателей выявила особую напряженность структурной ситуации в малых городах и поселках городского типа Западной Сибири, где система брони была ограничена. В этом смысле они были ближе к сельским поселениям, чем к крупным городам. Так, в административном центре Алтайского края Барнауле, в возрастной группе 30–39 лет, по данным февральского (1947 г.) учета избирателей, удельный вес мужчин составлял 39 %, тогда как в рабочем поселке Тальменка всего 17 %, в возрастной группе 40–49 лет соответственно 41 и 33 %¹. В небольшом сибирском городке Ялуторовске Тюменской области даже в декабре 1947 г., когда демобилизация воинского контингента была близка к завершению, доля мужчин в диапазоне возрастов старше 18 лет не превышала 37 %, в расположенном на севере Западной Сибири Ханты-Мансийске – 35 %². В целом по России (как в городских поселениях, так и в сельской местности) удельный вес мужчин в 1946 г. составлял 45,9 % [15, приложение 1].

Подчеркнем, что в списки избирателей включались граждане 18 лет и старше. Дети и подростки, таким образом, исключались из сферы статистического наблюдений. Чтобы получить данные о численности и структуре населения моложе 18 лет, ЦСУ СССР в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях

¹ Текущий архив государственного комитета по статистике Алтайского края.

² ГАТюмО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 155. Л. 80, 213.

страны организовало подсчет детей и подростков. Этот учет являл собой своего рода микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10 – 14 % детей и подростков [16, с. 105–106].

Очень важно, что подсчет численности детей и молодежи до 18 лет позволил получить годовые сведения о динамике изменения численности поколений, начиная с 1929 г. и заканчивая 1947 г., и таким образом проследить всю демографическую историю советских людей этих возрастных когорт. Подсчет показал, что к началу 1948 г. в возрастной структуре этой группы населения образовались две глубоких демографических ямы, соответствующие двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Советский Союз в XX столетии.

Первый глубокий провал в численности детей и подростков сформировался в 1932–1933 гг. Он был обусловлен резким спадом рождаемости и столь же резким повышением детской смертности в период голода. В 1934–1937 гг., после преодоления голода, численность детского и подросткового населения в городах Западной Сибири неуклонно и быстро нарастала. Этот процесс был прерван только в 1938 г., что явилось своеобразной рефлексией демографической подсистемы общества на бурные политические события 1937 г.

Начало Второй мировой войны означало быстрое нарастание кризисных явлений в динамике демографической сферы. С 1939 г. в городских поселениях Западной Сибири численность детей стала стремительно снижаться. Темпы этого сокращения ускорились

после вступления СССР в Великую Отечественную войну. В 1943 г. рождаемость в городах Западной Сибири достигла минимальных за всю войну показателей, вследствие чего в этом году образовалась вторая демографическая яма. Она была самой глубокой во всей демографической истории России XX столетия. Соответственно, численность и удельный вес младших возрастных групп в населении Западной Сибири сократился до минимальных величин. Позднее это нашло отражение в материалах послевоенных переписей населения.

Что же касается определения количественных характеристик детского и подросткового населения в сельской местности, они выявляются по данным единовременных отчетов сельсоветов, которые составлялись и после завершения войны. Сопоставление всех этих источников – списков избирателей, учета городских детей и подростков в декабре 1947 – январе 1948 гг., а также материалов единовременных отчетов сельсоветов – предоставляет возможность получить данные о динамике населения в послевоенные годы. Эти данные не отличаются точностью, но они при отсутствии других источников имеют несомненную ценность хотя бы потому, что показывают общие тенденции развития.

Завершая краткий обзор локальных переписей и учетов населения как источников по демографической истории Западной Сибири, укажем, что в условиях недостатка информации о населении они явились серьезным подспорьем для определения численности и структуры населения России и ее регионов.

Список литературы

1. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. – 608 с.
2. Алисов, Д. А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начала XX вв.) / Д. А. Алисов. – Омск, 2002. – 196 с.
3. Скубневский, В. А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население, экономика, застройка и благоустройство. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул, 2014. – 252 с.
4. Горюшкин, Л. М. Население Сибири накануне Октябрьской

социалистической революции. Историческая демография Сибири / Л. М. Горюшкин, В. И. Пронин. – Новосибирск, 1992. – 841с.

5. Слуцкий, А. И. К вопросу о постановке учета механического движения населения по горпоселениям /А.И. Слуцкий// Статистика Сибири.: сб. статей и материалов. – Новосибирск, 1930. Вып.3

6. Солоницын, Н. Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса. / Н. Солоницын. // Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г.– Новосибирск, 1931.

7. Гибшман, А. Всесоюзная перепись населения СССР 1933 г. / А. Гибшман // Народное хозяйство СССР. – М., 1932. № 5–6.

8. Семенов. Т. Местные переписи населения 1931 г./ Семенов Т. // Народное хозяйство СССР. 1932. № 3–4.

9. Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. – Новосибирск, 1931. – 44с.

10. Слуцкий, А. Социальный состав городского населения / А. Слуцкий. // Статистика Сибири: сб. статей и материалов. – Новосибирск, 1931. Вып.6

11. Итоги жилищно-коммунальной переписи г. Новосибирска в феврале 1932 года. – Новосибирск, 1932.

12. Инструкция по переписи скота на 1 января 1936 года для регистраторов.

13. Чураев, А. Перепись 1937 г./ А. Чураев // Народное хозяйство Восточно-Сибирского края. – Новосибирск, 1937. № 3.

14. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. – М., 1945. – 268 с.

15. Андреев, Е.М. Демографическая история России. 1927 – 1957. / Е.М Андреев, Л.Е Дарский, Т.Л. Харькова – М., 1998. Приложение 1.

16. Исупов, В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)/ В.А. Исупов. – Новосибирск, 2008. – 378 с.

УДК 314.02

М.В. Нефедова
E-mail: dmarishka2003@list.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1920 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ *

** Статья публикуется в рамках проекта РГНФ
«Демографическая история Западной Сибири:
конец XIX – начало XXI в.», № 14-01-00109*

В статье проведен анализ слабо изученной в исторической демографии переписи населения 1920 г. в контексте исследования сельского населения Западной Сибири. Перепись населения 1920 г., проведенная в драматический период гражданской войны, содержит важнейшие сведения по истории сельского населения в период его глубокой трансформации. Автор рассматривает вопросы методологии, организации, роли переписи в изучении численности, половозрастного состава, миграций сельского населения, анализируется ее точность и значение.

Ключевые слова: перепись населения, половозрастной состав, миграции, Западная Сибирь, сельское население, гражданская война.

Переписи населения являются важнейшим источником по демографической истории населения. Обеспечивая нас ценнейшей информацией о его численности, составе и размещении, они представляют собой, таким образом, демографический слепок исторической эпохи в определенный момент ее времени. При сопоставлении с другими источниками и между собой они позволяют оценить влияние исторических процессов прошлого на демографическое развитие населения в межпереписной пе-

риод. Это становится особенно важным в периоды кризисов, когда прерываются демографические тренды развития общества, а данные текущего учета населения недостаточны для анализа и оценки произошедших изменений.

Демографическая перепись населения 1920 г. представляет особый интерес для историков-демографов, поскольку по ее данным мы можем судить о последствиях пертурбационных процессов начала XX в. В условиях почти полного развала системы текущего статистического учета в первые годы советской власти перепись 1920 г. является единственным более-менее точным источником, по которому мы можем изучать половозрастной состав сельского населения и пытаться уловить хотя бы общие тенденции его воспроизводства в период мировой и гражданской войн.

Целью данной статьи является оценка демографической переписи 1920 г. как источника по истории сельского населения по материалам Западной Сибири. Для этого рассматриваются вопросы ее методологии, организации, проведения, программы и разработки материалов; делаются выводы о том, какие данные можно извлечь; излагается анализ ее точности и значения.

После установления советской власти на большей части территории России перед правительством большевиков встала трудная задача восстановления народного хозяйства, разрушенного в ходе войн, революций и интервенции, и построения государства на новых, социалистических принципах. Для этого требовался большой массив статистических данных о наличных человеческих и экономических ресурсах страны, который мог быть получен только в ходе переписей, в частности, переписи населения.

К этому времени данные демографической переписи 1897 г. и Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. уже потеряли свою практическую значимость. За этот период в демографической сфере Российской империи произошли огромные сдвиги, особенно это касалось территории Западной Сибири. Боевые потери после Первой мировой и гражданской войн, эпидемии, голод, отсутствие налаженной системы

медицинской помощи, массовые переселения в сибирские села из городов, а также с территории европейской России привели к значительному изменению численности и состава сельского населения, повышению его смертности, разрыву семейных связей и, как следствие, снижению брачности и рождаемости. Кроме того, указанные переписи обладали рядом недостатков. Крестьяне часто уклонялись от опросов, видя в них лишь фискальное назначение; это снижает точность данных. В переписях 1916 и 1917 гг. были пропуски и по территориям (в Западной Сибири они не охватили существенную часть Томской губернии), и по отдельным контингентам граждан (мобилизованные, военнопленные, отсутствующие более месяца и др.). По оценке Л.М. Горюшкина, перепись 1916 г. не зафиксировала примерно 7,8 % сельского населения Сибири [1, с. 86]. При этом следует иметь в виду, что предметом сельскохозяйственных переписей служил крестьянский двор, а не сельское население как таковое, поэтому они не дают достаточной информации для полного понимания демографических характеристик сибирской деревни в этот период.

Необходимость срочного проведения новой переписи также диктовалась совершенно некачественно организованным текущим статистическим учетом. После прихода к власти большевики ликвидировали статистические органы Российской империи, рассматривая их как часть буржуазного государственного аппарата. Создание советской статистической системы потребовало огромных организационных усилий и времени. Кроме того, дополнительные сложности создавала постоянная перетасовка административно-территориальных границ.

В Сибири областное статуправление при Сибревкоме было создано только в марте 1920 г. после изгнания колчаковцев, а реально начало слаженно функционировать лишь в начале июня. Это связано с тем, что статистика Сибири, главным образом занимавшаяся до этого вопросами переселений, за время гражданской войны почти полностью развалилась, а прочие земские организации к этому времени здесь еще не успели сложиться. Губернские статотделы необходимо было строить заново, практически на пустом месте [2, с. 180]. Инициатором

создания и первым руководителем Сибирского статуправления был признанный авторитет и активный деятель Сибревкома Василий Николаевич Соколов, с декабря 1920 г. его сменил Митрофан Павлович Красильников, впоследствии проявивший себя как выдающийся статистик. Именно этим людям выпала нелегкая задача руководства организацией и проведением первой всеобщей советской переписи населения.

Методология

22 апреля 1920 г. Советом народных комиссаров был издан декрет о производстве переписи. При этом в условиях нехватки кадров и недостатка финансов решено было совместить демографическую перепись с сельскохозяйственной, а также провести краткий учет промышленных предприятий. Для молодой советской республики это была задача огромной сложности. В условиях продолжающейся гражданской войны и хозяйственной разрухи только слаженная работа местных властей и статорганов могла обеспечить должный уровень организации переписи, а значит, точность полученных данных. За любое неисполнение приказа статорганам предписывалось предавать виноватых суду Ревтрибунала¹.

Перепись должна была проводиться одновременно во всех советских республиках, по единому плану, программе и под единым руководством. Критическим моментом переписи населения было установлено 9 часов утра 28 августа 1920 г. Как правило, для более точного учета населения дата переписи устанавливается исходя из периода наименьшей подвижности населения (обычно это начало или конец года). Выбор летнего времени не самый удачный, но в данном случае он был обусловлен совмещением демографической переписи с сельскохозяйственной. Причина выбора критического момента в 9 часов утра вместо принятых в мировой практике 12 часов ночи не ясна, в инструкции никак не раскрывается и некоторыми демографами расценивается как один из дефектов переписи [3, с. 105].

Общие положения организации и проведения переписи, а также наставление о том, как заполнять личные листки, были

¹ Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.

изложены в инструкции. В основу переписи был положен учет наличного населения путем опроса счетчиками. В список включались лица, живущие в данном хозяйстве и бывшие в данном населенном пункте (в том числе находящиеся на дежурстве, в гостях и т. д.), за исключением тех, кто находился в родильных приютах, больницах и тюрьмах. Для регистрации данных была принята карточная система бланков. На каждого человека, даже на младенца, составлялась отдельная карточка. В сельских местностях применялось два формуляра: личный листок, который являлся основным документом переписи, и поселенный список домохозяев, имевший в основном контрольные функции.

Руководство подготовкой и производством переписи было возложено на органы государственной статистики – Центральное статистическое управление и на местах – губернские статистические бюро (в Западной Сибири – это Омское, Томское и Алтайское губстатбюро). По схеме территориального районирования губерния разделялась следующим образом: переписные районы (уезды) – переписные отделы (инструкторские районы) – счетные участки. В соответствии с районированием персонал делился на руководителя, его помощника, инструктора и счетчика. Средний размер счетного участка составил 240 дворов (по 20 дворов в день на каждого счетчика).

В сельской местности перепись планировалось провести в двухнедельный срок. В условиях острого недостатка кадров в качестве переписного персонала, помимо постоянных работников губстатбюро, предписывалось в рамках трудовой мобилизации активно привлекать специалистов-статистиков и обычных служащих различных ведомств, учителей, агрономов, учащихся и другие категории граждан. Для подготовки персонала планировалось организовать специальные двухнедельные курсы обучения. Перепись в воинских частях и военных учреждениях, расположенных на фронте, а также в казармах вне пределов фронтовой зоны проводилась в отдельном порядке и в общем данные не попала¹.

¹ Всеобщая перепись 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельско-хозяйственная с учетом промышленных предприятий. М., 1920. – С. 3-9.

Нововведением демографической переписи 1920 г. стал отдельный учет движимого населения. Согласно п.7 инструкции, лица, ожидающие отправки на станциях железных дорог и пристанях, переписываются в день переписи между 6 и 9 часами; поезда, стоящие с пассажирами на станциях и пароходах, остановившиеся на пристанях, – между 9 и 12 часами¹.

Необходимо заметить, что инструкция не отличалась особой детализацией, в ней содержались лишь общие положения организации и производства переписи, что впоследствии уже в ходе ее проведения часто приводило к разночтениям. В Сибири же, куда в силу ее удаленности директивы центра доходили с запозданием, местные статорганы вынуждены были действовать в этих случаях самовольно, по ходу решая возникшие сложности, что приводило к затягиванию сроков.

Организация

Декрет об организации переписи вызвал большое беспокойство у сибирских статистиков. Только недавно сформированное Сибирское статистическое управление было совершенно не готово к проведению столь масштабного мероприятия, как перепись населения, тем более совмещенная с сельскохозяйственной и промышленной. Был огромный недостаток квалифицированных кадров, которых с трудом хватало даже для ведения текущего статистического учета. Личный состав губернских бюро не превышал и сорока человек, уездные бюро были только в Омской и Алтайской губернии, и в них трудилось по 2–3 человека². Не хватало необходимого оборудования, канцелярских принадлежностей. Существенные сложности вносили и местные условия: огромная территория Сибири, отсутствие развитой системы путей сообщения, разноплеменной состав населения, относительно малый культурный уровень сибирской деревни, недоверие к советской власти, недостаточно налаженный аппарат управления. Учитывая все эти обстоятельства, Сибревком попытался ходатайствовать перед Совнаркомом

¹ Там же. С. 10.

² Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 23. Л. 61

мом о перенесении переписи на 1921 г., но получил категоричный отказ¹.

15 июня 1920 г. состоялась первая общесибирская статистическая конференция, в ходе которой стало очевидным, что изначальный организационный план центра применительно к Сибири неосуществим и требует корректировки с учетом местных условий. В результате было принято решение о сокращении нормы выработки для сельских счетчиков с 240 до 60 дворов и продлении срока производства переписи с двух недель до двух месяцев. Вся территория Сибири была разбита на три очереди. Переписи в особо отдаленных районах планировалось провести во вторую и третью очередь в рамках экспедиций, без особой срочности². В частности, в третью очередь попал Нарымский край Томской губернии, который, как известно, так и не был переписан. По расчетам статистиков, для производства переписи в Сибири было необходимо 9461 человек персонала (из них 151 руководитель, 904 инструктора и 8406 счетчиков). В бюро же на тот момент работало всего четыреста сотрудников³.

Согласно выработанному плану, за следующих два месяца сибирским статорганам необходимо было проделать титаническую работу:

- распределить территории уездов и путей сообщения на инструкторские районы и счетные участки; для каждого участка подготовить список населенных мест с указанием числа дворов и населения по прежним переписям;

- сделать копии картографических материалов для каждого участка;

- подобрать достаточное число инструкторов, регистраторов и, что сложнее, обучить весь этот персонал;

- подготовить население к переписи путем агитации.

В таких условиях единственная возможность выполнить план заключалась во всяческом содействии со стороны местных учреждений, но его не последовало. В ходе подготовки к

¹ Там же. Д. 23. Л. 61

² Там же. Л. 63.

³ Там же. Л. 65.

переписи статуправление столкнулось с огромным количеством трудностей, которые коренились, прежде всего, в запаздывании информационной поддержки и снабжения из центра, а также в плачевном положении самого народного хозяйства Сибири. Но во многом это было обусловлено равнодушным отношением к делу переписи со стороны местных властей. Ходатайства Сибирского статуправления перед различными учреждениями не имели должного успеха. Местные чиновники, как правило, отвечали отказами «по отсутствию или по собственному толкованию». Заведующий губстатбюро констатировал: «Здесь рассчитывать на добровольное содействие не приходится. Требуется именно, с карающим содействием, предписание – своего рода боевой приказ, а иначе ничего не добьешься»¹.

В итоге катастрофически не хватало не то что квалифицированного, а порой и просто грамотного переписного персонала. Развернутый процесс широкой трудовой мобилизации вызвал жесткое сопротивление со стороны местных ведомств, желавших сохранить свой кадровый состав. Безнадежным оказалось и получение статистиков из рядов армий, а тем более из концлагерей, где содержалась часть офицерства колчаковской армии². В результате приходилось повсеместно привлекать студенчество, которое, однако, было мало мотивировано в добросовестном выполнении своих обязанностей, что не могло не сказаться на качестве получаемых материалов³. Но кадров все равно не хватало. К 23 августа даже в г. Омске вместо необходимых 1500 инструкторов было мобилизовано только 300 человек⁴, не говоря уже о более мелких городах и сельских местностях.

Особенное сопротивление в деле снабжения оказали продорганы, у которых стояла на тот момент важная задача заготовки хлеба для европейской России. Повсеместно урезались пайки, а некоторые продукты вообще не выдавались⁵. Не хвата-

¹ Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 99. Л. 14.

² Там же. Д. 28. Л. 16об.

³ Там же. Д. 61. Л. 34об.

⁴ Там же. Д. 28. Л. 17об.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 20.

ло бумаги, канцелярских принадлежностей, картографического материала, теплой одежды и обуви для переписного персонала. Вагон с необходимыми материалами из Москвы пришел только 29 августа, уже после начала переписи. Снабжение одеждой задерживалось. Многим из сотрудников приходилось ехать буквально разутыми, подвергая себя простудам и болезням¹. Постоянные перебои с транспортом, отсутствие путей сообщения в отдаленных уездах вынуждало счетчиков ходить пешком за многие версты и терпеть всяческие лишения. Препятствовали проведению переписи набег партизанских отрядов, особенно активно орудовавшие в Мариинском и Томском уездах, а также в Алтайской губернии².

Сельское население равнодушно, а порой и враждебно относилось к опросам, что снижало точность полученных материалов. Агитационный четырехмесячный план ЦСУ в Сибири не был претворен в жизнь. Сибстатуправление по собственной инициативе напечатало и распространило среди местных газет порядка десяти информационных статей, 20 августа вышло воззвание населению, разъясняющее важность и задачи демографической переписи³. Но этого было недостаточно в условиях общего недоверия сибирских крестьян к советской власти и всякого рода учетам.

Однако главной проблемой, подорвавшей, в конечном счете, всю систему подготовки и своевременного проведения переписи в Сибири, стало катастрофическое запаздывание из центра формуляров и инструкций к переписи. До 23 августа на всю Сибирь имелось только 10-12 экземпляров инструкций⁴. В результате был полностью сорван план обучения переписного персонала. Сами инструкции не отличались детальностью информации, и в результате уже в процессе проведения переписи часто возникала неразбериха. Формуляры начали приходить только во второй половине августа: 17 числа - в Омскую губер-

¹ Там же. Д. 28. Л. 17.

² Там же. Д. 61. Л. 34.

³ Там же. Д. 23. Л. 66.

⁴ Там же. Д. 23. Л. 66.

нию, 21 - в Томскую и 25 числа - в Алтайскую губернию. В Красной армии они появились только к 8-15 сентября. При этом, по подсчетам статистиков, не хватало примерно 1730 тыс. экземпляров бланков различного рода. Не надеясь на Москву, сибирские статорганы спешно организовали копирование бланков в местных типографиях, но их все равно не хватало. К началу переписи бланки успели распространить только в г. Томске, Омске и по линии железнодорожной магистрали¹.

Учитывая все описанные выше сложности, которые встали на пути работников Сибирского статуправления, можно сказать, что только благодаря их огромной энергии и энтузиазму первая советская перепись, хоть и с запозданием, но была проведена, по оценкам статистиков, все же успешно. В результате были получены ценнейшие сведения о сельском населении почти всей территории Западной Сибири, за исключением отдельных волостей и Нарымского края Томской губернии, где, в силу сложных географических условий, перепись была запланирована на лето 1921 г., но так и не была проведена.

Программа и разработка

Данные, которые планировалось получить в ходе переписи населения 1920 г., имели огромное значение для советского государства, поскольку должны были стать информационной базой в решении целого ряда вопросов экономики, демографии, культуры, образования, национальной политики и пр. Поэтому программа переписи была достаточно обширной и включала в себя большое количество как стандартных, так и специфических вопросов, отдающих дань эпохе.

Второй и третий вопросы переписи – пол и возраст – являются общедемографическими и дают ценнейшую информацию не только о половозрастном составе населения, но и об уровне его воспроизводства. Четвертый и пятый вопрос позволяют судить о национальном составе и распространении родного языка. Родной язык по инструкции – тот, на котором говорит семья опрашиваемого, то есть разговорный. Вопрос о национальности ставится впервые, но он достаточно субъективный,

¹ Там же. Д. 28. Л. 25об-26об.

поскольку при ответе человек должен был руководствоваться национальным самосознанием, а не генетикой, как при переписи 1926 г. Кроме того, в последней он заменен на вопрос о народности, что не позволяет сопоставить данные. Показательно, что в переписи 1920 г., так же, как и 1926 г., отсутствует вопрос о религии, которой, по замыслу большевиков, не было места в атеистическом советском государстве.

Шестой и седьмой вопросы – о месте рождения и о сроке постоянного/временного проживания – дают информацию об уровне и периодах миграционной активности и местах выхода населения, что является весьма важным, учитывая масштабные переселения людей во время гражданской войны. Восьмой вопрос касается семейного состояния и позволяет судить об уровне брачности, разводимости, возрасте вступления в брак. На этот вопрос, согласно инструкции, в азиатской России не отвечали лица младше 12 лет. При этом, так же, как и в переписи 1926 г., имелся в виду не только юридический, но и фактический брак. Это связано, в первую очередь, с тем, что население (особенно сельское), привыкшее к церковной регистрации брака, с трудом переходило на систему ЗАГСов.

На основе ответов на девятый и десятый вопросы получена широкая характеристика уровня грамотности и образования населения (начальное, среднее или высшее), а также о том, где оно было получено. Эти данные были предельно актуальны, поскольку на повестке дня советского правительства остро стояла проблема ликвидации безграмотности и повышения уровня образованности населения для дальнейшего государственного строительства.

С 12 по 16 вопросы дают характеристику населения исключительно по занятиям и источникам существования. И, судя по формулировке этих вопросов в инструкции, им уделялось особое внимание. Вопросы и многочисленные подвопросы касаются первоначальной специальности опрашиваемого, его основного и второстепенного занятия, являющихся источником дохода. При этом все население опрашивалось как о занятиях сельским хозяйством, так и о несельскохозяйственных

занятиях, независимо от того, главным оно было или второстепенным. Таким образом планировалось получить как можно более полную картину социальной структуры населения, его профессионального уровня с целью дальнейшей трудовой мобилизации квалифицированных рабочих. Крестьяне понимали это и, по отчетам статистиков, неохотно отвечали на вопросы о второстепенных занятиях. Вопросы 17 и 18 касаются наличия физических и психических недостатков.

При этом некоторые вопросы и подвопросы программы не являются типичными и отражают историческую реальность времени, когда проводилась перепись. Такими являются вопросы о занятиях до войны 1914 г., с 1914 до октября 1917 гг., о занятиях сельским хозяйством до войны 1914 г. и с 1914 до октября 1917 гг. Эти вопросы были вызваны существенными сдвигами, которые произошли в результате войн и революций в социально-экономической структуре населения, заставивших многих людей навсегда порвать с профессией. Вопросы о способности к труду и о физических недостатках также в известной мере были связаны с последствиями мировой войны.

Материалы переписи поступали с мест с октября 1920 по май 1921 г., после чего началась их длительная разработка. Основные ее линии были обсуждены и приняты в ходе Третьей Всероссийской статистической конференции, которая проходила в Москве 20-29 января 1921 г. Первоначально предполагалось всю разработку закончить в течение 16 месяцев, то есть к 1922 г. Однако в условиях катастрофической нехватки квалифицированных кадров (большая часть профессиональных статистиков, привлеченных к участию в переписи, к этому времени вернулась к работе в своих ведомствах) она завершилась в основном только к 1924 г. Вся же разработка затянулась еще на больший срок и в намеченном масштабе так и не была выполнена.

Нововведением при разработке материалов демографической переписи являлось составление «Ведомости занятий», которая представляла собой сводную ведомость по численности населения с распределением по занятиям. «Ведомость занятий» могла бы стать уникальным источником по изучению хо-

зяйственной жизни населения, однако в итоге ее практическая значимость оказалась невысокой. Прежде всего, это связано с включением в сводку не всего трудоспособного населения, а только в возрасте 16-50 лет и без распределения по половому признаку. Кроме того, 650 видов занятий, выделенных в переписи, не были сгруппированы по производственным отраслям, что сильно затрудняет анализ материалов.

Что показала перепись

В данной статье будут рассмотрены важнейшие сведения о численности и половозрастном составе сельского населения Западной Сибири.

По данным Всероссийской демографической переписи 1920 г., численность населения Западной Сибири составила 5588,2 тыс. чел, из которых основная масса – 4982 тыс. чел. – проживала в сельской местности (см. таб. 1). Однако сопоставить данные переписи 1920 г. с переписью 1897 г. и другими источниками и, таким образом, проследить динамику численности сельского населения Западной Сибири в начале XX в. не представляется возможным вследствие постоянного изменения административно-территориальных границ в период гражданской войны.

По данным переписи, удельный вес сельского населения в среднем по региону составил 89,2 %, тогда как в европейской России он был равен 86 %¹. Столь высокая доля сельского населения в Западной Сибири была связана с наличием большого количества свободных плодородных земель, привлекавших крестьян-переселенцев, и низким уровнем промышленного развития региона. Несмотря на то что численность городского населения региона в начале XX в. увеличивалась более быстрыми темпами, чем сельского, его удельный вес оставался достаточно низким. При этом следует иметь в виду, что реальный уровень урбанизации был еще ниже того, что отражено в переписи. Многие населенные пункты, причисленные по переписи к городским, таковыми были только условно. Точного и заранее

¹ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. М., 1924. – С. 2, 4, 6.

данного списка городов и городских поселений у статистиков не было. Их список составлялся местными губстатбюро в процессе организации переписи на основании общих признаков, указанных в инструкции. Так, в число городских поселений попали городские пригороды, поселки при фабриках и заводах, железнодорожных станциях и речных пристанях с населением не менее 500 человек, дачные поселки с тем же цензом населения¹.

Таблица 1

Численность наличного населения Западной Сибири* по данным Всероссийской переписи населения 28 августа 1920 г.**

Уезды	Численность, тыс. чел.			Доля сельского населения, %	Распределение по уездам, %
	Все население	В том числе			
		сельское	городское		
Таежный район					
Мариинский	303,0	278,0	25,0	91,7	21,4
Томский	467,2	328,4	138,8	70,3	25,2
Нарымский край***	4,5	3,5	1,1	77,8	0,3
Тарский	274,7	263,7	11,0	96,0	20,3
Всего	1049,4	873,6	175,9	83,2	17,1
Лесостепной район					
Кузнецкий	142,5	124,5	18,0	87,4	9,6
Щегловский	170,6	158,6	12,1	93,0	12,2
Каинский	133,1	116,6	16,5	87,6	9,0
Каргатский	218,7	216,7	2,0	99,1	16,7
Новониколаевский	467,7	385,4	82,3	82,4	29,6
Черепановский	182,7	182,3	0,4	99,8	14,0
Омский	462,5	312,2	150,3	67,5	24,0
Калачинский	140,8	136,9	4,0	97,2	10,5
Татарский	265,3	254,4	10,9	95,9	19,6

¹ Всеобщая перепись 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельско-хозяйственная с учетом промышленных предприятий. М., 1920. – С. 12.

Тюкалинский	211,7	203,3	8,4	96,0	15,6
Всего	2395,6	2090,9	304,9	87,3	41,0
Степной район					
Каменский	298,9	281,4	17,5	94,1	21,6
Барнаульский	628,9	560,8	67,8	89,2	43,1
Бийский	593,3	551,4	41,9	92,9	42,4
Змеиногорский	325,1	312,7	12,5	96,2	24,0
Славгородский	361,1	349,6	11,4	96,8	26,9
Всего	2207,3	2055,9	151,1	93,1	40,3
Горный					
Горноалтайский	80,0	80,0	0,0	100,0	1,6
Западная Сибирь	5732,3	5100,4	631,9	89,0	100,0

* Западная Сибирь представлена по административно-территориальному делению 1921 г.

** Источник: Население Сибири. Новосибирск, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 11-17.

*** Данные по Нарымскому краю взяты из материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Можно заметить, что удельный вес и территориальное распределение сельского населения в различных уездах Западной Сибири были весьма дифференцированы. Материалы переписи дают возможность проследить зависимость демографических характеристик сельского населения от транспортной доступности, а также от природно-климатических условий территории расселения, определяющих форму хозяйственной деятельности населения. На территории Западной Сибири географически выделялось четыре сельскохозяйственных района: таежный, лесостепной, степной и горный районы.

По данным таб. 1, доля сельского населения была выше на удаленных от центра территориях таежного и горного районов (Мариинский, Тарский и Горноалтайский уезды - соответственно 91,7, 96% и 100%), в которых преобладала промысловая

форма хозяйствования, а также в большинстве уездов, благоприятных для ведения сельского хозяйства, степного и лесостепного районов (средние показатели – соответственно 93,1 и 87,3 %). Нарымский край, где сведения взяты по неполным данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в расчет не берется. Наиболее урбанизированными были центральные уезды, на территории которых располагались крупные многоотраслевые центры – Томский (70,3 %), Омский (67,5 %) и Новониколаевский (82,4 %). Также по таблице видно, что территориально сельское население тяготело, прежде всего, к плодородным землям степного района, а также к уездам вблизи железнодорожной магистрали и крупных центров различного значения.

Демографическая перепись 1920 г. зафиксировала только наличное население (без постоянного), в связи с чем потребовалась сложная система учета населения, находящегося в момент переписи в пути. Учет велся по четырем категориям населения: в полосе отчуждения железной дороги, на паромных пристанях, движущееся население в поездах и движущееся население по водным путям. Несомненным минусом является то, что при разработке все движущееся население было причислено к городскому, что не дает возможность изучить миграционную активность сельского населения в отдельности.

По данным таб. 2, движущееся население в среднем составило 1,1% от его общей численности в 1920 г. Наибольший показатель был зафиксирован в Томской губернии – 2,2 %. Показатель по мужскому населению, традиционно проявляющему большую миграционную активность, был выше, чем женского.

Однако данные по движущемуся населению были представлены только в предварительных сводках переписи и потому не являются вполне точными. Кроме того, точность учета населения, находящегося в пути, зависит от оперативности проведения переписи. В Западной Сибири же демографическая перепись 1920 г. затянулась на срок более чем в два месяца (в отдаленных уездах и на больший срок), что, несомненно, значительно снижает достоверность полученных данных. Таким образом, они носят скорее оценочный характер. Но в условиях отсутствия каких-ли-

Таблица 2

**Движущееся наличное население Западной Сибири*
по материалам Всероссийской
демографической переписи 1920 г.****

Губернии	Численность, чел.			% от всего населения		
	муж- чины	жен- щины	оба пола	муж- чины	жен- щины	оба пола
Томская	12651	10888	23539	2,4	1,9	2,2
Новони- колаевская	4259	4254	8513	0,7	0,6	0,7
Алтайская	8911	6429	15340	1,2	0,8	0,9
Омская	8875	6119	14994	1,1	0,7	0,9
Итого	34696	27690	62386	1,3	0,9	1,1

* Западная Сибирь представлена в территориальных границах 1921 г.

** Источник: Население Сибири. Т.1. Вып. 1. Новосибирск, 1921. С. 18-19.

бо других источников эти данные позволяют хоть немного внести ясность в понимании миграционных процессов этого периода.

Демографическая перепись 1920 г. дала важнейшие сведения о половой и возрастной структуре населения Западной Сибири, отразив влияние Первой мировой и гражданской войн (см. таб. 3).

Постоянный приток из европейской России крестьян-переселенцев преимущественно мужского пола привел к устоявшейся столетиями картине преобладания мужчин на территории края. Однако в результате массовых военных мобилизаций и боевых потерь произошло не только сокращение мужского наличного населения в годы мировой войны, но и появилось преобладание удельного веса женщин. По данным таб. 3, в сельском населении Западной Сибири в 1920 г. в среднем на 100 мужчин приходилось 109 женщин.

Территориально этот показатель имеет определенную специфику: на 100 мужчин приходилось женщин в Алтайской губернии - 112, Новониколаевской - 111, Омской - 104, Томской

– 105, Ойратской области – 108.¹ Анализируя данные на поуровневом уровне, можно заметить, что большее преобладание женщин было зафиксировано в уездах степного и горного районов (в обоих случаях средний показатель – 111), меньшее – в уездах лесостепного и таежного (показатели соответственно 107 и 106). В частности, в некоторых уездах, тяготеющих к крупным городским центрам (Омский, Мариинский, Томский, Кузнецкий уезды), этот показатель был еще ниже и укладывался в диапазон от 100 до 105². В самих городах, традиционно привлекавших в большей степени работников-мужчин, зафиксировано на региональном уровне более благоприятное соотношение полов, составлявшее, по данным переписи, в среднем 107 женщин на 100 мужчин³.

Влияние военного фактора особенно отчетливо проявилось в дифференциации показателя соотношения полов в разных возрастных группах. Значительный перевес в сторону женского населения зафиксирован в возрастах от 15 до 39 лет, где удельный вес мужчин в сумме составил всего 44%. В группе 20–24 лет диспропорция полов достигла показателя 38%, или 164 женщины на 100 мужчин.⁴ В младших и зрелых возрастах (0 – 4 лет и 40–49 лет) наблюдаются небольшие отклонения в сторону преобладания мужчин или женщин (от 97 до 101). Большой перевес в сторону женщин в возрасте 50–59 лет (104), видимо, связан с более высоким показателем смертности у мужского населения в этом возрасте.

В возрастной структуре сельского населения в 1920 г. зафиксировано преобладание детей и молодежи (см. таб. 3). Особенно высоким был удельный вес детей от 5 до 9 лет (15,6%) и подростков от 10 до 14 лет (13,9%), появившихся в благоприятный период 1906–1915 гг. Всего на долю возрастной группы от 0 до 14 лет приходилось 43,9% сельского населения региона.

¹ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. М., 1924. – С. 4, 6.

² Подсчитано по: Население Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1921. Т. 1. – С. 11–17.

³ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. М., 1924. – С. 4, 6.

⁴ Подсчитано по: Там же. – С. 24 – 33.

Таблица 3

Половозрастной состав сельского населения Западной Сибири* по данным Всероссийской переписи населения 28 августа 1920 г.**

Возрастная группа, лет	Численность, чел.		Женщин на 100 мужчин, чел.	Распределение по возрастам, %		
	мужчины	женщины		мужчины	женщины	всего
до года	74085	74143	100	3,1	2,8	2,9
1-4	289706	289459	100	11,9	11,0	11,4
5-9	391596	396384	101	16,1	15,1	15,6
10-14	357247	347171	97	14,7	13,2	13,9
15-19	223476	268954	120	9,2	10,2	9,7
20-24	135548	222059	164	5,6	8,4	7,1
25-29	141893	185120	131	5,8	7,0	6,5
30-39	254244	289243	114	10,5	11,0	10,7
40-49	220451	216485	98	9,1	8,2	8,6
50-59	148507	154549	104	6,1	5,9	6,0
60 и старше	180550	179998	100	7,4	6,8	7,1
Неизвестно	9433	9958	106	0,4	0,4	0,4
Всего	2426736	2633523	109	100	100	100

* Западная Сибирь представлена в границах мая 1923 г.

** Источник: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. М., 1924. С. 24–33.

В то же время только 7,1% составил удельный вес стариков от 60 лет. По сравнению с данными 1897 г.¹ произошло увеличение доли молодежи до 19 лет на 4,7 пунктов и снижение

¹ Западная Сибирь по демографической переписи 1897 г. включала территорию Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области.

доли стариков от 60 лет на 0,9 пунктов¹, что свидетельствует о процессе «омоложения» возрастной структуры населения. Это было связано, прежде всего, с традиционно высокой рождаемостью в среде сибирского крестьянства, а также с массовым переселенческим движением в начале XX в. Семьи переселенцев состояли, как правило, из детей старшего детского и подросткового возраста и молодых людей, у которых на новом месте появлялось большое количество младенцев [4, с. 39].

Мировая и гражданская войны привели к деформации возрастного состава наличного сельского населения, особенно у мужчин. В мужском населении наблюдается значительное снижение доли возрастов от 15 до 39 лет (суммарная доля у мужчин 31,1% против 36,7% у женщин). Особенно это касается возрастной группы 20-29 лет, удельный вес которой у мужчин составляет всего 11,4% против показателя 15,5% у женщин. Кроме того, в сравнении с данными переписи 1897 г., в противовес увеличению доли молодежи, зафиксировано сужение относительных величин во всех возрастных группах начиная с 20 лет: 20-29 лет – на 1 п.п., 30-39 – 1,6 п.п., 40-49 – 1,3 п.п., 50-59 1,1 п.п., 60 и более – 0,9 п.п.² Как видно, особенно «пострадала» группа 30-39 лет.

При этом следует заметить, что дестабилизирующее воздействие пертурбационных процессов начала XX в. на половозрастную структуру сельского населения в Западной Сибири, по данным переписи, было ниже, чем в европейской России. Там диспропорция полов достигала более значительных размеров во всех возрастных группах от 15 лет (в частности, в возрасте 15-39 лет она достигала показателя 35,9% мужчин на 64,1% женщин). А возрастная структура сельского населения характеризовалась значительно меньшей долей лиц 20-29, удельный вес которых составлял всего 11% против 13,5% по Западной Сибири (в том числе для мужского населения – 6,4 против 11,4%)³. Это

¹ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1 М., 1924.. С. 24-33; Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. – С. 40.

² Подсчитано по: Там же.

³ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. М., 1924 г.–С. 24-33.

было обусловлено, прежде всего, меньшими количеством боевых потерь в силу удаленности Западной Сибири от основного театра военных действий, а также интенсивной внешней миграцией, повышавшей долю трудоспособного, главным образом, мужского населения в регионе.

Гражданская война, как и любая война, безусловно, оказала значительное влияние на естественное движение сельского населения. Однако в результате разрушения системы статистического учета, в распоряжении историков почти не имеется достоверных материалов, хоть как-то характеризующих процессы воспроизводства населения в этот период. Демографическая перепись 1920 г. является важнейшим источником, на основе материалов которой можно восстановить хотя бы общее направление этих процессов. В частности, Д. Мерхалев, анализируя данные о численности первых девяти возрастных групп (детей, родившихся в период 1912-1920 гг.), пришел к выводу, что потери сельского населения Сибири в результате снижения рождаемости в период 1915-1920 гг. составили примерно 490 тыс. чел., или 10% от общей численности населения в 1920 г. В том числе в Алтайской губернии – 146 тыс. чел., или 12% к населению 1920 г.[5, с. 104–105].

При этом следует понимать, что анализ процессов воспроизводства в указанный период на основе данных по возрастному распределению населения изначально не может обладать высокой точностью из-за наличия некоторых искажающих моментов. Прежде всего, это касается наличия возрастной аккумуляции в демографической переписи 1920 г., связанной со склонностью населения, особенно в сельской местности, округлять свой возраст до 0 и 5 (у детей – до полных лет). Кроме того, изменения в возрастной состав населения внесли интенсивные миграционные процессы периода гражданской войны. Таким образом, полученные данные о динамике рождаемости позволяют лишь уловить общие тенденции процесса, а никак не его количественные характеристики.

Заключение

Демографическая перепись 1920 г., проведенная в условиях почти полного развала системы государственной статисти-

стики, является единственным источником, по которому мы можем хоть как-то судить о процессах, происходящих в сельском населении Западной Сибири в период войн и революций. Она предоставила важнейшие сведения о его численности, размещении, половозрастном и национальном составе, уровне грамотности и образования. Особое внимание в переписи, проведенной в том числе с целью трудовых мобилизаций, было уделено социально-производственной структуре сельского населения. Помимо стандартных демографических, она содержала ряд специфических вопросов, вызванных историческими реалиями эпохи (вопросы о смене занятий, о способности к труду, о физических недостатках и пр.).

Перепись отразила существенное влияние мировой и гражданской войн на демографическую сферу сельского населения Западной Сибири. В данных о половозрастном составе это, прежде всего, проявилось в снижении доли мужского населения трудоспособного возраста. Кроме того, на основе данных о возрастной структуре сельского населения можно уловить общие тенденции процессов его воспроизводства, что имеет немалую ценность в ситуации отсутствия каких-либо других источников. После проведения переписи населения 1926 г. часть данных переписи 1920 г. была пересчитана в новой окружной системе, введенной в 1925 г., что дает возможность для перспективного анализа динамики некоторых демографических процессов в 1920-е гг. (в том числе численности, размещения, урбанизации, полового состава).

Перепись охватила почти все сельское население Западной Сибири, за исключением Нарымского края Томской губернии. Однако все же нельзя утверждать, что полученные материалы обладают высокой точностью. Точность материалов переписей – это результат прежде всего хорошо налаженной работы статистических органов. Однако в Западной Сибири демографическая перепись 1920 г. проводилась в сложнейших условиях продолжавшейся гражданской войны, хозяйственной разрухи, спешно организованной статистической системы. Это наложило существенный отпечаток в деле ее организации

и проведения и в итоге привело к значительному затягиванию сроков. А с учетом того, что перепись фиксировала только наличное население, это, несомненно, сказалось на снижении точности полученных данных.

Стремительные изменения, охватившие все сферы жизни населения в начале 1920-х гг. (интенсивные миграции, голод, эпидемии, введение нэпа), привели к быстрой потере актуальности полученных материалов. С этой точки зрения можно говорить о том, что демографическая перепись 1920 г., зафиксировавшая население в период его глубоких трансформаций, была проведена поспешно. С другой стороны, в случае ее перенесения на более поздний срок, данные о влиянии пертурбационных процессов XX в. на демографическую сферу сельского населения Западной Сибири оказались бы навсегда потерянными.

Список литературы

1. Горюшкин, Л. М. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции / Л. М. Горюшкин, В. И. Пронин. // Историческая демография Сибири: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1992. С. 84–101.

2. Красильников, М. П. Обзор деятельности Сибирских статистических учреждений / М. П. Красильников. // Сборник Сибирского Стат. управления. Т. II. – Новониколаевск, 1922. Вып. 7. С. 180–192.

3. Воблый, В. К. Переписи населения (их история и организация) / В. К. Воблый, П. И. Пустоход. – М. – Л., 1940. – 160 с.

4. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. – 170 с.

5. Мерхалев, Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири / Д. Мерхалев. // Сборник Сибирского стат. управления. Т. II. – Новониколаевск, 1922. Вып. 7. С. 94–111.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ РАЗВИТИЯ БРАКА И СЕМЬИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

** Статья публикуется в рамках проекта РГНФ
«Демографическая история Западной Сибири:
конец XIX – начало XXI в.», № 14-01-00109*

В статье проводится классификация основных источников, позволяющих исследовать динамику брачно-семейных отношений в годы Второй мировой войны, что позволяет выявить основные тренды развития семейного института в условиях острого социального кризиса, спровоцированного экстремальными условиями военного времени. Автор выделяет основные группы с подгруппами и определяет их место в анализе источниковых материалов.

***Ключевые слова:** текущий учет населения, мемуары, демографические показатели.*

В контексте исследования динамики брачно-семейных отношений в военные годы приобретает большую важность вопрос интерпретации источников, что требует систематизации исторических документов, с которыми ведет работу исследователь. История семьи находится в объектном поле сразу нескольких научных дисциплин, однако при построении ретроспективного анализа ученые опираются на схожие группы исторических источников. В этом контексте обращение к изучению динамических процессов брачности, разводимости, рождаемости и детности в период Второй мировой войны заставляет обратить внимание на специфику предмета, которая определяется не только относительно но-

вой областью знаний, но и непростым периодом истории, требует более детального рассмотрения некоторых групп документов.

Так как проблема семьи и брака ранее уже становилась объектом изучения специалистов, ученые очень подробно изучили такую группу, как данные текущего статистического учета, а также переписи населения. В работе Н. А. Араловец рассматривает в качестве базовых материалы всесоюзных переписей с опорой на данные учета естественного движения населения и другие группы документов. В своей монографии она обращает внимание на то, что сбор и систематизация статистической информации в период с середины 1930-х годов вплоть до Всесоюзной переписи 1959 г. по политическим и системным причинам находились в неудовлетворительном состоянии [1, с. 16–21]. Проблеме брака и семьи в военные годы посвящена монография О. М. Вербицкой, где автор подробно осветила основные группы источников. Она обращает внимание на то, что обе переписи населения, 1939 и 1959 гг., «дают весьма скудные сведения о семье, ее дифференциации по демографическому типу». Она доказывает необходимость использования данных текущего учета ЦСУ, а также фондов Минздрава СССР [2, с. 29–36]. В. А. Исупов в 2011 г. выпустил монографию, в которой предложил подробную систематизацию статистических источников, обратил внимание на то, что данные статистического учета брака и семьи во время войны менялись под влиянием изменений в брачно-семейном законодательстве [3, с. 6–10].

Первая группа источников – статистические материалы. Они включают опубликованные материалы статистических сборников, а также неопубликованные, хранящиеся в государственных архивах данные. Так, в 1937 г. был выпущен сборник статистических материалов «Женщина в СССР», который содержит материалы о положении женщины в структуре общественного производства, о материнстве, здравоохранении, образовании, бытовом уровне семьи [4, с. 37–42]. Авторы выделили в отдельную подгруппу данные о материнстве, предложив свою трактовку динамических процессов. В 1960-е гг. было выпущено несколько статистических сборников, содержащих данные о населении

СССР [5, с. 112–118] и РСФСР [6, с. 64–68]. В них опубликованы сравнительные статистические материалы по рождаемости, естественному приросту, брачности, разводимости населения, уровню жизни и т.д. Довоенный и послевоенный период в этих статистических таблицах используются как критерии сравнения, что позволяет оценить тенденции происходивших изменений.

К 1939 г. система статистического учета в СССР была уже в основном сформирована и упорядочена. При изучении материалов центральных и местных архивов были обнаружены некоторые погрешности учета, разночтения в итоговых результатах. Однако они не искажают основную картину. Имеющиеся результаты, с учетом того, что исследование проводится с исторической статистикой, позволяют делать выводы и определять тенденции развития основных аспектов семьи и брака. Основу статистических данных составили документы центральных и местных архивов. Документы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) представлены материалами Центрального статистического управления РСФСР (Ф. А–374), Министерства здравоохранения (Ф. А–482). Были также использованы данные, которые хранятся в Российском Государственном Архиве Экономики, РГАЭ, (Ф. 1562). Местные статистические данные представлены материалами Государственного архива Новосибирской области, ГАНО (Ф. 11), а также Государственного Архива Алтайского Края, ГААК (Ф. 718).

При исследовании трансформаций брака и семьи центральное место занимает изучение базовых социально-демографических процессов. Соответственно, в первую очередь это формы статистического учета, отражающие динамику рождаемости, брачности, разводимости, детской смертности. Из всех процессов, характеризующих развитие населения, наибольший интерес для сталинского правительства представляла рождаемость. Ее падения и взлеты были не только демографическим явлением. Им придавалось также политическое и идеологическое значение. Однако, несмотря на все усилия руководства страны, рождаемость сокращалась на протяжении всего периода. В годы войны спады рождаемости достигали таких разме-

ров, что отрицательные значения естественного прироста населения сохранялись с 1942 г. по 1944 г. Видимо, по этой причине в формы учета рождаемости так часто вносились изменения.

С 1939 г. по 1945 г. форма 2 («О родившихся детях по возрасту матери и ее занятию») пережила несколько корректировок. В 1939 г. она учитывала по горизонтальным строкам возраст роженицы, а по вертикальным столбцам – ее социальный статус (рабочие, служащие, колхозники, единоличники, прочие). Однако уже в 1940 г. вертикальные столбцы фиксировали населенный пункт. В 1944 г., в связи с изменениями в законодательстве, форма претерпела изменения. Сама базовая таблица сохранилась. Однако у нее появилось несколько подформ: 2а (Сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце), 2б (Сведения о родившихся у многодетных матерей по порядку рождения и занятиям родителей). Они учитывали частные аспекты рождаемости: сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, сведения о родившихся у многодетных матерей по порядку рождения и занятиям родителей. Форма 2 с 1944 г. стала учитывать рождение детей по порядку, а не только по возрасту матери. Государству изменения в формы в 1944 г. были нужны для реализации нового закона. Теперь необходимо было фиксировать информацию о многодетных и одиноких матерях.

Отсутствие единых форм учета за относительно короткий семилетний промежуток времени создает определенные трудности. Так, нет возможности составить полноценную социальную картину рождаемости. Так же проблематично по периоду в два года оценить динамику очередности рождений. Большой интерес представляет возраст матери на момент рождения первого ребенка, статистическая вероятность повторного рождения. Однако имеющиеся таблицы дают возможность делать такие выводы только по 1944 г. и 1945 г. Тем не менее, эти таблицы позволяют исследовать возрастную динамику рождаемости, интенсивность рождаемости на разных этапах войны. Недостающие для анализа данные частично дополняют другие виды статистических материалов.

Еще одним важным показателем трансформации семьи является брачность. В советской статистике для учета брачности использовалась форма 7 («Сведения о браках по возрастам брачующихся»). Данный бланк позволял учитывать браки по возрасту и населенному пункту. Горизонтальные строки фиксировали как общую брачность, так и брачность для городских поселений, для крупных городских поселений (население более 100 000 человек и более), для сельской местности. В данной форме для каждого типа поселений предусмотрен общий учет брачности и учет браков, заключаемых впервые. Лист формы имеет две стороны: для женской и мужской брачности. Неудобством данной формы для исследователя является укрупнение брачных когорт до 10 лет, начиная с возраста 50 лет, а также невозможность учета ранней брачности в возрастных когортах до 18 лет. Данное ограничение предусматривалось действующим на территории РСФСР брачно-семейным законодательством. Однако в реальности браки до 18 лет заключались. Об этом свидетельствуют материалы Всесоюзных переписей населения 1939-го и 1959-го гг. Их количество от переписи к переписи сокращалось, однако трудно оценить их реальную интенсивность в связи с тем, что такие браки помещались в колонку «Менее 18 лет». Особенно эта информация была бы интересна для периода Великой Отечественной войны, с характерным для нее искажением брачных возрастов. Несмотря на эти недостатки, использование формы 7 позволяет выявить не только возрастную динамику заключения браков, но и проследить изменения соотношения городской и сельской брачности, ее интенсивность в крупных городах.

Представление о прочности и непрочности брака дает форма 8, в которой представлены статистические сведения о разводах по возрастам разводящихся. В ней, как и в форме 7, присутствует гендерное деление, которое разнесено на разные стороны листа. В горизонтальном делении (на строки) предусмотрена различная продолжительность браков (менее 1 месяца, 1–5 месяцев, 6–11 месяцев, 1–2 года, 3–4 года, 5–9 лет, 10–19 лет, 20 лет и более). По вертикальному делению (на колонки) форма учитывает возраст расторгающих брак партнеров. Для мужчин нижняя

граница приходится на 18 лет, для женщин – на 16. В правой части форма предполагает учет повторности развода: расторгается первый, второй или третий и более брак. Неудобство формы – в различиях нижней возрастной границы для женщин и мужчин. Данная форма позволяет изучить развитие процесса разводимости. Основываясь на ее материалах, возможно проведение простого социального анализа разводов. Однако с 1944 г. органы статистики почти потеряли возможность контроля и учета разводов. С принятием указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» процедура развода была усложнена. Это привело к тому, что значительная часть разводов происходила де-факто, без оформления в ЗАГСах. По этой причине статистика разводов после 1944 г. не отражает реальную динамику разводимости.

Все демографические события, которые детально фиксировались в узкоспециальных формах 2, 7 и 8, суммарно сводились в форму 1 («О естественном движении населения») и форму 1а («Общие итоги естественного движения населения»). Форма 1 полностью учитывала естественное движение населения. В нее были занесены данные по рождаемости (причем учитывался пол рожденных, медицинский статус родов, включая мертворождения и многоплодные роды), смертность (число умерших с разбивкой по полу, число детей, умерших в возрасте до 1 года), общее число браков и разводов. Для изучения развития семьи данная форма очень удобна, потому что позволяет делать выводы о текущей демографической ситуации в изучаемый период.

Форма 1а представляет более общую информацию по естественному движению населения. В нее заносились только количественные данные об обслуживаемом загсами населении, количестве рождений, смертей (в отдельную колонку выделена детская смертность до 1 года), браков и разводов. Большим удобством формы является то, что учет велся ежемесячно. Поэ-

тому использование данной формы позволяет детально изучить демографические реакции на исторические события, делать расчеты сезонных колебаний.

Данная группа статистических материалов предоставляет основную социальную информацию о демографической динамике семьи и брака. Региональная специфика Западной Сибири заключалась в следующем. Во-первых, это был регион, принявший большое количество эвакуированного населения из европейской части России в годы войны. Все браки, рождения, разводы фиксировались в местных органах ЗАГС. Однако после реэвакуации эта группа населения убывала. Поэтому фактически реальная картина искажалась из-за миграций. Во-вторых, в годы войны в территориальной структуре Западной Сибири произошли изменения. Это отразилось как на количественных показателях населения, так и на том, что с 1943 и 1944 гг. количество документов для анализа увеличилось.

Еще один источник, который позволяет косвенно делать выводы о развитии семьи в годы войны, это данные медицинской статистики, представленные в форме 90 «Контрольный учет учреждений здравоохранения». Эта форма представляет собой комплексный отчет, который включает 18 таблиц. Вместе сведены такие материалы, как врачебный состав, коечный фонд, врачебные трудовые дни, коечные дни и т. д. Также форма учитывает количество родов, мертворождений, деятельность женских консультаций, молочных кухонь, детских садов, яслей. Содержит она и данные по абортам, выводя в отдельную строку так называемый «криминальный аборт» и передачу дел по факту в прокуратуру.

Эта форма позволяет оценить, с одной стороны, уровень социально-бытового и медицинского обслуживания населения. С другой стороны, ее можно использовать для уточнения информации, которая была представлена в данных Статистического управления. Недостатком данных медицинской статистики является то, что они фиксировали только случаи взаимодействия населения и медицинских учреждений. Так, информация по абортам в основном не попадала в медицинские отчеты. Лишь малая часть этих операций проводилась по медицинским показаниям. В медицин-

ских учреждениях регистрировались только внебольничные аборты, которые имели осложнения. Операции же, которые прошли без дополнительных проблем, медицинской статистике оставались неизвестными. К удобствам формы 90 можно отнести то, что на протяжении всех лет войны она ни разу не менялась.

Важную группу источников также представляют данные всесоюзных переписей населения. Несмотря на то что вокруг переписи 1939 г. по сей день идут споры о ее подлинности, с точки зрения изучения семьи она предоставляет ценные сведения о семейном состоянии, возрастно-половом распределении населения по населенным пунктам. Данная перепись является точкой отсчета в исследовании. Количественные неточности не искажают общую динамику. К сожалению, следующая перепись прошла только в 1959 г. Целесообразность использования материалов этой переписи в нашем исследовании ставится под вопрос в связи с тем, что она была слишком отнесена во времени от событий 1939–1945 гг. Многие особенности, характерные для общества после войны, за 14 лет успели стереться и потерять свою актуальность. Однако, данная перепись все-таки показывает влияние войны на семью. Так, в военных поколениях сохраняется гендерная диспропорция, в возрастных таблицах выделяется количественный провал, который приходится на людей, которые были рождены в годы войны и сразу после нее. Поэтому использование материалов обеих переписей является оправданным.

Вторую группу исторических источников составляют тексты законодательных актов, которые были приняты накануне или во время войны и действие которых определяло функционирование семьи и брака в годы войны. Их можно классифицировать по принципу непосредственно определяющих развитие семьи и косвенно касающихся различных ее аспектов. Так, к первой группе законодательных актов можно отнести указ от 8 июля 1944 г.

До 1944 г. отношения внутри семьи во многом регламентировались Семейным кодексом 1926 г. (вступил в силу с 1 января 1927 г.). К 1939 г. некоторые важные положения этих законов были фактически аннулированы другими законодательными актами. Но часть статей сохраняла свою силу. Так, сохранялись

ограничения на заключение брака, разработанные в 1920-е гг. под влиянием имевших в тот период большую популярность евгенических учений [7, с. 663–670]. В силе оставались положения, регламентирующие отношения между родителями и детьми. Процедура развода также была оговорена в этих кодексах.

С 1936 г. в действие вступило постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹. Фактически, основное действие закона было направлено на запрет абортов по социальным показателям. Однако одновременно он предполагал материальное поощрение многодетности и финансовую защиту детей. Кроме того, постановление демонстрировало, что правительство делало шаги к вовлечению в рабочий процесс женщин.

Большое значение имел и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»². Данный указ отменил положения Семейных кодексов 1918 и 1926 гг. о фактических браках. Согласно этому закону ребенок, рожденный в незарегистрированном браке, получал прочерк в свидетельстве о рождении в графе «отец». Мужчина освобождался от уплаты алиментов. Женщина, имеющая ребенка от таких отношений, получала дополнительные преимущества и привилегии от государства. Как уже говорилось выше, была усложнена процедура развода. Текст данного указа объясняет изменения, которые произошли в данных статистического учета с 1944 г.

В 1941 г., в первые дни Великой Отечественной войны, вышло постановление «О порядке назначения и выплаты пособий

¹ Советская Сибирь. 1936. 29 июня.

² Советская Сибирь. 1944. 11 июля.

семьям военнослужащих, рядового и младшего начальствующего состава в военное время»¹. В нем оговаривалась помощь семьям военнослужащих. 21 ноября 1941 г. вышел в свет указ Президиума Верховного совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР»².

Совокупность этих основных законов позволяет делать выводы о том, что правительство еще в довоенный период начало пронаталистскую политику. А в годы войны продолжило начатую тенденцию мероприятиями по укреплению брака.

Третью группу источников составляют открытые публикации в центральной («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд» и т. д.) и местной («Советская Сибирь») прессе. В эту же группу источников попадают классификаторы статейных материалов, которые начали выпускаться с 1935 г. В них еженедельно делалась тематическая разбивка всех опубликованных в центральной прессе статей. Благодаря этой группе источников можно определить не только содержание центральной прессы, но также и интенсивность публикаций статей по той или иной проблеме.

На протяжении всех лет Второй мировой войны, особенно после 1941 г., тема семьи обсуждалась в периодической печати очень активно. Если до 1941 г. основная масса публикаций была посвящена трем важным вопросам: организации сети яслей и детских садов, осуждению незарегистрированных браков и описанию негативных последствий аборт, то с июня 1941 г. сфера интересов журналистов смещается к заботе правительства о семьях военнослужащих. Распространенный способ подачи материала был в стиле писем в редакцию (наиболее часто в газете «Правда») и публицистических заметок (наиболее часто в газете «Известия»). С 1942–1943 гг. большое количество материалов было посвящено адаптации эвакуированных семей в местах прибытия. Интересной особенностью прессы в военный период стало то, что начали появляться небольшие заметки, критикующие деятельность городских администраций в

¹ Советская Сибирь. 1941. 27 июня.

² Советская Сибирь. 1941. 25 ноября.

вопросах бытовых условий проживания населения. Появление этих материалов было характерно для периода 1942–1944 гг. Уже в 1944 г. такие материалы исчезают со страниц газет.

Основной массив передаваемой через СМИ информации носил пропагандистский характер. Ориентироваться на них, как на объективный источник, трудно. Однако они передают позицию властей в отношении многих бытовых вопросов. В том числе и по вопросам семьи. Также по материалам СМИ можно определить зону приоритетных информационных вопросов для советского правительства.

К четвертой группе источников относятся опубликованные мемуары и теоретические работы государственных деятелей, которые оставили в послевоенное время непосредственные акторы и участники событий. Так, например, в книге народного комиссара здравоохранения Г. А. Митерева изложены его воспоминания о мероприятиях Наркомздрава СССР в военные годы, в том числе по защите материнства и детства [8, с. 178–188]. Н. В. Мананникова, заместитель народного комиссара здравоохранения РСФСР, описала деятельность наркомздрава РСФСР в политике защиты детей в военное время [9, с. 63–83]. В этом плане ценность представляют также материалы конференций и семинаров, публикации в сборниках и журналах. При работе с этой группой источников необходимо учитывать их субъективность. Однако, совместно с другими группами документов, они позволяют дать объяснение некоторым феноменам, которые непросто понять без взгляда современника происходящих событий.

Таким образом, при изучении развития семьи и брака в годы войны исследователь опирается на широкий круг источников, среди которых наиболее важную роль играют данные текущего учета населения, позволяющие системно изучать трансформационные процессы, а также опубликованные данные, которые позволяют оценить тенденции развития, но не дают возможности для детального исследования, т.к. материалы военного периода в них не публиковались. Помимо объективных количественных данных, исследователь имеет возможность опираться на газетные публикации. Периодическая печать яв-

ляется скорее дополнительным источником информации и не может восприниматься как достоверное отражение динамики ментальности при выявлении основных векторов развития семьи и определения условий, в которых существовала семья в годы войны. Мемуары и публицистика так же, как и периодическая печать, не могут помочь составить объективную картину происходящих событий. Однако все вместе данные группы источников помогают создать целостное понимание, которое позволит делать выводы как об основных тенденциях, так и деформациях, происходящих под влиянием реалий военного времени в истории семьи и брака.

Список литературы

1. Араловец, Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н. А. Араловец. – Тула, 2009. – 304 с.
2. Вербицкая, О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. / О. М. Вербицкая. – Тула, 2009. – 296 с.
3. Исупов, В. А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. Доклад на пленарном заседании I Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии (Сыктывкар, 11–14 мая 2011 г.) / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. / В. А. Исупов. – Сыктывкар, 2011. – 20 с.
4. Численность, состав и движение СССР. Статистические материалы. М., 1965. – 564 с.
5. РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М., 1957. – 256 с.
6. Большая Медицинская Энциклопедия / под ред. Н. А. Семашко. Т. 9. – М., 1929–1936. – 834 с.
7. Митерев, Г. А. В дни мира и войны. / Г. А. Митерев. – М., 1975. – 255 с.
8. Мананникова, Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. / Н. В. Мананникова. – М., 1973. – 302 с.

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ
АРХИВОВ О ДВИЖЕНИИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ***

**Статья публикуется в рамках проекта РГНФ «Людской потенциал Сибири в условиях системной трансформации российского общества в XX веке», № 16-01-00412*

Целью данной статьи является освещение имеющих на уровне отдельных областей и краев статистических данных о распространении инфекционных заболеваний среди населения и их специфике. В статье рассматриваются особенности статистических источников, сформировавшихся в системе медицинской статистики, отражение в них динамики заболеваемости населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Подробно рассмотрены основные типы сохранившейся документации, ее достоинства и недостатки.

Ключевые слова: историческая демография, источники, заболеваемость, Западная Сибирь, Великая Отечественная война.

Годы Великой Отечественной войны были временем бурной трансформации демографической системы СССР. Именно эти годы стали решающими для так называемого демографического перехода советского общества. Процессы, возникшие в годы войны, и их результаты будут определять демографический облик страны еще долгие десятилетия. Все это делает изучение периода 1941–1945 гг. крайне важным для исторической демографии.

Огромное значение для понимания причин и динамики основных демографических процессов этого времени (прежде всего, конечно, смертности) играют данные, касающиеся заболеваемости населения. Целью данной статьи является освещение имеющихся в документах региональных архивов статистических данных о распространении инфекционных заболеваний среди населения и особенностях данного вида источников.

Если в основе данных текущего статистического учета этого периода, касающихся смертности или рождаемости, лежали сведения, собранные органами ЗАГС, то основой статистических материалов, касающихся заболеваемости, служили данные медицинской статистики.

Сбор и обработка медицинской статистики были важной стороной деятельности органов здравоохранения. Медицинская статистика основывалась на документации низовых медицинских учреждений, непосредственно взаимодействующих с населением: журналах регистрации, медицинских карточках и т. д. В дальнейшем эти сведения обрабатывались на уровне городов/районов и в форме различных отчетов отправлялись в областные/краевые органы здравоохранения.

По степени охвата населения система медицинской статистики вполне была способна конкурировать с системой органов ЗАГС. В то же время она обладала рядом особенностей.

Во-первых, медицинская статистика учитывала только события, произошедшие с людьми, так или иначе взаимодействовавшими с системой здравоохранения. Обращение за медицинской помощью в своей основе было добровольным (в отличие от установленной законом обязательности обращения в органы ЗАГС), что, разумеется, снижало ее точность. Хотя в военное время и получили широкое распространение массовые подворные и квартирные обходы с обязательной госпитализацией лихорадящих больных, это не меняло ситуацию кардинально. Впрочем, данная особенность в основном оказывала негативное влияние на точность сведений о сравнительно легких заболеваниях. В случае возникновения серьезных проблем со здоровьем люди, разумеется, стремились обратиться за медицинской помощью.

Во-вторых, во многом ее точность зависела от уровня развития медицинской сети: чем развитей была медицинская сеть той или иной территории, чем доступнее была медицинская помощь населению, тем точнее была медицинская статистика, и наоборот. При этом стоит отметить, что задачи сбора статистических данных распространялись на многочисленную сеть фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности, обширную армию общественных санитарных инспекторов, а в 1944–1945 гг. – и на колхозных медсестер. В результате получался некий парадокс: население могло быть не обеспечено достаточно квалифицированной медицинской помощью, но обращением своим в медучреждения поставляло достаточно точные статистические сведения о состоянии своего здоровья. Реальной проблемой для полноты медицинских статистических сведений служили лишь наименее развитые северные районы Западной Сибири и располагавшая крайне скромными медицинскими кадрами Ойротская автономная область.

В-третьих, нужно иметь в виду сравнительную молодость советской медицинской статистики. Как указывалось в отчете о состоянии здравоохранения в Новосибирской области: «До сих пор отделу статистики и учета в органах здравоохранения мало придавалось значения, этот участок до 1938 года был самым отсталым, за 1938 год *впервые* [курсив мой – М. С.] подготовлен высококачественно и в срок [годовой статистический отчет]»¹. Разумеется, в столь короткие сроки организация сбора сведений для медицинской статистики полностью сформироваться не могла, что также негативно сказывается на точности данного вида источников.

Учет заболеваемости населения был для медицинской статистики одной из наиболее сложных задач. Если движение медицинской сети, кадров отслеживалось достаточно полно, в силу сравнительно медленной их динамики, то уследить за постоянно меняющейся ситуацией с заболеваемостью было труднее.

¹ Состояние медицинской работы в области на 20.04.1939г. // ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.

На уровне отдельного учреждения данные о заболевании человека фиксировались в специальном журнале регистрации. Помимо этого, по основным острозаразным заболеваниям (сыпной и брюшной тиф, корь, скарлатина и т.д.) учреждение было обязано отправлять в вышестоящие органы здравоохранения экстренные извещения.

Теоретически количество больных согласно этим извещениям и журналу регистрации должно было совпадать, но так было далеко не всегда. Так, в «Аналитическом обзоре по острозаразным заболеваниям за 1941 год» по Новосибирской области отмечалось, что в Мариинском районе за сентябрь 1941 года в журналах регистрации было отмечено 17 случаев кори и 11 – токсической диспепсии, а согласно экстренным извещениям – 4 и ни одного соответственно. В Ижморском районе на 14 случаев заболевания коклюшем имелось экстренное извещение только на 1; на 6 случаев кори – всего на 4.

Встречались и обратные ситуации: в г. Белово из 46 случаев кори – 35 были зарегистрированы в журнале регистрации, а еще об 11 доложено в райздрав по телефону в порядке экстренного извещения, а в журнале регистрации соответствующего отражения эти случаи не имели¹.

Впрочем, основные нарекания вызывала точность экстренных извещений, т.к. журналы регистрации в целом адекватно отражали сложившуюся ситуацию, что имеет первостепенное значение, так как для подготовки сводных статистических и текстовых отчетов использовались именно их данные.

Другим фактором, влиявшим на точность данных медицинской статистики, была потребность государственных органов и органов здравоохранения, в частности, в оперативном мониторинге ситуации с заболеваемостью населения. Это вынуждало требовать соответствующие отчеты в достаточно сжатые сроки, что негативно отражалось на их точности, т.к. не позволяла собрать все необходимые данные, поэтому нередки были случаи нарушения сроков сдачи отчетов. В особенности

¹ Аналитический обзор по острозаразным заболеваниям на 1941 год // ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 612. Л. 57–57об.

это было характерно для первых лет войны, до разукрупнения западносибирских областей. Так, в Новосибирской области в 1941 г. сложилась следующая ситуация с составлением сводных ежемесячных отчетов по заболеваемости (см табл. 1):

Таблица 1.*

Составление ежемесячных сводных отчетов по форме №85 (острозаразные заболевания) Новосибирским облздравотделом в 1941 г.

Отчетный месяц	Плановый срок отправки в Наркомздрав	Фактический срок отправки	Процент охвата медицинских учреждений в отчете
январь	10. 02.1941	17.02. 1941	97,0
февраль	10. 03.1941	17.04. 1941**	98,6
март	10. 04.1941	12.04. 1941	93,2
апрель	10. 05.1941	17.05. 1941	93,2
май	10. 06.1941	17.06. 1941	95,0
июнь	16. 07.1941	17.07. 1941	94,5
июль	16. 08.1941	22.08. 1941	98,6
август	16. 09.1941	17.09. 1941	93,2
сентябрь	16. 10.1941	18.10. 1941	97,2
октябрь	16. 11.1941	22.11. 1941	94,2
ноябрь	16. 12.1941	23.12. 1941	95,1
декабрь	16. 01.1942	21.01. 1942	96,0

* Источник: Аналитический обзор по острозаразным заболеваниям на 1941 год // ГАНУ. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 612. Л. 57–57об.

** Так в тексте. По всей видимости, в документе опечатка, имеется в виду 17.03.1941.

С разукрупнением областей, улучшением постановки учета точность статистических отчетов возросла, несмотря на неизменные сроки подготовки. Так, в «Объяснительной записке к отчету о движении острозаразных заболеваний по Кемеровской области за 1944 год» отмечалось, что за 1944 год со стороны Облздравотдела «не было случая высылки отчетности по фор-

мам №№ 85 и 87 [по заболеваемости населения – М.С.] с опозданием», а имеющиеся несовпадения данных между годовым и месячными оперативными отчетами, результатами проверки статистических материалов были охарактеризованы как «некоторые небольшие расхождения»¹. Возросшая точность сводных статистических данных в особенности важна для исследователей по причине плохой сохранности первичной медицинской документации, что не позволяет в настоящее время составить на их основе сводные данные о заболеваемости на уровне крупных административно-территориальных единиц.

Основными статистическими документами по заболеваемости военного времени служили «Сведения о заболеваемости» по форме № 85 и № 87. Структура их схожа. Формы представляют собой двухстороннюю карточку, где указывалось название отчитывающегося учреждения или административно-территориальной единицы и количество случаев заболевания той или иной инфекцией. По форме № 85 учитывались так называемые острозаразные инфекции, представлявшие наибольшую эпидемическую опасность: брюшной тиф, паратиф, дизентерия, токсическая диспепсия, сыпной тиф, возвратный тиф, корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, цереброспинальный менингит, эпидемический энцефалит, клещевой весенне-летний энцефалит, полиомиелит, туляремия. Указывалось количество госпитализированных граждан из числа зарегистрированных по каждому заболеванию и принадлежность заболевших к типу поселения; отдельно прописывалась доля городского населения среди заболевших.

В форме № 87 фиксировались заболевания, «не учитываемые экстренными извещениями», то есть представлявшие, по мнению советского здравоохранения, меньшую опасность: малярия (общее количество и число свежих случаев), грипп, острый гастроэнтероколит у детей до 2-х лет, бруцеллез (общее количество и число свежих случаев), цинга (скорбут). Кроме этого, в форме № 87 отражались производимые медиками про-

¹ Объяснительная записка к отчету о движении острозаразных заболеваний по Кемеровской области за 1944 год // ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 161. Л. 2.

тивноэпидемические мероприятия: вакцинация и ревакцинация против основных эпидемических заболеваний, в ряде случаев в разрезе возрастных групп; фагирование; количество обследований на малярию и т. д. Формы № 85 и № 87 заполнялись за разные временные периоды, основную часть составляли ежемесячные и годовые «Сведения».

На основании первичных отчетов по формам № 85 и № 87 районными/городскими и областными/краевыми отделами здравоохранения составлялись сводные таблицы заболеваемости с разбивкой по месяцам и по районам. Стоит отметить, что данные по указанным формам регулярно уточнялись и после отсылки указанных отчетов. Неточность первоначальных сведений была связана как со сложностью постановки диагноза, так и с объективной нехваткой времени для сбора всех сведений о заболеваемости для включения в текущий отчет. Новые исправленные цифры входили в отчеты за больший хронологический период. На уровне годовых сведений, собранных по формам № 85 и № 87, величина ошибок была минимальной.

Сведения, собранные по формам № 85 и № 87, представляют большой интерес для исследователей, позволяя не только узнать о распространении ряда заболеваний, но и их территориальную распространенность, хронологическую динамику, ряд важных аспектов противоэпидемической работы. В то же время многие моменты в указанных формах учитывались слабо: прежде всего, половозрастной характер заболеваемости, ее исходы; не были показаны многие важные аспекты противоэпидемической борьбы: сроки госпитализации, охват очагов заболевания дезинфекционными мероприятиями и т. д.

Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость опоры и на другие сохранившиеся документы.

Другим важным источником статистических сведений о заболеваемости служат «Текстовые санитарно-эпидемические обзоры», представлявшие собой подробные отчеты об эпидемической обстановке в регионе за тот или иной месяц, за подписью главы регионального отдела здравоохранения. Если формы № 85 и № 87 и созданные на их основе сводные таблицы сохра-

нились в фондах территориальных органов здравоохранения и статистики, то «Текстовые санитарно-эпидемические отчеты» направлялись по партийной линии и хранились в фондах областных/краевых комитетов партии.

Количество анализируемых в тексте отчетов заболеваний было сокращено. Рассматривалось положение с заболеваниями брюшным и сыпным тифами, паратифом, дизентерией и туляремией. То есть рассматривались наиболее опасные болезни, чье развитие могло нарушить нормальную жизнь общества. В то же время развитие указанных болезней рассматривалось более подробно.

Помимо общих данных о заболеваемости той или иной инфекцией за месяц, проводилось сопоставление с заболеваемостью за предыдущие два месяца, а также с аналогичным календарным периодом предыдущего года. В условиях ярко выраженной сезонности в развитии эпидемических болезней в этот период сопоставление с непосредственно предшествующими месяцами не всегда могло быть корректно, сравнение с аналогичным временем предыдущего года позволяло сделать более обоснованные выводы о характере динамики заболеваемости.

Статистические данные о заболеваемости приводились как в целом по региону, так и по наиболее важным входящим в его состав территориям. Прежде всего, по крупным городам, а также по районам, наиболее неблагополучным в эпидемическом отношении за истекший месяц.

Приводились данные о возрастном составе заболевших (с разбивкой по возрасту на следующие категории: 1–2; 3–4; 5–7; 8–9; 10–14; 15–19; 20–29; 30–39; 40–49; 50 лет и старше), что имеет большое значение для реконструкции влияния заболеваемости на смертность различных возрастных групп.

Отдельно фиксировались данные о заболеваемости среди организованных групп населения. Особый интерес для изучения эпидемических процессов представляют, несмотря на всю их неполноту (иногда на долю неизвестных источников заражения приходится до четверти случаев), имеющиеся в них сведения об источниках заражения. Приводятся статистические сведения не

только о полноте госпитализации, но и об ее сроках. Приводятся данные о мощности эпидемических очагов (количестве взаимосвязанных случаев заболевания), а также данные о противоэпидемической работе: дезинфекционной обработке очагов, прививках и т. д.

В то же время «Текстовые санитарно-эпидемические обзоры» обладают и рядом серьезных недостатков.

Во-первых, все указанное многообразие данных не является обязательным. В обязательном порядке содержатся лишь данные о количестве заболевших и их сравнение с другими временными периодами. По другим сведениям, текстовые отчеты могли значительно отличаться между собой, что затрудняет их сопоставление. Многие данные приводятся не по региону в целом, а по отдельным территориям, выбор которых определялся мощностью эпидемического процесса в них в данное время, а следовательно, в значительной мере изменялся с каждым месяцем.

Во-вторых, из рассмотрения текстовых отчетов выпадает значительная часть инфекций, что не позволяет оценить сложившуюся эпидемическую картину в полной мере.

И наконец, в-третьих, незначительность рассматриваемого хронологического периода (месяц) также затрудняет опору на данный вид документов.

Этих недостатков лишены годовые отчеты региональных санитарных инспекций: «Санитарно-эпидемическое состояние [название региона] и отчет о деятельности ___ областной (краевой) государственной санитарной инспекции за ____ год». Именно эти документы, занимающие подчас свыше 1000 страниц¹, позволяют представить эпидемическую ситуацию тех лет наиболее полным образом. Данные отчеты хранятся в различных фондах. Так, в Омской, Новосибирской областях, Алтайском крае они хранятся в фондах санинспекции (ИсАОО. Ф. Р-1411; ГАНО. Ф.Р-1682; ГААК. Ф.Р-762), а в Томской области – в фонде облздравотдела (ГАТО.Ф.Р-1005).

¹ Отчет государственной санитарной инспекции за 1945 г. // ЦХА-ФАК. Ф. Р-762. Оп. 2. Д. 336.

В них содержатся данные о важнейших процессах воспроизводства населения (рождаемости, смертности); детской смертности и ее причинах; относительной и абсолютной заболеваемости; заболеваемости в возрастном разрезе и по типу поселений; данные о госпитализации, дезинфекции и многое другое. Многие сведения приводятся в сопоставлении с данными за несколько предыдущих лет. Подготовка таких отчетов требовала большого времени, что позволяло внести в них уточнения статистических данных за отчетный период. Стоит отметить, что, помимо статистических данных, они содержат и ценнейшие качественные сведения.

К сожалению, подобные документы, известные автору, сохранились лишь за 1944–1945 годы и не по всем регионам Западной Сибири.

Значимость состояния здоровья граждан для стабильного функционирования тыла, возросшее значение деятельности здравоохранения определили появление в годы войны особого вида документов: «Состояние здравоохранения в военных условиях», заверявшегося главой регионального отдела здравоохранения и предназначенного для отчета перед областным (краевым) комитетом партии. Целью отчета было представить полную картину сложившейся в регионе ситуации со здоровьем населения и деятельностью органов здравоохранения. Неотъемлемой их частью являлся анализ эпидемической обстановки и предпринимаемых противоэпидемических мер. Собственно блок статистической информации обычно был невелик и представлял собой данные об абсолютной и относительной заболеваемости по региону, базировавшийся на сведениях, представленных по формам № 85 и № 87. Остальные статистические данные были отрывочные. В то же время данный вид документов содержит важные качественные данные, необходимые для понимания причин и характера протекавших эпидемических процессов. Сохранились они в фондах соответствующих областных (краевых) комитетов ВКП(б).

Также стоит отметить, что некоторые косвенные данные об эпидемической обстановке тех лет можно выяснить из «Годо-

вых статистических отчетов о сети, деятельности и кадрах» по форме № 90. Прежде всего это касается сведений по развернутой в регионе противоэпидемической сети, ситуации с кадрами, положению с дезинфекционными камерами. Помимо этого, интерес представляют данные о количестве поступивших за год в инфекционные больницы; количестве амбулаторных посещений врачебных должностей по туберкулезу и малярии. Данные отчеты хранятся в фондах Облздравотделов или в фондах статистического отдела.

В целом, приводимые в источниках (особенно в данных оперативного учета) статистические сведения являются неточными, но все же данные медицинской статистики достаточно полно описывают реальную ситуацию с заболеваемостью большинства населения (в особенности городского) в годовом разрезе и позволяют получить представление о направлении ее динамики на уровне отдельных месяцев. Совокупность сохранившихся документов, отражающих статистические сведения, позволяет произвести их взаимную проверку и составить достаточно полную картину эпидемической ситуации военных лет.

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО
МЕХАНИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ***

** Работа выполнена при поддержке РГНФ,
проект № 14-01-00109а*

В статье рассматривается проблема изучения статистических документов ЦСУ СССР, в частности, документов текущего учета населения, в которых фиксировалась информация о его механическом движении. Цель статьи – показать специфику работы с документами по механическому движению населения на примере областей Западной Сибири в послевоенные годы, определить их исследовательский потенциал и круг вопросов, на который они могут дать ответы. Делается вывод о том, что документы ЦСУ по механическому движению населения за послевоенные годы обладают рядом недостатков. Хотя власти и пытались контролировать миграцию, существовавшая система запретов (в частности, необходимость иметь паспорт при приеме на работу, получение специальных справок при выезде из сельской местности и т. д.) не справлялась с поставленной задачей. Органы ЦСУ регистрировали передвижение населения только частично. Поэтому их данные не способны точно показать объемы миграционных потоков внутри СССР, хотя и дают представление о направлениях переселений (наиболее приоритетных регионах или конкретных местностях, в качестве которых, как правило, выступали крупные промышленные центры, а также возможность оценить передвижение из сельской местности в города). Кроме того, в них содержится информация о половозрастном составе мигрантов. Это дает возможность

использовать документы текущего учета населения в качестве исторического источника по изучению миграции в послевоенные годы.

Ключевые слова: миграция, Сибирь, историческая демография.

Современные историко-демографические исследования населения Советского Союза основываются на статистических документах ЦСУ СССР. Значительное внимание уделяется документам текущего учета населения: регистрации браков, рождений, смертей, а также информации о миграции, собиравшейся советскими статистиками. Цель статьи – показать специфику работы с документами по механическому движению населения на примере областей Западной Сибири в послевоенные годы, определить их исследовательский потенциал и круг вопросов, на который они могут дать ответы. В современной историографии существуют источниковедческие работы по документам текущего учета естественного движения населения [1]. Однако документы по механическому движению остаются до сих пор за рамками специальных исследований, хотя многие демографы и историки используют их в своих работах. В представленной статье сделана попытка восполнить этот историографический пробел.

Регистрация механического движения населения основывалась на данных прописки. При прописке или выписке в паспортных столах мигранты заполняли отрывной листок, направлявшийся в местные статистические учреждения для составления сводных данных. В отрывном листке указывался пол и возраст мигранта, прежнее место проживания, а в случае отъезда – пункт конечного назначения. Согласно «Положению о паспортах» 1940 г., все мигранты, прибывшие в город сроком более чем на 1,5 месяца, должны были регистрировать прописку [2, с. 64]. Информация о мигрантах собиралась только в городских поселениях и районных центрах. Основная часть сельских жителей не учитывалась. Фиксация количественных и качественных характеристик мигрантов производилась со

значительной долей погрешности. Большая часть сельского населения не имела паспортов, поэтому не могла быть прописана в городах. В послевоенные годы наблюдался значительный поток неконтролируемой миграции. Многие прибывшие из сёл и деревень не имели документов, разрешающих им переезд. Такие мигранты не попадали в статистические сводки. Даже те из переселенцев, что регистрировались, далеко не всегда указывали свой возраст, пол, место прежнего проживания.

Определённые проблемы возникали при организации учёта миграции. Так, в 1946 г. Алтайский крайстат отмечал, что паспортные столы края не были полностью обеспечены адресными листками. Часть талонов поступала не на стандартных бланках, а заполнялась от руки на простой бумаге. Мигранты не всегда отвечали на поставленные вопросы, особенно о месте выбытия и возрасте. Значительный недоучёт мигрантов наблюдался в райцентрах и рабочих посёлках, в то время как в крупных городах качество учёта оказалось выше¹.

Согласно данным ЦСУ в 1948 г. из малых городов Новосибирской области в Новосибирск выбыло 4839 чел.², в то время как в Новосибирске было зафиксировано 3107 чел.³, прибывших из городов области. В 1949 г. соответственно 4809 и 3995 чел.⁴ В 1948 г. из Новосибирска в города Кузбасса, согласно материалам органов статистики по Новосибирской области, выбыло 2335 чел.⁵ А по данным Кемеровского облстата в этот год из Новосибирска прибыло 2598 чел.⁶ В обратном направлении в Новосибирск направилось 3057 чел.⁷, но на месте прибытия оказалось зафиксировано 2438 чел.⁸ В 1948 г. из малых городов Новосибирской области в города Кузбасса от-

¹ ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 4–5.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2127. Л. 63–64 об.

³ Там же. Л. 59–60 об.

⁴ Там же. Д. 2481. Л. 68–71 об.

⁵ Там же. Д. 2127. Л. 59–60 об.

⁶ ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 115. Л. 205–206 об.

⁷ Там же.

⁸ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2127. Л. 59–60 об.

правилось 1824 чел.¹, в то время как в документах ЦСУ по Кемеровской области было зафиксировано 2843 чел.² Представленные данные свидетельствуют о значительном недоучёте механического движения населения. Отчасти это может быть объяснено некачественным учётом мигрантов в паспортных столах. Вместе с тем, сами переселенцы могли в местах выбытия или прибытия не отмечать факт своего переезда, или же указывали один пункт назначения, а сами отбывали в ином направлении. Это говорит о большой погрешности данных ЦСУ, основанных на сведениях, полученных из паспортных столов. Анализируя её, можно только в общих чертах оценивать численность и направления движения мигрантов.

Кроме неконтролируемой миграции, в статистические отчёты не попадали сведения о «спецконтингенте» (заклужённых, ссыльных, высланных и т. д.), спецпоселенцах и передвижении воинских контингентов. Последнее особенно важно, так как в первые послевоенные годы развернулась демобилизация Красной армии и домой стали возвращаться военнотружущие. В статотчётах их прежнее место проживания не фиксировали, хотя сам факт прибытия отмечался.

Во второй половине 1940-х гг. существовало несколько форм документов, учитывавших механическое движение населения. В форме «Сведения о передвижении населения за 19__ г.» содержатся ежемесячные данные о численности прибывших и выбывших мигрантов в городских поселениях. В них учитывались как взрослые, так и дети до 16 лет. Преимуществом данной формы является ежемесячная разбивка от января к декабрю каждого года, что позволяет судить о сезонности миграции и влиянии на миграционные процессы демобилизации, эвакуации и голода 1946–1947 гг. Рассматривая данную форму, можно сделать вывод о значительном миграционном всплеске. В это время в города региона активно прибывали военнотружущие. Ещё одной тенденцией было выбывание эвакуированных граждан в западном направлении, переселявшихся на места преж-

¹ Там же. Л. 63–64 об.

² ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 115. Л. 205–206 об.

него проживания. Как показывают данные таблицы 1, в первые послевоенные годы механический прирост ряда городов был невысоким или вовсе отрицательным. Снижение миграционного роста, по всей видимости, происходило вследствие окончания демобилизации армии и продолжавшегося процесса реэвакуации. Уполномоченный Госплана М. Шуб, в направленной председателю Омского облисполкома записке к балансу трудовых резервов области, связывал именно с реэвакуацией уменьшение численности трудоспособного населения в 1947 г. по сравнению с предыдущим годом на 10,9 тысяч человек¹. Это объясняет отрицательные показатели механического роста городов Омской области в 1947–1948 гг.

Таблица 1

Механический прирост населения городов Западной Сибири в 1946–1953 гг., тыс. чел., оценка ЦСУ на основе прописки–выписки паспортов*

Годы	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1946	34,8	94,5	33,4	25,4	7,7
1947	44,9	67,7	9,1	-2,8	5,4
1948	-07	95,3	10,0	-3,6	8,8
1949	0,1	67,4	15,6	4,7	7,8
1950	14,9	41,4	20,4	9,4	7,9
1951	-1,7	60,9	20,0	18,7	9,5
1952	1,9	38,9	14,5	6,7	11,9
1953	14,5	51,6	24,1	15,1	11,1
Всего	110,4	517,7	147,1	73,6	70,1

*Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 508. Л. 13; 15; 17; 19; 21; 23; 25; 27.

Эвакуированных на 1 января 1946 г. в Западной Сибири оставалось 112696 чел., на 1 ноября 1946 г. – 87336., на 1 января 1948 г. – 47471. (цифры даны без учёта проживавших в Новосибирске эвакуограждан) [3, с. 149]. За 1946–1947 гг. из региона вы-

¹ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 20. Л. 165.

было более 60 тыс. человек эвакуированных. Реевакуация происходила не только посредством индивидуальных переездов, но и в организованном порядке. Так, в 1946 г. реевакуации из Новосибирской области подлежало 3079 чел. польских граждан, для чего Новосибирский областной Совет депутатов трудящихся просил у Совнаркома РСФСР выделить 158 оборудованных вагонов¹. В том же году из Омской области до Бреста проследовал эшелон, в котором размещалось 1573 поляка. 19 июня 1946 г. эшелон благополучно прибыл по месту назначения, а переселенцы были переданы польской стороне². Как правило, не вернувшиеся на родину до 1948 г. эвакуограждане оставались жить в Западной Сибири.

Рассматривая данные таблицы 1, можно сделать вывод о том, что в первую очередь росли города, в которых сосредотачивались крупные промышленные объекты. Именно они являлись местами притяжения мигрантов. Поэтому два основных индустриальных центра Западной Сибири, расположенных в Кемеровской и Новосибирской областях, стали главными местами притяжения мигрантов. Они составляли 2/3 всего механического роста региона. Механический прирост городских поселений Западной Сибири в изучаемый период времени происходил крайне неравномерно и во многом зависел от уровня развития в них промышленных объектов. Как видно из таблицы, города Омской и Томской областей сильно отставали от своих соседей. В Алтайском крае наблюдался значительный миграционный прирост только в 1946–1947 гг., после чего последовал спад.

Еще одна форма документов ЦСУ носила название «Сведения о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту за 19__ г.». В ней содержатся данные о половом и возрастном составе мигрантов городов Западной Сибири, а также направлении миграции город–деревня.

Основным источником механического роста городов, как и до войны, являлась молодёжь. Молодые люди более склонны к смене места жительства и поэтому отличаются повышенной мобильностью. Лица в возрасте 16–34 лет в 1938 г. состав-

¹ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 6. Д. 16. Л. 6, 9–10.

² ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 26. Л. 3–4.

ляли 53,7 % всего механического прироста городов Сибири [4, с. 56]. В послевоенные годы наибольшую миграционную активность проявлял этот же возрастной контингент. Война не могла значительно повлиять на возрастной состав мигрантов. Это положительно сказывалось на возрастной структуре населения городов, хотя не могло восполнить потери периода Великой Отечественной войны, когда на фронт ушла значительная часть молодёжи. Данные таблицы 2, составленной на основе формы «Сведения о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту за 19__ г.», подтверждают данный вывод.

Таблица 2

Возрастной состав мигрантов в городах Алтайского края, Кемеровской области и Новосибирска в 1946–1950 гг. (%)*

Возраст (лет)	Алтайский край		Кемеровская обл.		Новосибирск	
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло
0 – 15	14,1	12,0	11,9	11,4	10,7	8,1
16 – 19	15,6	13,1	19,8	13,7	16,9	11,1
19 – 24	18,9	23,3	23,6	23,6	21,0	21,6
25 – 29	14,0	12,8	12,4	13,3	15,0	14,0
30 – 34	9,0	9,4	8,3	9,1	9,9	11,0
35 – 39	8,0	7,6	7,1	8,2	7,9	9,8
40 – 44	5,6	5,8	5,2	6,2	5,2	7,1
45 – 49	4,1	4,4	3,4	4,4	3,6	4,9
50 – 54	2,7	2,7	2,5	3,0	2,6	3,7
55 – 59	2,1	2,9	1,7	2,1	2,0	2,5
>60 лет	4,0	5,1	3,4	4,0	4,9	5,1
Неизвестного возраста	1,0	0,9	0,5	0,5	0,3	0,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 10-10 об., Д. 16. Л. 10-10 об., Д. 21. Л. 3-3 об., Д. 24. Л. 4-4 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 96-96 об., Д. 114 Л. 122-122 об. Д. 115. Л. 204-204 об., Д. 116. Л. 217-217 об., Д. 117. Л. 180-180 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1412. Л. 51-51 об., Д. 1751. Л. 39-39 об., Д. 2127. Л. 62-62 об., Д. 2481. Л. 73-73 об.

Кроме того, информация, содержащаяся в рассматриваемой форме документов, позволяет судить о половой структуре мигрантов. В послевоенные годы она зависела от развития промышленных отраслей на территории Западной Сибири. В добывающей угольной промышленности и на металлургических предприятиях Кузбасса требовались физически крепкие мужчины. Поэтому, как показывают данные таблицы 3, численность прибывших в Кузбасс мужчин превышала численность женщин. В первый послевоенный год в города Кемеровской области вследствие демобилизации прибыло мужчин на 9% больше, чем женщин. В последующие годы доля мужчин в составе мигрантов сократилась, но все же оставалась значительно выше регионального уровня. В то же время процент выбывших мужчин был меньше во все рассматриваемые годы, что способствовало улучшению демографической структуры населения Кемеровской области.

Таблица 3

Удельный вес мужчин в составе мигрантов в городах Алтайского края, Кемеровской области и Новосибирска в 1946–1950 гг. (%) *

Год	Алтайский край		Кемеровская обл.		Новосибирск	
	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие
1946	48,7	39,0	59,1	49,0	49,4	45,2
1947	46,2	42,0	52,3	48,8	49,5	45,7
1948	Нет данных		55,7	50,5	46,0	47,4
1949	45,4	45,2	56,8	51,2	45,2	48,8
1950	45,2	43,3	54,9	51,4	Нет данных	

* Источник: ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 10-10 об., Д. 16. Л. 10-10 об., Д. 21. Л. 3-3 об., Д. 24. Л. 4-4 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 96-96 об., Д. 114. Л. 122-122 об. Д. 115. Л. 204-204 об., Д. 116. Л. 217-217 об., Д. 117 Л. 180-180 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1412. Л. 51-51 об., Д. 1751. Л. 39-39 об., Д. 2127. Л. 62-62 об., Д. 2481. Л. 73-73 об.

В городских поселениях Алтайского края и в Новосибирской области наблюдалась противоположная ситуация.

Удельный вес женщин среди прибывших был выше, чем мужчин. Исключением можно считать 1946–1947 гг., когда вследствие демобилизации этот разрыв оказался минимальным. В 1948–1949 гг. произошло увеличение прослойки приезжих женщин по сравнению с мужчинами. В целом же вследствие положительного сальдо миграции в городах Алтайского края и Новосибирской области оседало мужчин больше, чем уезжало.

Половой состав мигрантов, как показано выше, мог объясняться развитием промышленных отраслей и спецификой занятости населения. К этому необходимо добавить, что благоприятный для демографической структуры населения Кузбасса приток мужчин был исключением из правил. При значительном половозрастном дисбалансе в послевоенные годы, структура мигрирующего населения в целом повторяла половую структуру населения (переселявшихся женщин было больше, чем мужчин). В этом отношении миграция в городах Алтайского края и Новосибирской области не отличалась от общих тенденций. В 1946–1950 гг. в городах Сибири 48,4% прибывших составляли мужчины, среди выбывших их было 44,6% (при этом учитывается и Восточная Сибирь, хотя в указанные годы существенной разницы в половом составе мигрантов этих двух регионов не наблюдалось) [2, с. 222]. Возрастной состав мигрантов Кузбасса является исключением и объясняется спецификой развития области.

Все прибывшие или собиравшиеся уезжать мигранты должны были фиксировать в статистических органах пункт выбытия и прибытия. На основе этих данных составлялась специальная форма «Сведения о передвижении населения по месту – откуда прибыли и куда выбыли за 19__ год». Данный документ имеет вид таблицы, в которой перечислены области, края и республики Советского Союза. На её основе можно судить о внутри- и межобластных, а также внутри- и межрегиональных передвижениях мигрантов. Данная форма учитывала механический прирост за счёт отдельных краёв и областей страны, в ней содержатся сведения о направлении миграции город–деревня.

Как показывают данные таблицы 4, города Западной Сибири в основном росли за счет других регионов РСФСР. Большой процент прибывших без указания места отправления в 1946 г. объясняется тем, что в эту графу в документах ЦСУ попадали в первую очередь возвращавшиеся домой солдаты и офицеры. Кроме того, сюда же попадали граждане, не ставшие отмечать при прописке место своего прежнего проживания. К 1947 г. демобилизация Красной Армии в основном была завершена. Кроме того, качество учета мигрантов повысилось, что позволяет проследить из каких регионов они прибыли.

Союзные республики, за исключением среднеазиатских, слабо участвовали в механическом росте. Количество выбывших в эти республики не превышало 10%, а прибывших – 7%. Средняя Азия, благодаря теплomu климату, могла привлекать мигрантов, однако материально-бытовой уровень жизни здесь был невысок, поэтому сибиряки предпочитали переезжать в европейскую часть страны. Вместе с тем выходцы из Средней Азии не стремились в Сибирь, предпочитая другие регионы. Ещё одной союзной республикой, с которой установились крепкие миграционные связи, была Украина. Количество прибывших и выбывших из УССР было примерно одинаковым, поэтому сальдо миграции имело невысокие показатели, а в отдельные годы отрицательные, что объясняется различием жизни в двух регионах. В целом же, в результате миграционного обмена с союзными республиками, механический прирост городов региона был близок к нулевой отметке из-за небольших объемов миграции.

Рассматривая миграционные связи с областями РСФСР необходимо отметить, что мигранты предпочитали передвигаться на незначительные расстояния. Поэтому больше всего населения приезжало из соседней Восточной Сибири и Урала, а также Поволжья и Дальнего Востока. Выбывшие в основном направлялись туда же, однако в первые послевоенные годы многие уезжали в Центральный и Северо-Западный регионы. Это объясняется продолжавшимся процессом реэвакуации и более высоким уровнем жизни в городах европейской части РСФСР.

Поток выбывших превосходил прибывших, поэтому города Западной Сибири имели отрицательное сальдо миграции с этими регионами. Потери компенсировались механическим обменом с другими областями страны.

Основным источником механического роста городов Западной Сибири были не другие края и области, а местная деревня. Городское население увеличивалось в первую очередь за счет притока сибиряков, ранее проживавших в сельской местности. Это подтверждают данные таблицы 5.

Таблица 4

Механический прирост городов Западной Сибири за счет регионов СССР в 1946–1951 гг. (%) *

Регион	1946	1947	1948	1951
1. Северо-Западный	-4,2	-1,4	-3,3	0,2
2. Центральный	-2,9	0,8	-2,2	0,1
3. Волго-Вятский	1,0	3,1	5,1	3,1
Центрально-Черноземный	2,2	3,7	9,0	0,1
Поволжский	2,7	12,4	16,3	-0,9
Северо-Кавказский	0,3	3,7	0,9	-1,9
Уральский	2,7	12,7	11,5	-0,9
Западно-Сибирский	50,5	42,7	72,1	97,2
Восточно-Сибирский	4,1	8,5	3,9	3,6
Дальневосточный	1,2	9,7	-2,5	-0,6
РСФСР	58,4	98,5	110,9	101,8
Украинская и Молдавская ССР	-0,9	5,7	-2,8	-3,8
Белорусская ССР	-0,7	0,2	0,3	0,8
Прибалтийские ССР	-0,9	-0,4	0,9	0,3
Средняя Азия и Казахская ССР	-2,7	-5,6	8,4	4,5
Кавказские ССР	0,2	0,2	-0,8	0,1
СССР без указания областей и республик	45,2	1,4	-18,5	-3,7
СССР всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ГА РФ Ф. А-374. Оп. 11. Д. 478. Л. 99-100 об., 106-107 об., 109-110 об.; Д. 479. Л. 58-59 об.; Д. 591. Л. 45-46 об., 51-52 об., 53-54 об.; Д. 592. Л. 27-28 об.; Д. 701. Л. 11-12 об., 49-50 об., 51-52 об.; Д. 703. Л. 29-30 об.; ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 20-21 об.; Д. 16. Л. 8-9 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 94-95 об.; Д. 114. Л. 123-124; Д. 115. Л. 205-206.

Вместе с тем города Западной Сибири в отдельные годы теряли население в результате миграционного обмена с регионами страны, в первую очередь с Северо-Западным, Центральным и Украинской ССР. Однако оно компенсировалось за счет выходцев из деревни. Можно заключить, что, уезжая из региона, мигранты предпочитали переселяться в города европейской части Советского Союза, в то время как прибывшими в основном являлись крестьяне, проживавшие в Сибири.

Таблица 5

Источники механического роста городов Западной Сибири в 1946–1951 гг. (%) *

Годы	Городские поселения	Сельская местность	Неизвестно	Всего
1946	-10,0	61,9	48,1	100,0
1947	18,1	75,8	6,1	100,0
1948	1,6	113,3	-14,9	100,0
1951	-18,0	122,0	-4,9	100,0

* Источник: см. источники к таблице 4.

Миграция из села в город – естественный процесс, свойственный для миграционного перехода. Он основан на механизации сельскохозяйственного труда и перемещении излишков рабочей силы из деревни в город, где она востребована. Однако в послевоенные годы основной причиной миграции являлось тяжёлое материальное положение сельских жителей. В первую очередь деревню покидали колхозники, которые не имели целого ряда социальных льгот, доступных рабочим городов (более высокая и стабильная зарплата, оплачиваемые отпуска, паспорта, перспектива получения бесплатного жилья и т. д.). Став горожанами, обретя рабочий опыт и образование, бывшие жители деревень не стремились менять свой новый образ жизни. Их миграция преследовала целью не возвращение на места преж-

него проживания, а поиск лучших условий для новой городской жизни. Городской образ жизни становился доминирующим.

Охарактеризовать объемы и направления миграции в советской деревне в послевоенные годы затруднительно, так как статистические органы собирали необходимую для этого информацию только в районных центрах. Поэтому сегодня исследователи не располагают надежной источниковой базой для характеристики механического движения всего сельского населения. Можно дать приблизительную оценку сальдо миграции на основе ежегодных отчетов сельсоветов о численности и составе населения, а также данных об его естественном движении. Полученные результаты, представленные в таблице 6, не точны. Тем не менее, на их основе можно судить об общих тенденциях в западносибирской деревне. Рождаемость не покрывала потери в результате миграции. Только в отдельные годы в некоторых областях был зарегистрирован механический рост населения. Если в 1946 г. его можно объяснить демобилизацией армии, то в последующие годы его причина, возможно, кроется в принудительных переселениях на территорию региона. Так, во время проведенной в марте 1949 г. операции по выселению из стран Прибалтики «буржуазных националистов», было депортировано 94779 чел. Из них в Омскую область направлялось 22542 чел., в Томскую область – 16065, в Новосибирскую область – 10064 [5. с. 139]. Как правило, спецпоселенцы жили в сельской местности. Вероятно, этим объясняется механический прирост в 1949 г. в Омской и Томской областях, а также меньшие размеры убыли в сравнении с предыдущими годами в Новосибирской области. В начале 1950–х гг. отток населения усилился. Отчасти это можно объяснить тем, что объёмы принудительных переселений сократились. Вместе с тем государство своей аграрной политикой вынуждало сельских жителей переезжать в город. В послевоенные годы был усилен нажим на личные подсобные хозяйства (ЛПХ) колхозников. Положение осложнилось из-за неурожая начала 1950-х гг.

Таблица 6

**Механический прирост населения сельской
местности Западной Сибири в 1946–1953 гг. (в тыс. чел) ***

Годы	Алтай- ский край	Кемров- ская область	Новоси- бирская область	Омская область	Томская область
1946	-8,6	-11,8	9,1	23,2	-2,4
1947	89,1	22,1	-23,7	-5,9	-12,9
1948	-55,9	10,7	-35,3	12,3	-11,4
1949	-40,8	-15,3	-12,9	19,4	11,2
1950	-45,0	-16,3	-25,4	-28,8	-8,2
1951	-107,5	-51,3	-58,5	-12,4	-7,8
1952	-53,5	-10,4	-45,0	-28,8	-5,0
1953	-21,3	-3,2	-34,7	-33,4	-6,6

*Источник по: Бадалян Т. М. Изменение численности и состава сельского населения Западной Сибири. 1946–1959 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 33; ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 11. Д. 756. Л. 5, 42-43, 46-47, 123; Д. 952. Л. 3; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626. Л. 2; Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150-152, 195; 194; Д. 684. Л. 2-3, 103-104; Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157-159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10-10 об., 30-30 об.; Д. 7406 А. Л. 8-8 об.; Д. 7412 А. Л. 15 а-15 а об.; Д. 7429 Л. 91-91 об., 99-99 об.; Д. 7430 Л. 3-3 об., 28-28 об., 70-70 об.; Д. 7448 Л. 39-39 об., 52-52 об., 81-81 об.; Д. 7464 Л. 45-45 об., 89-89 об., 115-115; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71. об.

Таким образом, документы ЦСУ по механическому движению населения за послевоенные годы обладают рядом недостатков. Хотя власти и пытались контролировать миграцию, существовавшая система запретов (в частности, необходимость иметь паспорт при приеме на работу, получение специальных

справок при выезде из сельской местности и т. д.) не справлялась с поставленной задачей. Органы ЦСУ регистрировали передвижение населения только частично. Поэтому их данные не способны точно показать объемы миграционных потоков внутри СССР, хотя и дают представление о направлениях переселений (наиболее приоритетных регионах или конкретных местностях, в качестве которых, как правило, выступали крупные промышленные центры), а также возможность оценить передвижение из сельской местности в города. Кроме того, в них содержится информация о половозрастном составе мигрантов. Это дает возможность использовать документы текущего учета населения в качестве исторического источника по изучению миграции в послевоенные годы.

Список литературы

1. Исупов, В. А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны / В. А. Исупов. – Сыктывкар, 2011. – 20 с.
2. Исупов, В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.)/ В. А. Исупов. – Новосибирск, 1991. – 291 с.
3. Снегирёва, Л. И. Реэвакуация гражданского населения из Западно-Сибирского региона (конец 1941 – 1948 гг.)/ Л.И. Снегирёва // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. тр. –Новосибирск, 2009. С. 131–153.
4. Алексеев, В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В Алексеев, В. А. Исупов. – Новосибирск, 1986. – 232 с.
5. Полян, П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР / П. М. Полян. – М., 2001. – 327 с.

УДК 930.253 «1945/1967»

Н. В. Чернышева
E-mail: natiche84@mail.ru

**АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ
МИГРАЦИЙ В 1945–1967 ГОДАХ
(НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ) ***

**Статья подготовлена в рамках выполнения
гранта Президента РФ для государственной
поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук,
номер проекта МК-6607.2016.6.*

Автором поставлена следующая цель: дать анализ архивным источникам изучения трудовых миграций населения Кировской области в 1945–1967 гг. В послевоенные, особенно в 1960–1970-е гг., Кировская область являлась крупным поставщиком рабочей силы в другие регионы страны (оргнабор рабочих, переселение, обучение в системе трудовых резервов и профтехобразования, освоение целинных земель и пр.). В основном, область покидали сельские жители. И сейчас Кировская область устойчиво теряет население в результате миграции. Архивные источники можно разделить на 2 группы: источники центральных и местных архивов. Вопросы трудовых миграций отложились в документах ГАРФ и РГАЭ. Материалы представлены исполнительными органами СССР и РСФСР, а также их подведомственными учреждениями. К таким документам относятся отчеты, нормативно-правовые акты, плановые статистические документы и пр. Ко второй группе источников относятся архивные документы, хранящиеся в архивах субъектов РФ. Это государственные архивы тех регионов, которые принимали трудовых мигрантов (Амурская, Калининградская, Свердловская, Омская области, а также Сахалин и Камчатка). В фондах имеются

сведения об их принятии, размещении и адаптации в местах вселения. Документы по истории трудовых миграций населения Кировской области представлены в архивах ГАКО и ГАСПИКО. В них содержатся статистические источники, делопроизводственная документация, документы личного происхождения и прочие. Анализ архивных источников позволит провести комплексное исследование данной проблемы, определить способы ее решения по средствам анализа имеющего исторического опыта.

***Ключевые слова:** архивные документы, Кировская область, послевоенное время, трудовые миграции, сельскохозяйственное переселение, организованный набор рабочих, профессионально-техническое образование, государственные трудовые резервы.*

Миграционные процессы являются фактором и важным следствием экономических, политических и социальных изменений. Миграция может способствовать перекройке государственных границ, подрыву национально-культурной идентичности отдельных территорий и расшатыванию государственного суверенитета. Процессы глобализации влияют на интенсификацию миграционных потоков, делают миграцию более масштабной, разнообразной, трансграничной и, по существу, постоянной.

Изучение миграционных процессов, происходивших в СССР, сопровождается в последнее десятилетие устойчивым интересом [1–7]; при этом предпочтение отдается миграции в регионах вселения (регионы-реципиенты), и сравнительно мало внимания уделяется местам выхода мигрантов (регионы-доноры). В послевоенные, и особенно в 1960–1970-е гг., Кировская область являлась крупным поставщиком рабочей силы в другие регионы страны (оргнабор рабочих, переселение, обучение в системе трудовых резервов и профтехобразования, целинная кампания и пр.). В основном, область покидали сельские жители. Анализ архивных источников позволит провести комплексное исследование данной проблемы, определить способы ее решения средствами анализа имеющего исторического опыта.

Архивные документы представлены материалами центральных и местных архивов. Остановимся подробнее на каждой группе.

Центральные архивы РФ. Вопросы трудовых миграций содержатся в фондах органов исполнительной власти, осуществлявших те или иные формы трудовых миграций. Документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) представлены фондами Главного переселенческого управления при Совете Министров РСФСР и его предшественников (Ф. А-327), Главного управления организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР (Ф. А-373), Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР (Ф. А-518), Учреждений по руководству профессионально-техническим образованием в СССР (Р-9507), Главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР, Государственного комитета Совета Министров РСФСР по профессионально-техническому образованию (ГОСПРОФОБР РСФСР) (Ф. А-553), Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР (Ф. Р-9517), а также Совета Министров РСФСР (Ф. А-259) и Совета Министров РСФСР (Ф. Р-5446). В них содержатся отчеты о деятельности данных органов в рассматриваемый период.

Материалы Учреждений по руководству переселением в СССР представлены фондом 5675 Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также фондом Государственного планового комитета Совета Министров СССР (Ф.-4372).

Региональные архивы. Это государственные архивы тех регионов, которые принимали трудовых мигрантов (Амурская, Калининградская, Свердловская, Омская области, а также Сахалин и Камчатка). В фондах имеются сведения об их принятии, размещении и адаптации в местах вселения. Основной объем архивных дел содержится в фондах архивов Кировской области. Большая часть документации касается деятельности местных органов власти: Исполнительного комитета Кировского областного совета народных депутатов (Ф. Р-2169), районных исполнительных комитетов – и находится

в фондах Государственного архива Кировской области. Фонды местных органов управления сельскохозяйственным переселением, организованным набором рабочих, набором (призывом) молодежи в учебные заведения, в систему профтехобразования также хранятся в ГАКО. В фонде Р-3071 отложились документы переселенческого отдела Кировского облисполкома (1945–1953 гг.), отделов организованного набора рабочих (1953–1956 гг.), переселения и организованного набора рабочих Кировского облисполкома (1956–1967 гг.).

Как правило, трудовая миграция на местах инициировалась постановлениями Совета Министров СССР или РСФСР, в приложении к которым указывалось количество человек либо семей, требуемое для переселения в другой регион, обеспечения рабочей силой конкретного предприятия или набора для обучения в учреждениях системы профтехобразования. Затем постановление обсуждалось на заседании исполкома облсовета, что отражалось в протоколе или стенограмме. В решении приводились конкретные цифры оргнабора, определялись его условия, ведомства или должностные лица, ответственные за его проведение. Стенограммы заседаний исполкома и его решения показывают, что государственная политика по управлению миграцией рабочей силы в первые послевоенные годы, носившая мобилизационный характер, еще сохраняла элементы чрезвычайности, характерные для военного периода [8, с. 65].

Наиболее информативные документы – это отчеты отдела о сельскохозяйственном переселении, ходе оргнабора, справки об основных показателях работы отдела. Однако в фонде Облисполкома они охватывают главным образом 1940–1950-е гг. и 1970-е гг.

В фонде Р-3051 сосредоточены документы Кировского областного управления трудовых резервов (1940–1959 гг.), Кировского областного управления профессионально-технического образования (1959–1988 гг.), занимавшегося набором (призывом) молодежи в систему начального профтехобучения и их дальнейшим трудоустройством, в том числе за пределами Кировской области. Приказы Министерства трудовых резервов

СССР о призыве молодежи в школы ФЗО, переписка с Министерством по этому вопросу, планы призыва и подготовки квалифицированных рабочих Кировской области, а также распределения выпускников, отчеты и акты передачи выпускников училищ и школ ФЗО на предприятия и стройки отражают те же тенденции, что и документы о наборе рабочей силы на предприятия: сокращение трудовых ресурсов на селе и снижение числа потенциальных учащихся для системы профтехобразования. Если в 1940–1950-х гг. встречаются отчеты о количестве призванных подростков из Кировской области в школы ФЗО других областей СССР, данные о выпускниках, направленных на работу за пределы области, то в 1980-е гг. система профессионально-технического образования зачастую не могла полноценно комплектоваться, чтобы обеспечить молодыми рабочими собственные предприятия¹. Поэтому Кировский облисполком стремился ограничивать набор молодежи в области для учреждений профтехобразования других регионов².

Среди документов райисполкомов о сельскохозяйственном переселении назовем характеристики, заявления граждан и решения по ним райисполкомов, справки сельсоветов о трудовых показателях заявителей (количество выработанных трудодней, отсутствие задолженности по налогам), медицинские справки о состоянии здоровья, ведомости выдачи переселенческих билетов, списки переселенцев, ведомости на выдачу денежных пособий. Заявления о переселении в основном стандартные, мотивы редко приводятся либо указываются формально, например, у заявителя есть желание переселиться; могут приводиться доказательства политической благонадежности. Анкеты переселенцев содержат зачастую стандартные ответы; встречаются письма граждан с просьбой пересмотреть отказ в переселении.

Документы Кировской областной плановой комиссии (Ф. Р-2756) содержат комплексную экономическую характеристику Кировской области и г. Кирова.

¹ ГАКО. Ф. Р-3051. Оп. 2. Д. 363. Л. 46–94.

² ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 43. Д. 3244. Л. 44.

В архивном фонде Кировского областного комитета государственной статистики (Ф. – Р2344) имеются следующие виды статистических документов по заявленной теме:

1. Данные переписей населения СССР 1939 г. и 1959 г. По региону представлены общие итоги переписей, сведения о составе населения, данные о естественном и механическом движении и пр.

2. Годовые отчеты Облстата о механическом движении населения за интересующий исследователей период сохранились достаточно полно. Первичным массовым документом, на основе обработки которого получали сведения о мигрантах, служили отрывные талоны адресных листков, заполнявшиеся в паспортных столах или сельсоветах. Кировский облстат формировал отчет по полным и сокращенным программам Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. Отчеты включали следующие данные: города и области СССР, откуда и куда прибывали жители области, количество прибывших/выбывших (из города, сельской местности, неизвестного места, общее число прибывших/выбывших). Отдельно подсчитывалось количество выбывших и приехавших из-за границы.

В отчетах есть также сведения о распределении прибывших и выбывших из области по полу и возрасту. Группировка учитываемых возрастов с течением времени изменялась. Отчеты 1960–1980-х гг. содержат еще и сведения по городам области в отдельности. По сути, данные формировались в 2 формы отчетности: Ф. 1. «Передвижение населения» и Ф. 2. «Распределение прибывшего и выбывшего населения по полу и возрасту».

Дополнительным источником могут служить данные единовременного учета о возрастном и половом составе сельского населения по районам области по состоянию на 1 января каждого года. Они позволяют судить не только о половозрастном составе сельского населения, его численности, но и территориальном распределении населения.

3. Балансы трудовых ресурсов Кировской области отложились в фонде Облстата начиная с 1961 г. Баланс содержит данные обо всех трудовых ресурсах области, в городах и

сельской местности отдельно по следующим разделам: общее число, распределение трудовых ресурсов рабочих и служащих по отраслям хозяйства, колхозников по занятости в отраслях, остального занятого населения в трудоспособном возрасте (единоличники, некооперированные кустари и др.), учащихся в возрасте 16 лет и старше, обучавшихся с отрывом от производства, трудоспособного населения, занятого в домашнем и личном хозяйстве. Балансы свидетельствуют, что соотношение личных трудовых ресурсов между городом и селом в Кировской области неуклонно менялось в пользу городов.

Несмотря на наличие разных форм статистической отчетности, они не дают полной картины изучаемой проблемы. Причина следующая: данные напрямую не связаны с трудовой миграцией (нет отдельных форм статистической отчетности трудовых миграций), однако в аналитической части отчетов имеются отдельные сведения об этих процессах, указывается их влияние на миграции (территориальные перемещения, процессы урбанизации, численность населения, половозрастной состав и пр.). Дополняет массив статистических документов делопроизводственная документация, представленная:

- организационными документами (положения об отделах сельхозпереселения, организованного набора рабочих Кировского облисполкома, их штатными расписаниями и др.);

- распорядительными документами (решения, распоряжения центральных и местных органов власти, циркулярные письма о наборе, планировании и учете работы по переселению);

- организационно-распорядительными документами (протоколы, стенограммы заседаний Кировского областного комитета ВКП (б)–КПСС, Кировского областного исполнительного комитета);

- планово-отчетной документацией (планы набора, переселения союзных, республиканских и местных органов власти, отчеты, сведения об их выполнении).

Стоит также отметить, что в фондах ГАКО имеются документы личного происхождения: заявления на переселение и

возвращение, письма переселенцев, письма родственников учащихся системы трудовых резервов и пр. Приведем в качестве примера письмо переселенцев.

Письмо переселенцев-кировчан в Амурскую область председателю Шабалинского райисполкома Кировской области М. Я. Гребеневу с просьбой о возвращении в родные места¹.

19 июня 1950 г.

Здравствуйтесь, тов. Гребенев!

С приветом к Вам переселенцы, которые уехали от вас в Амурскую область. Теперь вам, тов. Гребенев, сообщаем про нашу жизнь: живем неважно, что обещали и писали, то правды вышло на 10%, а остальные 90% брехня. Живем по настоящее время в квартирах у колхозников. Дома строят для переселенцев, как сараи в нашей в местности, и они стоят 14000 руб. Эти сараи будут готовы не позднее 1951 г. Народ собран весь сброд: спецпереселенцы и осужденные, все отрабатывают вину в колхозах нашего района. Внимания на переселенцев никакого не обращают. Старые колхозники всячески стараются прижать переселенцев. Выгоняют с квартиры на квартиру, а жизни все равно нет. Вместо того чтобы строить свои дома, переселенцев посылают на лесозаготовки и на кирпичные заводы. Применяют разные трудгужповинности, а постановление Правительства Союза ССР, что переселенцы освобождены на один год, они этот закон не приносят в действие. Это делается примерно так, как в колхозе «1 мая» Завитинского района.

Просим вашего мнения и указания, как нам дальше жить. Просим сообщить ваши результаты переселенцам Завитинского района, колхоз «1 мая».

Пока до свидания. С приветом к вам ваши земляки.

К сему переселенцы:

1. Присмотров.
2. П. Шилов.
3. Крюков.

¹ ГАКО. Ф. Р-3071. Оп. 1. Д. 64. Л. 213.

4. Неразборчиво.

А потому просим вас вызвать нас в Кировскую область в свой район, у нас дома не проданы.

Отправляемые на обучение в другие регионы страны учащиеся системы трудовых резервов также оказывались в не наилучших условиях. Проблема носила повсеместный характер. Вот так они описывали свой приезд и размещение в школе ФЗО: «Привет из г. Первоуральска!

Здравствуйте, тов. Швецов Д. Я. Обращаются к вам с просьбой ваши ФЗОшники. Вы, наверно. встретили ноябрьский праздник очень хорошо, а мы здесь очень плохо. На 7 и 8 ноября нам не выдавали даже хлеба. Дорогой тоже не кормили. Все деньги проели. Жилье тоже плохое. Тов. Швецов, просим нам прислать вызов, а то сами приедем. Г. Первоуральск, пос. Динас, школа ФЗО № 36. ул. Пушкина 12. Комната 16. Подписываемся 60 чел.»¹.

В Государственном архиве социально-политической истории Кировской области имеются на хранении архивные документы следующих фондов по теме публикации:

1. Уполномоченный партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Кировской области (Ф. П-1291). Фонд содержит справки о мобилизации и использовании рабочей силы, переписку с Областным управлением трудовых резервов, указания и справки о работе школ ФЗО, РУ и ЖДУ.

2. Кировский обком КПСС (Ф. П-1290). Фонд содержит разноплановые документы, затрагивающие вопросы использования труда жителей Кировской области. К таким документам можно отнести следующие: отчеты Обкома партии, руководящие указания Совмина СССР, протоколы совещаний, приказы, докладные записки об оргнаборе, переселении, работе системы трудовых резервов, делопроизводственная переписка с Совмином СССР и ЦК партии и пр.

В соответствии с постановлением пленума Кировского областного комитета КПСС от 7 декабря 1962 г., были реоргани-

¹ ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 247. Л. 19–19 об.

зованы руководящие органы и созданы 2 самостоятельные партийные организации:

– областная партийная организация, объединяющая коммунистов, работающих в промышленности, строительстве, на транспорте, в учебных заведениях и НИИ, других учебных заведениях, обслуживающих промышленное производство и строительство;

– областная партийная организация, объединяющая коммунистов, работающих в колхозах и совхозах, опытных станциях, в сельскохозяйственных учебных заведениях, на предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, в других учреждениях, связанных с сельскохозяйственным производством.

Фонды Кировского сельского обкома КПСС (Ф. П-6281) и Кировского промышленного обкома КПСС (Ф. П-6282) содержат руководящие указания, постановления ЦК КПСС, переписку с Совмином СССР, справки партийных органов за период с 7 декабря 1962 г. по 25 ноября 1964 г.

В ГАСПИКО имеется фонд Кировского обкома ВЛКСМ (Ф. П-1682). Документы фонда содержат информацию (в т. ч. и фотодокументы) об участии комсомола в проведении призывов в систему трудовых резервов, об условиях работы и быта молодых рабочих и специалистов, а также об участии молодежи в освоении целинных и залежных земель. В фонде обкома ВЛКСМ также имеются личные документы: заявления молодежи с просьбой отправить их на целину, письма участников целинной кампании и пр.

Таким образом, обширная база архивных источников, разноплановых документов, хранящихся в центральных и региональных архивах, делают данную тему весьма актуальной для исследований. Имеющиеся в архивных источниках диаметрально противоположные оценки (в том числе непосредственных участников данных процессов) позволяют историкам более объективно подойти к поставленным исследовательским задачам, понять масштабность и противоречивость советской миграционной политики.

Список литературы

1. Горбачев, О. В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья, 1945–1985 гг.: дисс. на соискание степени д-ра ист. наук/ О.В. Горбачев. – М., 2003. – 472 с.

2. Игнатьева, Л.Н. Роль миграции в формировании населения Казахстана: 1926–1959 гг.: автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук/ Л.Н. Игнатьева. – Барнаул, 2006. – 24 с.

3. Смирнова, Е.П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е гг.: автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук / Е.П. Смирнова. – Петрозаводск, 2006. – 21 с.

4. Крушанова, Л. А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы: автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук./ Л. А. Крушанова. – Владивосток, 2007. – 27 с.

5. Большакова, Г.И. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960-е гг.: автореф. дисс. на соискание степени д-ра ист. наук. / Большакова Г.И. – СПб., 2010. – 44 с.

6. Метелев, И.С. Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее./ И.С. Метелев. – М.: Гуманитарий, 2012. – 196 с.

7. Бровцин, А.В. Государственные органы управления трудовой миграцией Кировской области в 1956–1967 гг./ А.В.Бровцин, Н. В. Чернышева. – Вятка, 2014. № 6. – С. 70–77.

8. Бровцин А.В. Документы Государственного архива Кировской области о трудовой миграции в 1945–1991 гг./ А.В. Бровцин. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Вып.6. – Вятка, 2013. С. 63–69.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3 (253)

А. А. Бурматов
E-mail: al-burmatov@yandex.ru

ТЕКУЩИЕ ФОНДЫ СТАТИСТИЧЕСКИХ УПРАВЛЕНИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*Статья написана на основе официальных ответов,
полученных на запросы автора от территориальных органов
государственной статистики регионов Западной Сибири.*

В статье комплексно рассматривается население Западной Сибири в 1950–1970 гг. На основе архивных материалов, находящихся в недрах статистических ведомств, исследуется эволюция демографического развития региона, прослеживается демографический переход на протяжении многих лет: от сталинизма и оттепели к застою. Анализируются материалы текущей статистики и переписей населения 1959 г. и 1970 г. Основной упор делается на естественное движение населения как на фактор, в основном определяющий эволюционное развитие региона.

Реконструируются динамические ряды основных демографических показателей: рождаемости, смертности, естественного и механического движения населения. Анализируются тенденции и проблемы рождаемости и смертности. В связи с существовавшими в советское время цензурными ограничениями, в научный оборот вводится целый пласт данных по демографическому развитию административных территорий Западной Сибири.

Материалы текущей статистики изучаемого периода (1950–1970 гг.) показывают, что западносибирский регион имел постоянный отток населения, который прерывался миграционным приростом в годы освоения целины и усиленных хозяйственных переселений. На

основе данных статистики сделан вывод о том, что с середины 1960 гг. население Западной Сибири сокращалось в своей численности. Причиной данного явления была значительная миграционная убыль населения, которая существенно превышала естественный прирост.

Ключевые слова: *Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Западная Сибирь, рождаемость, смертность, демографический переход.*

Население страны – самый ценный ее капитал, – так интерпретировали высказывание И. В. Сталина в СССР. После смерти вождя данное утверждение постоянно фигурировало в советской печати. Несмотря на такое утверждение, именно данные по населению оставались самыми недоступными вплоть до 1956 г. В статистике оценка численности населения впервые после войны появилась только к 1 апреля 1956 г. ЦСУ СССР произвело расчеты численности населения по всем республикам и областям страны, в том числе и по регионам Западной Сибири. В оценке ЦСУ, которая застыла в справочниках до публикации данных переписи населения 1959 г., приводилась численность городского и сельского населения, а также ряда крупнейших городов. Сама цифра в 200.200 тыс. человек¹ вызвала сомнение в ее почти круглом числе и была несколько завышена. Вместе с ней были опубликованы показатели естественного движения и продолжительности жизни. Скудность данных, опубликованных в середине 1950-х годов, была вызвана трудностями учета населения после войны, большими погрешностями текущего учета населения, попыткой скрыть истинные масштабы потерь в годы Великой Отечественной войны, которые первоначально были оценены в 7 миллионов и вызывали недоумение не только за рубежом, но и в самой стране.

Исследований по населению Западной Сибири немного. Наиболее интересной представляется работа «Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири (1970)»,

¹ СССР в цифрах. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1958. – С. 7,432,435.

которая была издана мизерным тиражом для служебного пользования, поэтому малодоступна исследователям. В ней население рассматривается комплексно, но основное внимание уделяется уровню жизни и трудовым ресурсам. Естественное и миграционное движения носят подчиненный, второстепенный характер. Книга была подцензурной, и эти цензурные или самоцензурные ограничения в ней просматриваются [1]. Книга Е. Л. Малинина, А. К. Ушакова [2], изданная в период особенно сильных цензурных ограничений, не могла претендовать на полноту освещения проблемы. Хотя в ней по горячим следам публиковались оценки и расчеты, которые ценны своей оперативностью. Работы В. И. Переведенцева посвящены миграциям и методам их изучения [3,4,5]. Это представляет для нас особую ценность. Они содержат и конкретные цифровые, и фактические данные. Подцензурность работ повлияла на их содержание. В них население Западной Сибири рассматривается как составная часть населения азиатской части России. Экономисты подготовили для нужд пятилетки 1966–1970 гг. справочное издание по развитию Западно-Сибирского района, содержащее интересные характеристики развития производительных сил. Трудовые ресурсы в ней затронуты слабо, но характеристика городов и подрайонов позволяет понять причины миграций из региона [6]. В коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» регион рассмотрен комплексно, но периоду 1950–1970 гг. уделено немного места. Основной упор делается на характеристику формирования трудовых ресурсов [7]. Коллективная монография по миграциям населения азиатской части России [8] рассматривает население региона как составную часть Зауралья. Интересной является монография Л. В. Зандановой [9], посвященная истории крестьянства Сибири и Дальнего Востока. В этих работах содержатся конкретные цифровые данные по переселениям, месту вселения и закрепления новоселов в осваиваемых местах. Книга математика и экономиста Е. М. Левицкого содержит произведенные им расчеты по продолжительности жизни населения Сибири и

Дальнего Востока на основе данных переписи населения 1959 г. и материалов текущего статистического учета [10]. К сожалению, это исследование не было подкреплено материалами переписи.

Данные текущей статистики были недостаточно точны, поэтому востребованной и актуальной является статья А. М. Востриковой [11], возглавлявшей в свое время отдел статистики населения ЦСУ СССР. Автор статьи проводил исследование *тенденций смертности в данный период для населения региона* [12].

Задача статьи – рассмотреть население региона на основе данных фондов текущих архивов статуправлений Западной Сибири; они используются как основной статистический источник. Западная Сибирь принимается согласно экономическому районированию тех лет. В нее входят Алтайский край (с Горно-Алтайской автономной областью), Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области¹. В областные (и краевое) управления статистики стекалась вся информация с мест. В них она перепроверялась и обрабатывалась. Здесь составлялись отчеты, справки, которые подавались в органы государственной власти. В статуправлениях аккумулировалась и переписка между органами власти и статистической службой. Здесь оседали распоряжения и постановления центральных органов власти, касающиеся статистики. При передаче материалов в государственные архивы часть документов все же осталась в недрах статистических учреждений. Особенно это касается постановлений по качеству учета, методологических разъяснений и т. д. В органах статистики уточнение материалов текущего учета продолжалось постоянно. Каждый территориальный статистический орган производил расчеты, составлял динамические ряды по численности населения, рождаемости, смертности, в том числе по младенческой, как в абсолютных числах, так и в расчете на 1000 жителей, которые иногда отличались от данных ЦСУ РСФСР.

В фондах статистических управлений, которые наличествуют в госархивах краев и областей Западной Сибири,

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. –С. 28.

имеется существенный недостаток – отсутствие статистической информации о численности населения регионов за 1950–1958 гг. Нет не только динамики, но и не всегда рассчитываются даже показатели естественного движения. Например, в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) в фондах статуправления области (ф.11) рассчитываются показатели естественного движения по региону, составляющим его районам и городам. Однако в графе «Численность населения» приводятся итоговые данные по данным переписи населения 1939 г., которые к 1950 г. не только безнадежно устарели, но и изначально были дефектными. Хотя искажения были, как потом доказали, небольшими, но территориальное размещение населения было существенно искажено. Следовательно, показатели по городам и районам изначально не верны. Таким образом, все расчеты за 1950–1958 гг. по Новосибирской области носят, скорее всего, оценочный характер. Хотя нужно отдать должное статистикам того периода. Оценки, сделанные работниками статуправления Новосибирской области, были достаточно точны и показали не только генеральное направление развитие в демографической сфере, но и оказались близки к тем, которые были произведены на основе материалов переписи населения.

Например, в фондах Исторического архива Омской области (ИАОО) в фонде управления статистики Омской области (ф.2122) данные по численности населения за 1950–1958 гг. отсутствуют. Отсутствие достоверных данных признают и сами статистики, так как составители годовых и поквартальных отчетов по статистике населения не рассчитывали относительные показатели естественного движения за весь указанный период. Сами материалы статистического наблюдения вызывают большие сомнения в качестве предоставленных ЗАГСами материалов. Архивы ЗАГС так же, в связи с принятыми законодателями ограничениями по их использованию, для исследователей являются недоступными, и перепроверить их по первичным актам регистрации стало невозможным. Оставим аргумент, что такую проверку можно

провести только по небольшим ЗАГСам, ибо именно в селах и небольших городах искажения существеннее и недоучет просматривается точнее. История семей – как источник перепроверки – не всегда доступна (миграции существенно исказили расселение), часть старших поколений уже покинули мир, и память человека может искажать информацию, или респонденты сознательно искажают неудобные моменты жизни. Следовательно, задача реконструировать рождаемость в относительно небольшом районе (город, район или область) на основе данных большого количества семей крайне сложна, не поддается перепроверке на основе независимых источников (ЗАГСы для исследователей закрыты, данные имеют значительные пропуски) и сельсоветских похозяйственных книг, сохранность которых и качество заполнения оставляют желать лучшего.

Относительно добротная статистическая информация по населению наличествует только с 1950 г. При этом нужно учитывать, что динамика численности населения получена обратным расчетом от данных переписи населения на 15 января 1959 г. Несмотря на некоторые недостатки данного ценза, его материалы достаточны для получения достоверной информации по реконструированию демографической истории.

Итак, как мы уже отмечали, в Историческом архиве Омской области (ИАОО) данные по численности населения за 1950–1958 гг. либо отсутствуют, либо недостоверны: составители годовых и поквартальных отчетов по статистике населения не рассчитывали относительные показатели естественного движения за указанный период. Имея в виду данную проблему, мы запросили информацию в территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Омской области (Омкстат). К моменту непосредственного обращения в госархивы (2010–2011 гг.) выяснилось, что полной передачи документов из органов статистики Алтайского края и Томской области еще не произошло. Вследствие чего запросы, аналогичные в Омкстат, были произведены в территориальные органы статистики всех субъектов РФ, входивших ранее в

Западно-Сибирский экономический район, по состоянию на 1959 г. В настоящее время таковыми являются: Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская область. Таблицу, по форме которой ориентировались другие органы статистики, первым составил Кемеровский территориальный орган (Кемеровостат). Поскольку официальные ответы на наш запрос являются коммерческими, то пришлось несколько ограничить число показателей. Показатели, которые мы запросили, были следующие.

1. Численность населения, отдельно городское и сельское, в тыс. чел. Во всех официальных ответах после запятой указывались десятые доли тысяч, кроме ответа Омкстата, где численность населения была округлена до целых тысяч, за период 1950–1970 гг.

2. Число родившихся, умерших (в том числе, детей до 1 года) и естественный прирост. Приводятся в абсолютных цифрах по региону в целом с разбивкой по городскому и сельскому населению за период 1950–1970 гг. за каждый год, составляющие непрерывный динамический ряд.

3. Показатели естественного движения по региону в целом и по городскому и сельскому населению, рассчитанные на 1000 жителей за период 1950–1970 гг., составляющие непрерывный динамический ряд.

4. Показатели младенческой смертности на 1000 родившихся по территории и городскому и сельскому населению региона отдельно за период 1950–1970 гг., составляющие непрерывный динамический ряд.

5. По Новосибирской области данные были запрошены за период 1950–1959 гг., так как у нас имелись данные облстата данной территории, полученные при подготовке кандидатской диссертации. Для уточнения их сопоставимости были запрошены материалы по абсолютным числам рождений и смертей за период 1950–1959 гг. Полученные по запросу материалы и извлеченные нами ранее из Государственного архива Новосибирской области и изданий облстата Новосибирской области, ранее использовавшихся

в служебном порядке, оказались полностью идентичными. Поэтому дополнительного запроса для периода 1959–1970 гг. по данному региону производить не требуется. Данные были продублированы из нашей кандидатской диссертации, защищенной в 2001 г. в Омске.

6. Данные по средней продолжительности жизни за 1950–1970 гг. не запрашивались, так как при личной работе в архивах статуправлений Новосибирской и Омской областей, Алтайского края было выяснено, что за указанный период они не рассчитывались, а наличествуют в центральных статистических органах с 1978–1979 гг. В местных территориальных органах статистики они имеются только с 1988–1989 гг. и опубликованы с данного времени в открытых статистических справочниках. Период с 1970 г. хронологически находится за пределами нашего исследования.

Данные из территориального органа Республики Алтай не были получены, так как из Горно-Алтайстата сообщили: «На Ваш запрос сообщаем следующее. В связи с существовавшим до 1991 года административно-территориальным делением, Горно-Алтайская автономная область (АО) входила в состав Алтайского края. Таким образом, интересующие Вас сведения за 1950–1970 гг. находятся в архиве Алтайского края. Предлагаем перенаправить Ваш запрос в Алтайкрайстат» (Официальный ответ на наше письмо И. В. Чернышевой из отдела маркетинга Территориального органа Государственной статистики Горного Алтая от 06.10. 2015 г.)» В Алтайстате (г. Барнаул) нами получен следующий ответ (22. 09. 2015 г.): «К сожалению, информацией по Горному Алтаю не располагаем. С уважением, начальник отдела маркетинга территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю (Алтайкрайстат) Дьяченко Нина Ивановна». Дальнейшая переписка свелась к тому, что нам предложили обратиться в госархив Алтайского края. Численность населения Горно-Алтайской АО (единственной автономии региона) была невелика и не превышала 1,5–1,6 % населения Западной Сибири. Например, в 1959 г. в Западно-Сибирском экономическом районе проживало 10159,4 тыс. чел.,

в Алтайском крае (с АО) – 2683,2 тыс. чел., в том числе в Горно-Алтайской автономной области – 157,2 тыс. чел. Таким образом, население Горного Алтая составляло 1,54 % региона, 5,85 % населения Алтайского края. В 1970 г. на территории региона проживало соответственно 10703,4 тыс., 2670,3 тыс. и 168,3 тыс. (1,57 % и 6,3 %)¹. Поэтому его данными для анализа демографических процессов данного экономического района можно пренебречь. В АО качество учета было самым худшим из территорий, входящих в изучаемый регион. Приходится констатировать, что исключение материалов по Горному Алтаю из данных по Алтайскому краю в границах, существовавших до 1991 г., делает несопоставимыми динамические ряды по численности населения региона и его естественному движению с данными за 1950–1970 гг. в современных границах. Таким образом, предоставленные материалы по Алтайскому краю в существующих ныне границах не публиковались и вводятся в научный оборот впервые. Представляется интересным сопоставить их с ранее опубликованными данными по региону в целом. (табл. 1). Выборочное сопоставление дает следующую картину.

Как видно из данных таблицы 1, в динамике показателя рождаемости исключение из расчетов Горно-Алтайской АО меняет показатель рождаемости по краю. Изменение незначительно: 1–3 %. Однако доля населения Горного Алтая была около 6 %. Это свидетельствует о том, что падение рождаемости было в основном за пределами автономной области, где ее уровень продолжал оставаться высоким. Что касается показателя смертности, то показатель числа умерших на 1000 жителей после исключения данных по Горному Алтаю остался прежним, т.е. смертность на территориях почти не отличалась.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. –С. 29. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1.: Численность населения СССР. М., 1972. –С. 12, 13. Итоги по региону и Алтайскому краю, приводимые в источниках, за 1959 г. отличаются на 1 тыс. Статистический ежегодник за 1959 год указывает численность населения в 1959 г. – 10160 тыс. по Западной Сибири. Она приведена, «включая военнослужащих по месту призыва» (Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М., 1960. –С. 34, 36).

Таблица 1

Сравнение опубликованных данных по Алтайскому краю с Горно-Алтайской АО и данных без АО *

ГОД	Опубликованные данные, ‰		Данные, представленные в официальном ответе Алтайстата, ‰		Соотношение, в %	
	Рождаемость	Смертность	Рождаемость	Смертность	Рождаемость	Смертность
1950	32,1	11,6	31,8	11,5	99,1	99,1
1958	29,9	7,5	29,7	7,5	99,3	100
1960	27,7	7,2	27,5	7,2	99,3	100
1963	19,8	6,7	19,6	6,7	99,0	100
1964	16,7	6,8	16,3	6,8	97,6	100
1965	15,6	7,0	15,2	7,0	97,4	100
1970	15,3	8,4	15,0	8,4	98,0	100

*Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М.: Статистика, 1965. С. 22,23; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М.: Статистика, 1966. С. 22, 23; Население СССР. (Численность, состав и движение населения). 1973. М.: Статистика, 1975. С. 92, 93. Официальный ответ Алтайкрайстата № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015 на запрос б/н от 10.09.2015.

Статья написана на основе официальных ответов, полученных из территориальных органов статистического ведомства с привлечением архивных материалов и статистических публикаций. Ответы предоставили территориальные органы Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю (Алтайкрайстат), Кемеровской области (Кемеровостат), Новосибирской области (Новосибирскстат), Омской области (Омскстат) и Томской области (Томскстат). На основе ответов на запросы получены непрерывными динамические ряды по численности населения (в том числе городского и сельского), абсолютные числа родившихся, умерших, включая до 1

года, естественного прироста. Это в равной мере относится ко всем территориям, входящих в Западную Сибирь и регион в целом. Таким образом, ценность собранных материалов на основе запросов представляет в единой методике сбора информации, ее обработке и подсчетах, произведенными самими статистическими органами. Предоставленные данные позволяют проследить скорость изменения протекания демографических процессов, отметить через статистическое наблюдение успехи в развитии здравоохранения, культуры. Материалы в таком виде никогда не публиковались, поэтому позволяют выявить и возможные фальсификации статистических данных. Особенно это касается смертности детей до 1 года, так как по показателю младенческой смертности судят о развитии медицинского обслуживания, а властные структуры не были заинтересованы в афишировании истинного положения вещей. Заметим, что показатели младенческой смертности на уровне областей и краев за период советской власти не публиковались, тем более как непрерывный динамический ряд.

Качество предоставленных статуправлениями материалов, несмотря на однотипность заполнения предложенной таблицы, различно. Это зависит как от квалификации работника, выполнявшего данную работу, так и от качества самого материала, собранного через органы ЗАГС и классифицированного статистической службой в период обработки первичных материалов регистраций. Качество документации, предоставленной органами ЗАГС в статистические органы, различалось по регионам Западной Сибири. Это хорошо просматривается по предоставленным по запросу официальным ответам. Статистическая служба регулярно проводила проверки качества собранных материалов. В частности, уже в 1966 году сообщались принципы, на которых проводились проверки качества регистраций рождений и смертей. «Контрольные проверки полноты и качества учета регистрации родившихся и умерших проводятся статистическими органами ежегодно выборочным путем по плану статистических работ». [11, с. 311]. Проверка осуществлялась по сельской местности, где пропуски были наибольшими. Все сельские советы по

Численность населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. (без Горного Алтая) *

Год	Численность населения, тыс.			Индекс динамики			Базисный индекс, 1950=100%		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село	Все	Город	Село
1950	8462,1	3645,0	4817,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1951	8650,7	3822,1	4828,6	102,2	104,9	100,2	102,2	104,9	100,2
1952	8768,7	4044,1	4724,6	101,4	105,8	97,8	103,6	110,9	98,1
1953	8894,4	4227,8	4666,6	101,3	104,5	98,8	105,1	116,0	96,9
1954	9006,5	4399,4	4607,1	101,3	104,1	98,7	106,4	120,7	95,6
1955	9252,2	4562,7	4689,5	102,7	103,7	101,8	109,3	125,2	97,4
1956	9573,5	4702,8	4870,7	103,5	103,1	103,9	113,1	129,0	101,1
1957	9739,5	4883,1	4856,4	101,7	103,8	99,7	115,1	134,0	100,8
1958	9868,5	5062,3	4806,2	101,3	103,7	99,0	116,6	138,9	99,8
1959	9996,0	5345,3	4650,7	101,3	105,6	96,8	118,1	146,6	96,5
1960	10137,9	5497,3	4640,6	101,4	102,8	99,8	119,8	150,8	96,3
1961	10323,0	5717,1	4605,9	101,8	104,0	99,3	122,0	156,8	95,6
1962	10448,9	5844,3	4604,6	101,2	102,2	100,0	123,5	160,3	95,6
1963	10688,9	6076,4	4612,5	102,3	104,0	100,2	126,3	166,7	95,8
1964	10661,9	6116,4	4545,5	99,7	100,7	98,5	126,0	167,8	94,4
1965	10659,9	6220,9	4439,0	100,0	101,7	97,7	126,0	170,7	92,2
1966	10638,1	6307,6	4330,5	99,8	101,4	97,6	125,7	173,0	89,9
1967	10639,2	6388,6	4250,6	100,0	101,3	98,2	125,7	175,3	88,2
1968	10616,0	6483,1	4132,9	99,8	101,5	97,3	125,5	177,9	85,8
1969	10580,2	6580,2	4000,0	99,7	101,5	96,8	125,0	180,5	83,0
1970	10548,9	6674,2	3874,6	99,7	101,4	96,9	124,7	183,1	80,4

* Источники: Официальные ответы на запрос Алтайского края № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровского № 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирского № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омского № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015г.; Томского № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г.

региону располагались в перечне и нумеровались в строго алфавитном порядке, несмотря на район, в каком они находились. Каждый год обследовались 10 % сельсоветов, т. е. в обследуемом году в сплошную проверку попадали, например, 1, 11, 21 и т. д. по номеру последней цифры. При 20 % обследовании в ряде регионов – 1,6, 11, 16 и т. д. Каждый год нумерация для проверки менялась. Для проверки полноты регистрации родившихся и умерших использовались «Записи о родившихся, отметки об умерших в похозяйственных книгах и списках сельсоветского учета, уточненные при проверке (или закладке) похозяйственных книг по состоянию на 1 января текущего года» [11, с. 312–313].

Омскстат предоставил по запросу непрерывные динамические ряды за 1950–1970 гг. В них содержатся годовая численность населения, абсолютные числа родившихся, умерших, в том числе детей до 1 года, в целом по области и в разрезе городского и сельского населения, приведены показатели естественного движения по указанным категориям за каждый год указанного периода. Существенным недостатком является то, что население области приведено округленно в целых тысячах, что несколько осложняет расчет коэффициентов естественного движения и миграций. В ряде случаев расчеты вызывают сомнения, поэтому пришлось произвести перепроверку показателей, пересчитав их по методике Госкомстата РФ. Наблюдаемое незначительное отличие от показателей Омскстата невелико: его можно объяснить тем обстоятельством, что динамика численности населения приведена для постоянного населения, а показатели – для наличного. Указанной погрешностью можно пренебречь. Произведенные нами расчеты в статье оговариваются особо. Качество предоставленных материалов по смертности детей до года вызывает сомнение за весь период 1950–1970 гг., что также ставит под вопрос динамику смертности по области в целом, так как доля умерших младенцев была значительна. Частично это обстоятельство должно отразиться и на показателях рождаемости, ибо умершие вскоре после рождения не попадали в статистику ни как живорожденные, ни как умершие. В расчетных таблицах, несмотря на недостатки, используются данные в том варианте, который предоставил Омскстат.

Численность населения Западной Сибири представлена в таблице 2. Динамика населения и его составляющих (городского и сельского) получена путем суммирования данных, полученных из официальных ответов статуправлений регионов, составляющих Западную Сибирь. На основе полученных сведений рассчитаны данные динамики. В динамике численности жителей просматривается неравномерность прироста численности жителей. В частности, из 21 года наблюдений в 6 случаях население сокращалось (середина и конец 1960-х годов). Прирост практически отсутствовал в 1966 г., прирост от 1 % до 1,5 % наблюдался в 7 годах, от 1,5 % до 2,0 % – в 2 годах, свыше 2,0 % – в 3 годах, свыше 3 % – только в 1955 г. В 1950 г. прирост составлял 2,2 %, и наблюдался минимальный отток за пределы региона. В 1951–1953 гг. годы прирост был стабильным: 1,3 – 1,4 %. В этот период миграционный прирост был отрицательным, а естественный прирост снизился. Максимальный прирост наблюдался в период освоения целины: 1954 г. – 2,2 %, в 1955 г. – 3,5 %, в 1956 г. прирост (1,7 %) был немногим выше начала 1951–1953 гг., после чего общее увеличение населения оставалось на уровне начала 1950 г. В 1957–1959 гг. из региона происходил массовый отток граждан калмыцкой, чеченской, ингушской и других национальностей, после официальной реабилитации и восстановления соответствующих автономий. Исключения составляли: 1956 г. – 1,7 % (период строительства Академгородка, в этом же году в регион были направлены молодые специалисты из европейской части страны), 1960 г. – 1,8 % (период активного переезда ученых в Сибирь). Значительный прирост населения в 2,2 % в 1962 г. еще требует объяснения.

Численность сельчан сокращалась постоянно. Исключения составили те же годы, когда увеличивается общий прирост населения всего региона. В эти же годы отмечается и абсолютное увеличение численности сельского населения. В 1950 г. прирост жителей в деревне составлял 0,2 %, в 1954 г. – 1,8 %, в 1955 г. – 3,9 %. В эти же годы отмечалось значительное увеличение хозяйственных переселенцев в Сибирь. За период с 1949 по 1966 годы в регион вселилось 269 тыс. хозяйственных переселенцев.

Основные вселения происходили в 1954–1959 гг. – 173,6 тыс., или 64,5 % [8, 191; 9, с. 108, 155]. В 1963 г. численность села возросла на 7,9 тыс., или на 0,2 %. Такое незначительное увеличение может быть объяснено случайными факторами и не превышает пределов статистической погрешности. Заметим, что данные по Омской области и за 1960-е гг. по Новосибирской приведены по наличному населению, а по остальным территориям – по постоянному. Жителей села за 20 лет стало на 20 % меньше. Средний темп сокращения составил 1 % в год. Снижение жителей села было менее 1 % в 1956 г., 1957 г., 1959 г., 1960 г. Снижение числа жителей от 1 до 2 % отмечалось также в 4 годах, от 2 до 3 % – в 4 годах, свыше 3 % – в 1958 г. и 1968 г. (3,2 %), и в 1969 г. (3,1 %).

Доля городского населения возрастала постоянно (табл. 3). В 1950 г. в городах проживало 2/5 жителей региона. Максимальная доля горожан отмечалась в Кемеровской и Новосибирской областях. В 1959 г. доля горожан в регионе составила 53,5 %. Больше половины жителей проживало в Новосибирской области (55 %), в Кемеровской области (77 %). В Алтайском крае только 33 % проживало в городских поселениях, в Омской области – 43 %, в Томской области – 48 %. В целом Западная Сибирь была более урбанизированной, чем СССР (48 %) и РСФСР (52 %). Однако в регионе наличествовало значительное количество городских поселений, которые были таковыми лишь формально. В Новосибирской области к ним относились города Чулым (18161 чел в 1959 г), Кургат (12760 чел.), поселки городского типа (пгт) Чаны (9086 чел), Чик (3655 чел.), Посевная (4963 чел.), Чистоозерное (7141 чел.), Маслянино (9781 чел.). В данных переписи 1959 г. в целом ряде пгт в состав жителей включались сельские жители – в Чанах 61чел., Посевной – 86, в Чистоозерном – 686 чел¹.

¹ Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Новосибирск, 1980. – С. 5. Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, 1990. – С. 5

Численность населения Западной Сибири в 1950–1970гг. (без Горного Алтая) *

Год	Численность населения, тыс.			Индекс динамики			Базисный индекс, 1950=100%		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село	Все	Город	Село
1950	8462,1	3645,0	4817,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1951	8650,7	3822,1	4828,6	102,2	104,9	100,2	102,2	104,9	100,2
1952	8768,7	4044,1	4724,6	101,4	105,8	97,8	103,6	110,9	98,1
1953	8894,4	4227,8	4666,6	101,3	104,5	98,8	105,1	116,0	96,9
1954	9006,5	4399,4	4607,1	101,3	104,1	98,7	106,4	120,7	95,6
1955	9252,2	4627,7	4689,5	102,7	103,7	101,8	109,3	125,2	97,4
1956	9573,5	4702,8	4870,7	103,5	103,1	103,9	113,1	129,0	101,1
1957	9739,5	4883,1	4856,4	101,7	103,8	99,7	115,1	134,0	100,8
1958	9868,5	5062,3	4806,2	101,3	103,7	99,0	116,6	138,9	99,8
1959	9996,0	5345,3	4650,7	101,3	105,6	96,8	118,1	146,6	96,5
1960	10137,9	5497,3	4640,6	101,4	102,8	99,8	119,8	150,8	96,3
1961	10323,0	5717,1	4605,9	101,8	104,0	99,3	122,0	156,8	95,6
1962	10448,9	5844,3	4604,6	101,2	102,2	100,0	123,5	160,3	95,6
1963	10688,9	6076,4	4612,5	102,3	104,0	100,2	126,3	166,7	95,8
1964	10661,9	6116,4	4545,5	99,7	100,7	98,5	126,0	167,8	94,4
1965	10659,9	6220,9	4439,0	100,0	101,7	97,7	126,0	170,7	92,2
1966	10638,1	6307,6	4330,5	99,8	101,4	97,6	125,7	173,0	89,9
1967	10639,2	6388,6	4250,6	100,0	101,3	98,2	125,7	175,3	88,2
1968	10616,0	6483,1	4132,9	99,8	101,5	97,3	125,5	177,9	85,8
1969	10580,2	6580,2	4000,0	99,7	101,5	96,8	125,0	180,5	83,0
1970	10548,9	6674,2	3874,6	99,7	101,4	96,9	124,7	183,1	80,4

*Источник: Официальные ответы на запрос Алтайкрайста № ВГ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровста № 06-35/201 от 15.09.2015г.; Новосибирскста № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015г.; Омскста № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015г.; Томскста № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015г.

Таблица 3

Доля городского и сельского населения в регионе, %*

Год	Город	Село
1950	43,1	56,9
1951	44,2	55,8
1952	46,1	53,9
1953	47,5	52,5
1954	48,8	51,2
1955	49,3	50,7
1956	49,1	50,8
1957	50,1	49,9
1958	51,2	48,8
1959	53,5	46,5
1960	54,2	45,8
1961	55,4	44,6
1962	55,9	44,1
1963	56,8	43,2
1964	57,4	42,6
1965	58,4	41,6
1966	59,3	40,6
1967	60,0	40,0
1968	61,1	38,9
1969	62,2	37,8
1970	63,3	36,7

* Источник: Официальные ответы на запрос Алтайкрайста № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровостата №. 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г.

Прирост численности горожан был неравномерным. Темп прироста колебался от 0,7 % (в 1964г.) до 5,6 % (1958 г.) и 5,8 % (в 1951 г.). Общее увеличение численности горожан за 20 лет составило 83,1 %, т.е. примерно 4 % в год. Выше 4 % прирост наблюдался в 7 годах (1950–1953 гг.,1958,1960,1962 гг.), немногим ниже среднего уровня (3,7–3,8 %) еще в 3 годах (1954, 1956, 1957). Другими словами, максимальный прирост наблюдался в 1950- е гг. После чего темп прироста существенно снизился и с 1963 г. не превышал 2 % в год. Отметим, что это был период массивного сокращения «неперспективных деревень».

Жители сел проголосовали ногами против такой политики. Они не поехали не только в крупные села, как планировали власти, но и в малые города региона, которые не могли обеспечить их ни работой, ни жильем, а в массовом порядке покидали регион вообще. Именно с 1963 г. население региона медленно начало сокращаться в своей численности. За 1963–1970 гг. оно сократилось на 140 тыс., или 1,3 %. Миграционный приток совпал с минимальным уровнем рождаемости и повышением роста смертности, которые наблюдались в этот период. На период 1966–1970 гг. планами предусматривалось ускоренное развитие

Таблица 4

Соотношение естественного и миграционного прироста в Западной Сибири в 1950–1970 гг. *

Год	Прирост в тыс. чел.			Доля в общем приросте, в %	
	Общий	Естественный	Миграционный	Естественный	Миграционный
1950	188,6	178,5	10,1	94,6	5,4
1951	118,0	181,7	-63,7	154,0	-54,0
1952	125,7	171,8	-46,1	136,6	-36,6
1953	112,1	162,1	-50,0	144,6	-44,6
1954	245,7	191,5	54,2	77,9	20,1
1955	321,3	205,8	115,5	64,1	35,9
1956	166,0	206,9	-40,9	124,6	-24,6
1957	129,0	208,7	-79,7	161,8	-61,8
1958	127,5	212,0	-84,5	166,3	-66,3
1959	141,9	212,2	-70,3	149,5	-49,5
1960	185,1	201,8	-16,7	109,0	-9,0
1961	125,9	180,2	-54,3	143,1	-43,1
1962	240,0	157,5	82,5	65,6	34,4
1963	-27,0	143,0	-170,0	x	x
1964	-2,0	113,3	-115,3	x	x
1965	-21,8	96,0	-117,8	x	x
1966	1,1	88,5	-87,4	804,5	-794,5
1967	-23,2	77,2	-100,4	x	x
1968	-35,8	72,6	-108,4	x	x
1969	-31,3	70,5	-101,8	x	x
1970	x	72,0	x	x	x
всего	2086,8	3131,8	-1045,0	150,1	-50,1

* Источник: Рассчитано по данным ответов на запрос Алтайкрайста № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровостата №. 06-35/201 от 15.09.2015г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г. Миграционный прирост принят как разность между общим и естественным приростом.

восточных районов страны. Однако плановики и экономисты уже отмечали недостаточное развитие, ограниченную миграционную емкость малых городов Западной Сибири. В частности, отмечалось, что исчерпали возможность развития или не имели в ближайшей перспективе толчка к развитию города Барабинск (80 % занятых приходилось на транспорт), Болотное, Татарск, Черепаново, Чулым в Новосибирской области, Тара в Омской, некоторые города в Кемеровской области и Алтайского края [10, с.192–244]. Неслучайно в межпереписной период 1959–1970гг. сократилась численность населения в городах

Таблица 5

Естественное движение населения Западной Сибири (без Горного Алтая) в 1950–1970гг., %.*

Год	РОЖДАЕМОСТЬ			СМЕРТНОСТЬ		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село
1950	32,7	31,9	33,4	11,9	11,8	11,9
1951	32,8	31,5	33,8	11,9	11,1	12,7
1952	30,2	31,8	30,9	10,7	9,8	11,6
1953	27,7	27,5	29,9	9,6	8,8	10,3
1954	30,2	28,4	31,9	9,2	8,1	10,2
1955	31,0	27,3	34,6	9,1	8,1	10,2
1956	29,0	25,0	32,9	7,6	6,7	8,4
1957	29,0	25,1	33,0	7,7	6,7	8,6
1958	28,4	24,9	32,3	7,1	6,5	7,8
1959	28,4	24,0	31,5	7,3	6,9	7,8
1960	26,6	23,6	30,2	6,8	6,4	7,3
1961	24,3	21,9	27,4	7,0	6,5	8,0
1962	21,9	19,9	24,5	7,0	6,5	7,6
1963	19,9	18,2	22,2	6,5	6,1	7,3
1964	17,2	16,3	18,4	6,6	6,3	6,9
1965	15,8	14,8	17,2	6,8	6,4	7,2
1966	15,2	14,6	16,1	6,9	6,6	7,3
1967	14,4	14,0	15,0	7,1	6,7	7,7
1968	14,2	14,0	14,5	7,4	7,0	7,9
1969	14,4	14,5	14,3	7,8	7,5	8,3
1970	14,7	15,0	14,4	7,9	7,5	8,8

*Источник: Рассчитано по данным ответов на запрос Алтайкрайста № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровостата № 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г.

Кемеровской области: в Киселевске (на 1 %), Прокопьевске, Ленинске-Кузнецке, Мариинске (на 3 %), Осинниках (на 7 %), Анжеро-Судженске (на 8 %), Таштаголе (на 9 %), Гурьевске (на 10 %), в Тайге (на 21 %). Это в значительной мере определило и сокращение населения всей области. В Новосибирской области потеряли жителей следующие райцентры: Черепаново (на 1 %), Татарск (4 %), Барабинск (6 %), Купино (10 %), Болотное (14 %), Чулым (на 20 %). В Омской области сократились численно Тара (на 1 %), Называевск (на 3 %)¹. Экономическое развитие данных городов и монопрофильная направленность производства, отсталость в социально-культурном плане не могли предоставить мигрантам из села и местным уроженцам перспектив и гарантий профессионального роста, занятости как таковой. Именно это и обеспечивало устойчивый отток населения за пределы региона (табл.4). Отток населения из данного экономического района был установлен исследователями в 1960-х – начале 1970-х гг. [1, с.28–35; 2, с. 41–49; 3, с. 28–42; 4, с. 75–94; 5, с. 56–63].

Миграционная убыль составила за 20 лет 1045,0 тыс чел, или 1/3 естественного прироста. Слабый миграционный прирост отмечался в 1950 г. Относительно высокие абсолютные числа нетто-миграции наблюдались в годы освоения целины. За 1954 г. – 54,2 тыс, в 1955 г. – 115,5 тыс. Однако уже с 1956 г. выезд постоянно превышал переезд из других регионов. Миграционный прирост был стабильным: 70–80 тыс. в конце 1950 г. Он существенно замедлился в 1960 г., но почти возвратился к прежним величинам в 1961 г. Диссонансным является лишь 1962 г., когда неожиданно миграционный прирост стал положительным и существенным – 82,5 тыс., или 0,8 % по отношению ко всему населению региона. Причину этого еще предстоит выяснить. Но уже в следующие годы миграционная убыль не только восстановилась, но и достигла рекордных величин. В 1963 г. – 170 тыс., что примерно составляет суммарную величину миграционной убыли за 2 года, наблюдавшейся в 1957–1959 гг. Этот рекорд не был побит до конца изучаемого периода. С 1964 г. величина миграционной

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1.М., 1970. – С. 38,39.

убыли снижается, но до конца 1960-х гг. превышает показатели, отмеченные статистикой в 1957–1959 гг., в 1,5– 1,7 раза. Основные миграционные потери несли Кемеровская область и Алтайский край. Оба региона оказались трудоизбыточными. В Кемеровской с ее высоким уровнем урбанизации не смогли перестроить структуру промышленного производства, а на Алтае село оказалось основным поставщиком мигрантов, которых не могли вместить ни города края, ни города соседней Новосибирской области. Таким образом, воспроизводство населения Западной Сибири происходило в условиях миграционного оттока, что замедляло его темпы.

Естественное движение населения в регионе отличалось от общероссийских показателей повышенными показателями рождаемости (постоянно), смертности (до 1956 г.) и естественным приростом. Более высокие показатели рождаемости связаны как с более молодым возрастным составом населения, так и запоздалым демографическим переходом (табл. 5).

Как видно из данных таблицы 4, уровень рождаемости до 1955 г. включительно превышал 30 ‰, т.е. находился на уровне слабого регулирования деторождения семьями. В 1950–1951 гг. уровень рождаемости оставался стабильным, достигая 32,8 ‰. Значительная часть женщин, относящихся к многолюдным поколениям, родившимся в период нэпа, осталась вне брака, т.к. их потенциальные женихи погибли в ходе войны. Общественное мнение противодействовало рождению детей вне зарегистрированного брака. Это предполагало, что процесс ограничения рождаемости в семьях практически не отмечался. Однако это не совсем так. В 1952 и 1953 гг. рождаемость существенно снизилась: на 9,2 ‰ и на 15,5 ‰ от уровня 1951 г. Это был период, когда трудности с продовольствием были велики и районы Сибири находились к ситуации, близкой к голоду. В 1954 г. и 1955 г. произошло восстановление уровня рождаемости до уровня 94 ‰ от 1952 г., т. е. восстановление не было полным. Реформы, которые население связывало с именем Г. М. Маленкова, не могли дать большого и длительного эффекта. Они в основном касались аграрного сектора. Неслучайно показатель

рождаемости у сельского населения оказался в 1955г. выше, чем в 1950 г. и 1951 г. на 4 %, по отношению к 1953 г. – на 16 %.

Следует отметить значительное распространение криминальных аборт, несмотря на юридическое их запрещение. С 1954 г. преследование за криминальные аборты фактически не производилось. 5 августа 1954 г. отменялась уголовная ответственность беременных женщин за производство себе аборта¹ : их число продолжало возрастать. Именно широкое распространение криминальных аборт и их негативных последствий заставило правительство в ноябре 1955 г. отменить запрет на прерывание беременности в медицинских учреждениях, введенный в июне 1936 г². Легализация операций искусственного прерывания беременности была мерой вынужденной. Дело в том, что количество криминальных аборт достигло значительной величины. В 1951 г. аборты, учтенные официальной статистикой, составили 31,2 % к общему числу родившихся в Новосибирской области. В сельской местности, где факты криминального аборт скрывались наиболее тщательно, аналогичный показатель составил 5,7 %. Вне лечебного учреждения были учтены 4375 аборт. Общее же количество родившихся по области, без Новосибирска, составило 47 398 чел.³ В областном центре аборт было существенно больше, чем в других городских поселениях. В последующие годы количество аборт продолжало возрастать. В первые годы после легализации аборт произошел резкое увеличение их числа. В 1956 г. в СССР было зарегистрировано в 2,3 раза больше аборт, чем в 1954 г. К 1960 г. их количество выросло в 3,5 раза. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Новосибирской области. По данным медстатистики, с 1956 г. по 1959 г. в г. Куйбышеве отмечен рост аборт более чем в 3 раза⁴.

¹ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР(1938–июль 1956гг.. М.,1956.–С. 401.

² Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР(1938–июль 1956гг.). М.,1956.–С. 402.

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П–4. Оп. 34. Д. 410. Л. 208.

⁴ Государственный архив Куйбышевского района Новосибирской об-

**Расчет специального коэффициента рождаемости в
Новосибирской области в 1958–1970 гг.***

Год	Число родив- шихся, чел.	Среднее за 2 года, чел.	Число женщин в возрасте 15–49лет, чел.**	Специальный коэффициент рождаемости, ‰	Индекс дина- мики, %
Все население области					
1958	61777	60621	658959	91,99	55,42
1959	59466				
1969	35267	35498	696371	50,98	
1970	35729				
Городское население					
1958	28086	27714	396666	69,87	66,55
1959	27343				
1969	22520	23018	495016	46,50	
1970	23516				
Сельское население					
1958	33691	32907	262293	125,46	49,40
1959	32123				
1969	12747	12480	201355	61,98	
1970	12213				

* Источник: Естественное и механическое движения населения. Новосибирск, май 1968. С. 1; Естественное и механическое ... июль 1973. С. 6–7; Возрастной состав населения новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Новосибирск, май 1974. С. 12–13, 24–25, 36–37.

** на дату переписи.

Падение рождаемости совпало с данным обстоятельством. С 1951 г по 1955 г. показатель рождаемости снизился с 32,8 % до 31,0 %, т.е. на 1,8% (на 5,5 %). В 1956 г. рождаемость снизилась на 2 %, или 7 %, но показатель не достиг уровня 1953 г.

(27,7 %). В 1957 г. рождаемость не изменилась и составила 29 %, как и в предыдущий год, а в 1958–1959 гг. снижение было незначительным – 2 % (28,4 %). Стабилизация общего коэффициента свидетельствовала о сокращении повозрастных показателей рождаемости, так как в основной фертильный возраст вступили многолюдные поколения женщин, родившихся в 1937–1939 гг, когда начал действовать запрет на аборт, а число рождений было на 20–30 % выше, чем в начале 1930 гг. В 1960-е гг. рождаемость уменьшилась на 1,8 %, или на 7 %, в 1961 г. – на 5 %, в 1962 г. – на 10 %, 1963–1965 гг. – на 9 % ежегодно. После чего темп падения рождаемости сократился до 4 % в 1966 г., 6 % в 1967 г., и 1,5 % в 1968 г. В 1969 г. рождаемость возросла на 1,5 %. На снижение рождаемости повлияли структурные факторы: уменьшение женщин, вступающих в основной детородный возраст, которые родились в годы войны и сразу после нее; перемещение значительной части населения в города, где уже в 1958–1959 гг. воспроизводство населения было близко к простому. Нетто-коэффициент воспроизводства составил 1,07. Отмечено снижение повозрастных коэффициентов рождаемости. Кроме того, миграционный отток населения (в основном молодежи) за пределы региона не способствовал процессу деторождения. Снижение рождаемости в годы семилетки (1958–1965 гг.) объясняется специалистами областата следующим образом: «Уменьшение рождаемости объясняется неблагоприятным соотношением между численностью мужчин и женщин, уменьшением численности женщин в возрастах, в которых они способны к деторождению (15–49), ростом численности и удельного веса городского населения (уровень рождаемости среди городского населения ниже, чем среди сельского), увеличением численности женщин, занятых в общественном производстве, при недостаточной обеспеченности детей детскими учреждениями, повышением культурного уровня населения, увеличением абортов¹ (сохранен стиль источника, но внесены некоторые грамматические исправления. – А. Б.)».

¹ Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области: Статсборник. Новосибирск, 1966. М., 1956. – С. 59.

Таблица 7

**Средняя продолжительность жизни населения Западной
Сибири в 1958–1959 гг., лет ***

Регион	Все население	Мужчин	Женщин	Разница, гр.4 к гр.3
Западная Сибирь	67,39	62,62	71,53	8,91
Городское	67,47	62,69	71,42	8,73
Сельское	67,34	62,53	71,47	8,94
Алтайский край	67,44	62,80	71,32	8,52
Кемеровская область	67,38	62,70	71,59	8,89
Новосибирская область	67,31	62,41	71,39	8,98
Омская область	67,58	62,95	71,45	8,50
Томская область	66,85	62,44	70,65/	8,21
Тюменская область	62,12	61,43	68,11/	6,68

* Источник: [10, с. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970г.). М., 1972. С. 50, 52, 56, 60, 62, 64, 287, 293, 296, 299, 302, 305. Расчет для обоих произведен по удельному весу в населении мужчин и женщин.

Аборт был признан официально причиной снижения рождаемости, а не средством ее регулирования. Цитата показывала, что общество оказалось не готовым к происходившим в нем демографическим переменам.

Существенно сократились повозрастные показатели рождаемости. В табл. 6 произведен расчет специального показателя рождаемости за 1958–1959 гг. и 1969–1970 гг. За основу взято число родившихся за смежные годы, примыкающие к моменту проведения переписей населения – 1959 г. и 1970 г., и численность женщин фертильных возрастов по данным переписей.

Расчет показал, что специальный коэффициент рождаемости снизился для всего населения на 44,5 %, в городах – на 32,4 %, в сельской местности – на 50,6 %. Относительное снижение рождаемости в городах произошло из-за притока в города молодых женщин из сельской местности. Они заводили детей, зачастую единственных, в городах, тем самым поддерживали искусственно уровень рождаемости у городского населения. Значительное уменьшение численности молодежи в сельской местности вследствие миграционного оттока привело к усилению снижения специального коэффициента рождаемости. Специальный коэффициент рождаемости показывает, сколько родилось детей на 1000 женщин фертильного возраста, и существенно зависит от возрастной структуры. Неслучайно при росте общего числа женщин фертильного возраста число родившихся абсолютно сократилось. Частично это связано с переходом многолюдных поколений женщин в старшие фертильные возраста, в которых интенсивность рождений существенно меньше. Но это не могло нивелировать влияние снижения повозрастных коэффициентов рождаемости, т. е. сокращения рождаемости в обществе.

За 1959–1970 г. суммарный коэффициент рождаемости заметно снизился (на 30 %). В целом по РСФСР в 1969–1970 гг. он равнялся 1,9 рождения на одну женщину, а брутто-коэффициент воспроизводства составлял 0,9675. По Западной Сибири показатели были еще ниже. Здесь суммарный коэффициент снизился до 1,8. Брутто-коэффициент равнялся 0,88. Таким образом, население Западной Сибири вступило в стадию резко суженного воспроизводства. Показатель рождаемости в целом по Западной Сибири с 1958 по 1965 г. сократился на 43,4 % (с 28,6 до 16,2 %). В Алтайском крае сокращение составило 48 %, в Кемеровской области – 47 %, в Омской – 40 %. В Новосибирской области показатель рождаемости уменьшился на 42 % (с 27,1 до 15,6 %)¹. В 1958–1960 г. рождаемость в Сибири превосходила показатели РСФСР и СССР. К 1968–1970 гг. она сравнялась с общероссийскими показателями и была ниже на 14 % показателей СССР [7, с. 81]

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. М., 1956.–С. 20.

Рост рождаемости, начавшийся с 1969 г., был медленным и хронологически совпал с увеличением женщин молодых фертильных возрастов послевоенных лет рождения. На увеличение рождаемости повлияло омоложение браков. В 1967 г., согласно новому закону, срок службы в вооруженных силах был сокращен с 3 лет до 2 лет, снижен был и возраст призыва – с 19 до 18 лет. Юноши стали приходить из армии раньше, возраст вступления в брак стал снижаться.

Тенденции в динамике смертности за изучаемый период были противоречивы.

В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири, по расчетам Е. М. Левицкого, составляла 67 лет, в том числе для мужчин – 63, для женщин – 71 год. В СССР аналогичные показатели равнялись 69; 64 и 72 года соответственно. Показатели средней продолжительности жизни в Западной Сибири равнялись показателям Российской Федерации [10, 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Данные показатели превышали реальную продолжительность жизни населения. Контрольными проверками в 1964 г. в СССР был установлен размер недоучета смертности 4,4 % (в городах – 1,2 %, в сельской местности – 5,9 %), в РСФСР – 3,4 %; 1,2 % и 4,7 % соответственно)¹. В Омской области органы статистики неоднократно возвращали документацию на доработку органам здравоохранения. Например, мальчик прожил после рождения 1ч 15 минут, а был зарегистрирован как мертворожденный. Констатировалось, что не все случаи рождений и смертей регистрируются в органах ЗАГС². Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев рождений и смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующим за отчетным. Такие случаи в годовую отчетность не попадали, так как окончательная дата, после которой годовая отчетность закрывалась, было 1 апреля. Как показывает их анализ, необходимо увеличить общий показатель смертности в Омской области на 0,1–0,3 %, а рождаемости – на 0,1 %.

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2122. Оп.1. Д.4457. Л.171.

² ИАОО. Ф.2122. Оп. 3. Д.1035. Л.97.

На местах специалисты пытались рассчитать на основе текущей статистики продолжительность жизни. Так, новорожденные омичи (по расчетам местного областного управления статистики) в 1964 г. могли в среднем прожить 67,7 лет, мужчины – 63,27, а женщины – 71,05 года. У горожан аналогичные показатели составляли 68,0; 63,58 и 71,24 года, в сельской местности соответственно – 67,66; 63,14 и 70,94 года¹. Это свидетельствовало о стабилизации средней продолжительности жизни населения в регионе по сравнению с 1958–1959 гг. У женщин отмечалось снижение показателя средней продолжительности жизни на 0,4 года. Мужчины стали жить на 0,32 года дольше. Видимо, сыграло роль улучшение качества учета смертных случаев, особенно в сельской местности.

Таким образом, естественный прирост несколько завышался, и статистикам приходилось корректировать численность населения забалансовым методом. Недоучет наблюдался повсеместно. Так, в Новосибирской области в 1967 г. за один из кварталов по данным обследования точности регистрации органов ЗАГСа были выявлены единичные случаи пропуска записей смертей и рождений. В сельской местности обнаружено 11 пропусков рождений и три – смертей. До 1 года не был зарегистрирован один умерший ребенок². Проверкой охватывались отдельные сельсоветы. В 1970 г. в ходе проведения переписи в Новосибирской области контрольной проверке подлежали 1108 детей до 1 года. Из них были зарегистрированы 995. Среди незарегистрированных семь местных жителей и 104 неместных. О местожительстве двух детей не сообщалось. В справке отмечалось, что во всех районах существует недоучет событий³. Он составил 0,7 % от числа родившихся в данной местности и 9,4 % от всего числа лиц данного возраста. Часть родившихся была бы зарегистрирована в более поздние сроки. Фактическая величина недоучета стала бы меньше. Ее можно оценить в 0,2–0,4 %. Она бы сохранялась и в дальнейшем. В Куйбышеве известен случай, когда приезжий

¹ ИАОО.Ф. 2122. Оп.1. Д. 4457. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8502. Л. 3.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22

ребенок (в 1999 г. ему было 17 лет, он родился в Северном районе Новосибирской области) был не зарегистрирован, ибо мать считала, что можно всю жизнь прожить без регистрации. Случай уникальный, но символический.

К концу периода регистрация и рождений, и смертей стала, безусловно, точнее. Официальные публикации утверждают, что продолжительность жизни в стране составляла в 1963–1968 гг. 70 лет¹. По этим же данным в РСФСР отмечена та же величина. В 1965–1966 гг. у мужчин России показатель достиг 65 лет, а у женщин – 74². К 1969–1970 гг. средняя продолжительность жизни сократилась. В РСФСР она составила всего 68,8 года, в том числе у мужчин – 63,4, у женщин – 73,4 года³. В значительной мере повышение смертности объясняется улучшением статистического учета.

Список литературы

1. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Е. Д. Малинина. – Новосибирск, 1970. – 239 с.
2. Малинин, Е. Л. Население Сибири. / Е. Л. Малинин, А. К. Ушаков. – М., 1976. – 168 с.
3. Переведенцев, В. И. Современная миграция населения Западной Сибири. / В. И. Переведенцев. – Новосибирск, 1965. – 96 с.
4. Переведенцев, В.И. Миграция населения и трудовые ресурсы Сибири. / В. И. Переведенцев – Новосибирск, 1966. – 92 с.
5. Переведенцев, В. И. Методы изучения миграции населения. / В. И. Переведенцев. – М., 1975. – 232 с.
6. Западно-Сибирский экономический район / отв. ред. А. Б. Марголин. М., 1967. – 252 с.
7. Население Западной Сибири в XX веке / под ред. Н. Я. Гущина, В. А. Исупова. – Новосибирск, 1997. – 172 с.

¹ Население СССР. 1987. М., 1987. М., 1956.–С.351.

² Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1968. М., 1956.–С.6.

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 409.

8. Миграции населения Азиатской России: конец XIX–начало XXI вв. Новосибирск, 2011. – 392 с.

9. Занданова, Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века) / Л. В. Занданова. – Иркутск, 1997.–158 с.

10. Левицкий, Е. М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни./ Е. М. Левицкий. – Новосибирск, 1962. – 143 с.

11. Вострикова, А. М. Выборочное обследование в демографической статистике. Выборочное наблюдение в статистике СССР/ под ред. А. Я. Боярского, В. В. Джапаридзе, В. С. Овсиенко, М. Р. Эйдельмана./ А. М. Вострикова. – М.,1966. С. 310–327.

12. Бурматов, А. А. Тенденции смертности в Западной Сибири в 1959–1970 гг./ А. А. Бурматов. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – в начале XXI в.: материалы II Всероссийской науч. конф. – Новосибирск, 2014. С. 184–188.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются источниковедческие проблемы демографической истории сибирской деревни последних десятилетий советского периода. Цель статьи – на примере изучения сельского населения Красноярского края конца 1950 – начала 1990-х гг. дать оценку информационных возможностей основных статистических источников для изучения брачности и рождаемости на региональном уровне, выявить трудности работы с ними, охарактеризовать качество их публикаций и степень сохранности в государственных архивах – федеральных и региональных.

Специальная задача работы – привлечь внимание к такому ценному источнику, как результаты выборочных социально-демографических обследований населения (микрореперисей) 1985 и 1994 гг., до сих пор не введенных в научный оборот и лишь изредка используемых в качестве иллюстраций.

Постановка научной проблемы продиктована необходимостью преодолеть несоответствие между сложившейся в обществе оценкой состояния института брака и семьи как глубоко кризисного и неясными научными интерпретациями современных реалий в этой сфере. Для преодоления указанного несоответствия необходим углубленный анализ процессов брачности и рождаемости на протяжении последних 50-60 лет, когда закладывались основы современной социально-демографической ситуации.

Проведенный анализ материалов всеобщих и микрореперисей населения, текущей демографической статистики позволяет сделать вывод о наличии значительных резервов демографической информации, вовлечение которой в научный оборот позволит

заметно улучшить качество будущих исследований состояния демографической сферы России во второй половине XX века и современных реалий.

Ключевые слова: источники, Сибирь. Красноярский край, сельское население, брачность, рождаемость, переписи населения, текущая демографическая статистика, выборочное социально-демографическое обследование.

В современной России нет проблемы острее, чем кризис ее демографической сферы. Он является предметом бурных дискуссий с конца 1980-х гг. В последние годы, в связи с некоторым улучшением процесса воспроизводства населения, споры поутихли. Но недавно начавшееся новое ухудшение демографической ситуации опять обостряет актуальность ее анализа.

Наибольший интерес и тревогу вызывает характер трансформации брака, семьи, рождаемости. В обществе он оценивается негативно: как острая социальная проблема, требующая незамедлительного решения. Эффективные средства для этого должна предложить наука.

Научная проблема заключается, в первую очередь, в том, что сложилось несоответствие между утвердившейся в обществе оценкой состояния института брака и семьи в России как пребывающего в глубоком кризисе, с одной стороны, и неясными научными интерпретациями современной реальности в этой сфере, с другой [1, с. 287]. Для решения этой проблемы – приведения их в соответствие – необходим более углубленный анализ процессов брачности и рождаемости, причем не только в последнюю четверть века, а, как минимум, на протяжении 50–60 лет, когда зародились истоки современного демографического кризиса.

В настоящее время интерес к изучению населения последнего советского тридцатилетия явно недостаточен. Очевидно, что депопуляция в России, выступающая концентрированным проявлением демографического кризиса, требует исследований того периода в масштабах, не сопоставимых с нынешними. Причем необходимы не только общероссийские, но и региональные исследования.

Для активизации изучения обозначенного периода требуется уточнить «набор» источников информации, позволяющих ставить и решать необходимые задачи. Вопрос об источниках социально-демографической истории второй пол. XX в. в литературе поднимается нечасто. Их круг, в принципе, очерчен и оценен в диссертационных исследованиях, монографиях, статьях, в учебниках. Однако требуется более глубокий анализ их, поскольку, во-первых, известные источники используются далеко не в полной мере, их потенциал во многом даже не определен, во-вторых, имеются массовые источники, которых до сих пор практически «не касалась рука» исследователя.

Цель настоящей статьи – на примере изучения сельского населения Красноярского края конца 1950 – начала 1990-х гг. дать оценку информационных возможностей основных статистических источников по изучению брачности и рождаемости населения на региональном уровне, обозначить трудности работы с ними, а также охарактеризовать качество их публикаций и степень сохранности в государственных архивохранилищах – федеральных и региональных.

Одна из задач работы – привлечь внимание к такому ценному источнику, как результаты выборочных социально-демографических обследований населения (микрореперисей) 1985-го и 1994 гг. Они до сих пор почти не введены в научный оборот ни в общероссийских, ни в региональных исследованиях и лишь изредка используются в качестве иллюстраций. Сначала всему «виной» была засекреченность материалов первой микрореперисей, а потом, по-видимому, их «ненужность». Между тем они содержат богатую информацию, и игнорировать их нет смысла.

Изучение трансформации населения требует большого числа измерений параметров демографических событий и определявших их факторов. Это ставит во главу угла проблему источников информации необходимого количества и качества.

Традиционно основу информационной базы народонаселенческих исследований составляет статистика, прежде всего, государственная, непосредственно отражающая динамику демографических процессов. Она делится на три группы: 1) опубли-

кованную в открытой печати в общих или тематических сборниках, куда вошли основные показатели в целом по РСФСР/СССР и очень ограниченно – по регионам; 2) изданную малым тиражом в сборниках «для служебного пользования», которые содержат более разнообразный набор показателей, в том числе в разрезе краев, областей, автономий; 3) основной массив данных, сосредоточенный в текущих архивах Росстата и его территориальных органов и – в их же фондах – в центральных и региональных госархивах. Данные органов госстатистики дополняет статистика других организаций и учреждений разного профиля, тоже хранящаяся в архивах. Ее использовали партийные, советские, хозяйственные органы для своих нужд, и она иногда отличается от официальной госстатистики. Это объясняется не только конъюнктурными причинами, но и разной методикой подсчетов.

Базовым источником, к которому в первую очередь обращаются исследователи брачности и рождаемости, являются материалы переписей и текущая статистика естественного движения населения. Доказательная база региональных исследований этих процессов, в нашем случае в сельской местности Красноярского края, строится на сравнении результатов переписей и текущей статистики в общероссийском и краевом измерениях, по городской и сельской местности. Основная часть этих материалов сосредоточена в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) (ф. А-174), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) (ф. 1562), а также ныне практически недоступных текущих архивах Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и ее территориальных органов. Из центральных архивов можно получить большинство информации по изучаемым вопросам. Документы из региональных госархивов дают уточняющие сведения и составляют небольшую часть в общем объеме источников.

В распоряжении изучающих население второй половины XX в. имеются, в том или ином виде, материалы всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., микропереписей 1985 и 1994 гг. Кроме того, полезная информация имеется в итогах переписей 2002 и 2010 гг.

Материалы переписей – уникальный по объему информации источник, а по многим показателям, например, по структурам населения, – единственный. Они обеспечивают решение большого числа исследовательских задач. Подробному анализу и методике их использования посвящен ряд специальных работ [2, 3]. Главное достоинство переписей заключается во всеобщем охвате населения, многоаспектности собираемой информации, регулярности проведения, общности методологических принципов и сопоставимости результатов. Материалы проведенных по схожим программам и охвативших все население страны переписей, разработанные отдельно по городскому и сельскому населению, административно-территориальным образованиям, позволяют сравнивать процессы в городах и селах, на разных территориях, в т.ч. внутри региона, сопоставлять со среднероссийскими показателями.

Исследователи могут пользоваться только обобщенными данными переписей, полученными статорганами после обработки первичных материалов, подлежащих, по правилам, уничтожению. Но качество информации, представленной в результатах переписей, можно значительно обогатить за счет получения новых данных путем перегруппировки цифр в таблицах и пересчетов абсолютных и относительных показателей.

Меньшая часть итогов переписей опубликована ЦСУ СССР и РСФСР, их местными органами в открытой печати. Большинство материалов хранится в архивах: в центральных – разработки итогов в разрезе краев, областей, автономных и союзных республик, в региональных – в разрезе районов. Степень сохранности материалов переписей различна. Переписи 1959, 1970 и 1979 гг. содержатся в фонде ЦСУ при СМ СССР в РГАЭ¹, переписи 1959 и 1970 гг. – в фонде ЦСУ при СМ РСФСР в ГА РФ², перепись 1989 г. – в архиве Росстата. В государственном архиве Красноярского края материалов переписи 1959 г., кроме нескольких таблиц по Хакасии и автономным округам, нет. Но результаты

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Т. II-IV.

² GARF. Ф. А-374. Оп. 30; 31. Т. I-III; Оп. 32. Т. II; Оп. 32а. Т. I-III; Оп. 35. Т. I-II; Оп. 36. Т. I-III.

последующих, включая переписи 1989 и 2002 гг., представлены весьма полно.

Программы четырех последних советских переписей в части учета брачности и рождаемости с каждым разом усложнялись, число показателей расширялось. В 1959 г. регистрировался упрощенный брачный статус граждан. Они были разделены на две категории : состоявших в браке на момент переписи и не состоявших в нем. Вторая категория включала в себя не состоявших никогда, вдовых, разведенных и разошедшихся. Такая группировка не позволяет реконструировать брачную структуру населения и вообще мало дает возможностей для анализа, в частности, для характеристики брачных судеб разных поколений.

Показатели рождаемости также предельно просты. Известно, что были отвергнуты предложения о проведении в ходе переписи 5%-ного выборочного обследования рождаемости для сбора более полных данных о репродуктивной сфере. Поэтому открыто опубликованные итоги переписи 1959 г. содержат весьма ограниченный круг информации по этим вопросам¹, а изданные под грифом «ДСП» в отдельных тематических сборниках мало что добавляют к ним².

На краевом уровне публикации итогов переписи 1959 г., как и последующих двух, имеют тоже самый общий характер. Их достоинство лишь в том, что они дают информацию о насе-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том). М., 1962. 284 с.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. – 456 с.

² Всесоюзная перепись населения 1959 года. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям. Городское и сельское население. М., 1959.– 69 с.; Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению. (По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.). М., 1960. 72 с.; Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. (АССР, края, области, районы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока). М., 1961. 79 с.; Национальности РСФСР. (Распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). На 15 янв. 1959 года. М., 1961. – 469 с.

лении края, поскольку многие показатели в изданиях ЦСУ представлены в общереспубликанском измерении¹.

В 1970 г. программа переписи не содержала принципиальных новшеств по сравнению с предыдущей. Ее итоги, опубликованные примерно в том же объеме, что и переписи 1959 г., содержат также ограниченную информацию о браках и рождениях и представлены чаще всего в общереспубликанском разрезе². Их конкретизируют в разрезе краев и областей изданные в то же время 10 томов «Итогов переписи» с грифом «ДСП», где представлена информация о брачности по краям и областям. Интересны приведенные там данные о состоянии в браке в связке с национальным признаком. Представленная в общереспубликанском масштабе, эта информация нацеливает исследователей на поиск в архивах тех же данных, разработанных на уровне краев и областей³.

По итогам переписи 1970 г. также опубликованы несколько тематических сборников, например, посвященный семье⁴. Из него можно почерпнуть основные характеристики семей и, следовательно, косвенные данные о рождаемости. В другом сборнике представлены в виде таблиц итоги изучения мнений населения относительно мер, которые надо принять, чтобы максимально вовлечь женщин во внедомашнее производство. Их можно использовать для характеристики факторов рождаемости⁵.

Перепись 1979 г. имела более широкую программу изучения и рождаемости, и брачности. Но ее официальные итоги, опубликованные в одном томе, представляют лишь валовые общероссийские, при этом самые общие, демографические показатели⁶.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Красноярскому краю (сводный том). Красноярск, 1963. 91 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Красноярск: ноябрь 1971. 78 с.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. В 7 т. М., 1972-1974.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. Ч. 2. М., 1971. – 561 с.; Т. 4. Ч. 2. М., 1972. – 237 с.

⁴ Число и состав семей в РСФСР. (По материалам Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1974. – 429 с.

⁵ Незанятое население РСФСР: по данным Всес. Переписи населения 1970 г. Т. I-II. М., 1971.

⁶ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. – 366 с.

«Ситуацию спасают» изданные «для служебного пользования» 10 томов (в 20 книгах)¹ итогов. Многие интересующие нас показатели там представлены не только в общероссийском, но и в региональных разрезах, с разделением на город и деревню. Во втором томе содержатся сведения о состоянии в браке населения по полу и возрасту, в четвертом – те же показатели по самым крупным национальностям, но, к сожалению, по РСФСР в целом². Такая же информация в разрезе краев и областей сохранилась в архиве. Кроме того, она имеется в публикации краевого статуправления под грифом «ДСП», содержащей важные данные об этническом составе населения края и межнациональных браках³

С 1979 г. брачное состояние впервые стало фиксироваться развернуто. Население в итогах переписи представлено уже в пяти категориях: состоящие в браке на момент переписи, никогда не состоявшие в нем, вдовы, разведенные (прежде состоявшие в зарегистрированном браке) и разошедшиеся (состоявшие ранее в фактических браках). К сожалению, последние две категории показываются вместе, что не позволяет изучать различия между юридическими и фактическими браками, прочность тех и других. Население «по брачному состоянию» представлено в соответствии с полом и возрастом. Распределение по возрастам осуществлено с помощью следующих группировок: до 18 лет, 18–19 лет и далее по пятилетним когортам до группы «60 лет и старше».

Таким образом, только с этой переписи появилась возможность реконструировать брачную структуру населения и проследить брачную судьбу всех живущих поколений, включая военные. Оказалось, что полученные переписью 1979 г. данные расходятся с бытовавшим в обществе представлением о катастрофическом влиянии войны на судьбы женщин, находившихся в 1930–1940 гг. в активных брачных возрастах. Перепись зафиксировала неожиданно низкий показатель «никогда не состоявших

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. I–X. М., 1980–1982.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. Ч. II. М., 1980. –348 с.; Т. IV. Ч. 2. Кн. 1. М., 1981. –341 с.; Кн. 2. М., 1981. –291 с.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1980. – 123 с.

в браке» среди них. Перепись 1989 г. «подтвердила» его. Эта «нестыковка» вызвана тем, что женщины, брачный статус которых записывался с их слов, указывали не только свои «законные», но и фактические, даже самые краткосрочные союзы. Поэтому низкий уровень окончательного безбрачия затронутых войной женских поколений объясняется полигинией (последовательным многобрачием) мужчин без регистрации брака.

Перепись 1979 г. расширила возможность изучения и рождаемости. В ее программу был дополнительно включен вопрос к женщинам о числе рожденных ими детей. Результаты ответов, опубликованные с разбивкой по пятилетним группам, хорошо иллюстрируют основные тренды рождаемости в России XX в., в том числе главный – сокращение ее. У сибиряков-сельчан процесс шел быстро, но относительно плавно: катаклизмы первой половины XX в. радикально не нарушили его.

Собранная в ходе этой переписи информация позволяет изучать дифференциальную рождаемость. В публикациях «ДСП» приводятся данные о детности женщин самых крупных национальностей, а также принадлежащих к разным социальным группам и имевших разный уровень образования. К сожалению, там результаты представлены в целом по республикам¹. Но эта же информация по административным образованиям РСФСР хранится в центральных и местных архивах. Используя ее, можно видеть различия в уровне рождаемости между рабочими, колхозницами, служащими и домохозяйками, между женщинами, занятыми вне дома наемным трудом и в своем домашнем хозяйстве, между сельчанками и горожанками. Общий итог сравнений таков: различия в показателях рождаемости между выделенными социальными группами сельчан сохранились, но были очень небольшими, как и между «работающими» и «домохозяйками», женщинами с разным образованием. В их массе выделялись большей детностью только матери с начальным образованием и без него.

Итоги переписи 1979 г. по Красноярскому краю, в т.ч. по сельской местности, подтверждают тенденцию нивелировки репродуктивных процессов в социальном, территориальном

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VI. Ч. I-III. М., 1982.

и прочих отношениях¹. По материалам переписи видно, как по мере индустриализации агросферы и урбанизации всех сторон сельского образа жизни базовые ценности у сельчан приобретали все чаще внесемейный характер, как в деревне закономерно распространялись нормы малодетности, а рождаемость нивелировалась на низком уровне.

Программа последней советской переписи 1989 г. практически не отличалась от предыдущей. Брачный статус граждан регистрировался в 5 измерениях; при обследовании рождаемости устанавливалось, сколько детей родила каждая женщина и сколько из них живы. Итоги переписи публиковались в период распада СССР бессистемно: сначала 5 выпусков кратких итогов, содержащих, в том числе, сведения о половозрастном, брачном и семейном составе населения; затем были изданы несколько томов с теми же, чуть более подробными, данными. В этих публикациях встречаются национальные индикаторы. Указаны смешанные (по национальному признаку), а также однородные и смешанные в социальном плане браки².

Изданные Красноярскстатом итоги переписи 1989 г. по краю отличаются полнотой и широким набором показателей. Опубликованы несколько общих и тематических сборников, в которых представлены брачный статус и семейная структура горожан и сельских жителей в половозрастном разрезе. Отдельно выделены итоги переписи по крупным городам – Красноярску и Норильску, а также по Хакасской автономной области и двум национальным округам³. Публикации краевого статуправления

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Красноярскому краю. Красноярск: апрель 1980.– 128 с.

² Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Ч. 1–4. М., 1991–1992; Семья в СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. –234 с.; Возраст и состояние в браке населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. – 109 с.; Число и состав семей в Российской Федерации: по данным переписи населения 1989 г. Т. 1. 571 с., Т. 2, М., 1992. – 364 с.

³ Доклад об основных итогах Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Красноярского края. Красноярск, 1990. – 87 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990.– 127 с.

итогов переписи 1989 г. не сопоставимы с предыдущими по полноте информации и по характеру пользования. Они впервые появились в открытой печати и стали доступными в библиотеке.

Более подробные итоги переписи 1989 г., в том числе по многим районам края, содержатся в разработочных таблицах, отложившихся в краевом госархиве¹. Сравнение данных по очень различавшимся 42 районам края могло бы представлять особый интерес – научный и практический. К сожалению, микроисследования по проблемам исторической демографии второй половины XX в. у нас не получили распространения.

Данные переписей, фиксировавших состояние брачности и рождаемости через каждые 10 лет, конкретизируются материалами текущего статучета этих же демографических событий. До второй половины 1980-х гг. они не публиковались в открытой печати, тем более в разрезе краев и областей, и хранятся в госархивах в фондах статорганов и в их текущих архивах. Изданы лишь несколько статсборников с самыми общими цифрами.

Более информативны сборники, издававшиеся в последнем советском тридцатилетии в центре и на местах для «служебного пользования». В них приведены абсолютные и относительные показатели основных демографических процессов, текущие расчеты динамики брачности и рождаемости во внутрирегиональных разрезах². Однако, опубликованные крайне малым тиражом и редко поступавшие в спецхраны даже самых крупных библиотек страны, они превратились в раритеты. Большинство известных нам сборников отсутствует даже в библиотеке Росстата.

Степень сохранности текущей статистики брачности и рождаемости в архивах неудовлетворительная. Она едва «покрывает» первую половину изучаемого периода. В РГАЭ, в фонде 1562, представлены, далеко не полно, материалы конца 1950

¹ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5.

² Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1982.– 136 с. Естественное и механическое движение в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 1980.– 87 с. Естественное и механическое движение населения в Красноярском крае в 1980 году: стат. сб. Красноярск, 1981.– 77 с.

– первой половины 1970-х гг.¹; в ГА РФ, в фонде А–374, хранятся те же материалы, но только по 1960-м гг.², в Красноярском краевом архиве (ГАКК), в фонде р–1300, – документация с чуть более поздними сроками. Сведения за последующие годы сосредоточены в текущих архивах статведомств, отдельные данные – в публикациях под грифом «ДСП».

Годы перестройки, отмеченные пробуждением общественного интереса к проблемам воспроизводства населения страны, вызвали «волну» публикаций текущей демографической статистики в центре и на местах. Несопоставимые по полноте информации с «аскетичными» изданиями предыдущих десятилетий, они уже не имели, как в прежде, статус секретных. Но, изданные малым тиражом, по-прежнему «для служебного пользования», а не для научного анализа, они так и остались малодоступными для исследователей³.

Из совокупности статсборников и архивных материалов можно извлечь отдельные цифры и динамические ряды относительных и абсолютных показателей естественного движения населения, в т.ч. сведения о распределении родившихся по полу, очередности рождения, по возрасту, национальности, брачному состоянию и социальному положению матерей, о заключении и расторжении браков по полу, возрасту, брачному состоянию и т. д. Эти данные характеризуют отдельно городское и сельское

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26, 27, 31, 32, 33, 37. Т. 2; Оп. 44, 45. Т. 3; Оп. 47-50, 55, 337. Т. 1-3.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30, 31. Т. I-III; Оп. 32. Т. II; Оп. 32а. Т. I-III; Оп. 35. Т. I-II; Оп. 36. Т. I-III.

³ Население РСФСР: стат. сб. М., 1988.–288 с.; Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1990.–320 с.; Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1989. –390 с.; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990.–285 с.; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992.–480 с.

Естественное и механическое движение населения Красноярского края в ... году: Ежег. стат. бюллетень. В 2 тт. Красноярск. 1988–1991; Естественное движение населения Красноярского края: стат. сб. Красноярск, 1991.–75 с.; О демографических процессах в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 1988.–79 с.; О демографических процессах в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 1993. –89 с.

население регионов РСФСР, что обеспечивает возможность сравнений, но нередко требует их дополнительных пересчетов.

Завершая характеристику давно используемых в историко-демографических исследованиях данных текущей статистики и всеобщих переписей, надо отметить, что по ним можно изучать население как «объект» воспроизводства населения и очень трудно – как ее «субъект». «Поворот к человеку», необходимость которого является постулатом современной историографии, на их основе делать сложно. В изучении таких аспектов темы большую помощь могут оказать итоги выборочных социально-демографических обследований, содержащие иную по качеству информацию. Этот источник, до сих пор почти не использованный историками, требует более подробной характеристики.

Цель выборочных обследований – получение детальных сведений о составе населения и определявших его развитие факторах. В 1985 г. состоялось единственное такое всесоюзное обследование, позднее названное микропереписью, охватившее 5 % жителей. Его результаты практически не опубликованы, за исключением напечатанных в «Вестнике статистики» в 1986 г. нескольких статей и общих таблиц, мало пригодных для научного анализа. Материалы обследования хранятся в ГА РФ в виде таблиц, разработанных в региональном разрезе, в том числе в масштабах Восточной Сибири, с разделением населения на сельское и городское, по полу и пятилетним возрастным группам¹. В Красноярском краевом архиве такие материалы не обнаружены.

Программа обследования состояла из 5 разделов и 27 пунктов. Его задачи заключались в получении:

а) сведений о составе населения (по полу, возрасту, брачному состоянию, национальности, образованию, источникам средств существования, семейному положению);

б) подробной характеристики брачного состояния и хронологии его изменения;

в) развернутой демографической характеристики деторождения и действенности некоторых мер демографической политики;

¹ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 39.

- г) данных о жилищных условиях;
- д) информации об общественном мнении по поводу принятия государством первоочередных мер по улучшению условий жизни.

В программе микропереписи большинство вопросов были теми же, что при переписи 1979 г. Но значительно расширился круг вопросов о рождаемости и, особенно, о брачности.

Материалы микропереписи 1985 г. являются самым полным массовым статистическим источником по проблемам брачности в России советского периода. Такой развернутой информации больше нет нигде. В ходе обследования учитывались, как обычно, 5 категорий брачного состояния. Итоги разработаны по всему населению в возрасте 16 лет и старше. Более подробно обследованы лица в возрасте 18–69 лет (1915–1966 гг. рождения). Определен их брачный статус, для состоявших в браке – возраст вступления в первый брак, а если он прекратился, то когда и чем. Установлена доля вступающих в повторные браки и их сроки для каждой возрастной группы мужчин и женщин. По тем же параметрам изучались разводы и овдовения. Все брачные события, происходившие в жизни респондентов в первые 10 лет, учитывались по годам, позднее – по пятилетиям.

Отдельно выделены и еще более основательно обследованы браки, заключенные в 1950–1984 гг. Прослежена их судьба: процент сохранившихся, распавшихся, сроки и причины распада.

Полученные результаты обследования позволяют проанализировать развитие брачных отношений с начала 1930 гг. до сер. 1980-х гг. и статистически точно охарактеризовать динамику брачного поведения населения разного пола, возраста и места проживания (город, село).

Итоги обследования показали, что у жителей городов и деревень брачное поведение различалось, но не радикально. Причем различия были у женщин, а мужчины имели близкие показатели по всем параметрам.

Раздел программы обследования «Сведения о рождениях» предусматривал опрос всех женщин в возрасте 18–59 лет. Записывался месяц и год рождения каждого ребенка, а если кто умер,

то год смерти. Впервые появился в переписи вопрос к замужним женщинам от 18 до 45 лет о числе детей, которое они предполагают иметь (об ожидаемом числе детей). У женщин, родивших детей в 1979 г. и позднее, выяснялось, чем они были заняты на момент рождения ребёнка: работали, учились или не работали и не учились, пользовались ли отпуском по уходу за ребёнком до достижения им 1 года и до полутора лет. То есть выяснялось, как отдельные меры демографической политики использовали молодые матери и как они повлияли на деторождение.

Результаты обследования не расходятся с итогами переписей 1979 г. и 1989 г., а только углубляют их. Они подтвердили главное – наличие у сибиряков ригидной системы представлений о жизненном предназначении мужчин и женщин, об их супружеских и родительских ролях: в регионе сохранялась традиция всеобщей ранней брачности и всеобщей же ранней рождаемости.

Обследование зафиксировало десятки параметров социально-демографического качества населения и ряд показателей условий его жизни. Эти данные существенно уточняют характер развития населения в период между переписями 1979-го и 1989-го гг. и в предыдущие десятилетия, выступают основой для изучения хода перестройки в демографической сфере. Важно отметить, что они позволяют оценить результат активизации демографической политики государства в первой половине 1980-х гг., в частности, последствия его вмешательства в воспроизводство населения Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»¹. Как известно, вопрос об эффективности и даже о целесообразности вмешательства государства в брачно-репродуктивную сферу по-прежнему остро актуален в практическом плане и дискуссионен в научном.

Оценивая итоги микропереписи 1985 г. как незаменимого источника информации, надо отметить их недостатки. Первый, с точки зрения исследователей населения Красноярского края, заключается в том, что они разработаны преимущественно по Восточной Сибири в целом. И далеко не все показатели представлены

¹ СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.

в таблицах в разрезе административно-территориальных образований региона. В результате иногда приходится пользоваться усредненными общерегиональными показателями, не всегда можно провести сравнения и установить внутрирегиональные различия. А они, судя по другим источникам, были значительными.

При разработке результатов обследования не были разделены юридически оформленные и фактические браки (сожителства). Это является крупным недостатком источника, поскольку без данных о свободных браках трудно изучать демографический переход. Но в советский период информация о фактических браках не собиралась, и обследование 1985 г. не стало исключением.

Еще один крупный недостаток источника – отсутствие национальных (этнических) индикаторов брачности. Общность черт в процессах образования семей у разных народов, живших в крае, не исключала наличия у них различий. Но они в ходе обследования не учитывались. К числу недостатков также относится отсутствие данных о возрастах партнеров в сложившихся союзах.

Благодаря выборочному обследованию 1985 г., появилась новая информация факторного порядка, уточняющая условия, в которых развивались рождаемость и брачность. В частности, были получены и обработаны сведения о жилищных условиях. Собирались, но, к сожалению, не были обнародованы результаты учета мнений граждан о первоочередных мерах, которые необходимо принять государству для улучшения условий жизни, а также о среднемесячных доходах обследуемых.

Важным источником информации являются результаты второго социально-демографического обследования, уже Всероссийского, проведенного в 1994 г. в режиме микропереписи и охватившего тоже 5% населения страны. Как и в 1985 г., наряду с демографическими характеристиками, изучались жилищные условия, уровень образования, источники средств существования населения, т. е. факторы демографических процессов. Результаты этого выборочного обследования, в отличие от первого, опубликованы в нескольких тематических сборниках, хотя и небольшим тиражом, в разрезе административно-территориальных образо-

ваний, отдельно по городскому и сельскому населению¹. К сожалению, в фонде Красноярскстата в ГАККе их нет.

Микроперепись 1994 г. отличилась от всех предыдущих переписей намного более широким кругом вопросов – всего 41 (в том числе 36 – сведения личного характера и 5 – данные о жилищных условиях). Наряду с традиционными для переписей вопросами о поле, возрасте, брачном состоянии, уровне образования и т. д. были и новые, например, о характере брака. Впервые выяснялось, зарегистрирован он или нет. Таким образом, наконец, появилась возможность изучать этот важный признак модернизации воспроизводства населения, в частности, второй демографический переход. Результаты микропереписи 1994 г. показали высокую распространенность фактических браков в сельской местности Красноярского края – 15,5 % от общего числа брачных союзов против 8,8 % в целом по деревням России².

Обследование также учитывало брачный статус лиц в возрасте 15 лет и старше по пяти категориям; в каком по счету браке состояло в настоящем или прошлом времени обследуемое лицо; время его вступления в первый брак; время и причина прекращения первого брака, время вступления во второй брак и т. д.

Круг собираемых сведений о рождениях тоже расширился. У женщин выяснялось общее число детей, родившихся живыми (включая умерших), время рождения каждого ребенка, если умер, то время смерти, если проживает отдельно, то с какого года и т. п. К впервые заданному в 1985 г. вопросу об ожидаемом числе детей в 1994 г. добавился важный для изучения репродуктивного поведения вопрос о желаемом числе детей у всех женщин в возрасте 15–44 лет независимо от брачного состояния. О необходимости изучения потребности в детях демографы начали говорить в СССР с сер. 1960-х гг., в 1970–1980 гг. было проведено несколько локальных обследований в крупных городах. Но только благода-

¹ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М., 1994. – 89 с. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995. –122 с.

² Состояние в браке и рождаемость в России. М.,1995. –С. 44, 49.

ря микропереписи 1994 г. появилась возможность изучать его на территории всей России.

По информации о желаемом и ожидаемом числе детей можно определить: 1) масштабы развивавшегося демографического кризиса в России и его особенности в регионах, 2) влияние внешних условий на реализацию репродуктивных потребностей людей; 3) возможности традиционной социально-демографической политики поднять уровень рождаемости.

Для историков особенно важны данные о различиях этих показателей в разных возрастах, особенно в группе 35–39 лет (возрастах рождения последних детей у большинства женщин) и более старших когортах как яркого индикатора эволюции репродуктивной сферы в последние советские десятилетия.

Сравнение общероссийских и краевых результатов микропереписи 1994 г. и других источников показывает, что основной тенденцией развития рождаемости в сельской местности края было ее снижение. Оно проходило в рамках этого же процесса в целом по селам России, но на более высоком в количественном плане уровне. До конца советского периода эта дистанция сохранялась. Статистика позволяет раскрыть особенности краевой модели рождаемости по многим параметрам. Сравнение же показателей разных (35–39 и 20–24 года) возрастных групп городского и сельского населения указывает на перспективу значительно большего изменения рождаемости у сельского населения, чем у городского.

Результаты обследования 1994 г., разработанные в половозрастном разрезе, важны для оценки демографической ситуации в стране и ее регионах в последние советские десятилетия, итогов изменения сферы воспроизводства новых поколений за советскую эпоху и стартовых условий ее развития в новый период российской истории, для определения ее перспектив.

При изучении населения советского периода нельзя игнорировать также данные всероссийских переписей 2002-го и 2010-го гг. В частности, содержащиеся в них сведения о брачной структуре сельчан разных возрастов и о числе детей, рожденных

женщинами, чей репродуктивный возраст пришелся на последние советские десятилетия¹.

К сожалению, программа переписи 2002 г. значительно потеряла по сравнению с микропереписью 1994 г. Из нее исчезли многие показатели, первоначально предназначавшиеся для изучения брачности и рождаемости. Например, вопрос о планируемом (ожидаемом) числе детей, необходимый для оценки характера рождаемости в разных поколениях советских матерей, как и вопрос о желаемом числе детей. В переписи 2002 г. женщины, состоящие в браке, опрашивались об их «брачной» и «репродуктивной» историях выборочно.

Неотъемлемой частью изучения демографических процессов является анализ определявших их развитие факторов. Остановимся только на одном – половозрастной структуре населения. Известно, что в последние десятилетия советского периода данные о ней считались секретными, в открытой печати публиковались очень редко и в упрощенном виде. По ним нельзя проследить динамику структуры населения в этот период. Однако издания итогов переписей под грифом «ДСП» вместе с хранящимися в архиве разработочными таблицами с пятилетними и особенно однолетними интервалами дают возможность воссоздать ее динамику на уровне административных образований и в сравнении с Россией в целом.

Комплекс статистических источников, составляющих основу информационной базы общероссийских и региональных социально-демографических исследований населения второй половины XX века, в том числе рождаемости и брачности, не поддается однозначной оценке. С одной стороны, состояние и советской, и современной российской статистики

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002. В 14 тт. М., 2004-2005: Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке; Т. 12. Рождаемость; Т. 13. Коренные малочисленные народы Российской Федерации; Т.14. Сводный том «Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.

Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.: Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке; Т. 6. Число и состав домохозяйств; Т. 10. Рождаемость; Т. 11. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // http://www.gsk.ru/free_doc/new_site/perepis2010

специалистами оценивается как совершенно не соответствующее ни практическим, ни, тем более, научным задачам, и характеризуется не иначе, как неблагополучное. Это неблагополучие имеет разные проявления, начиная с бедности имеющейся информации. Демографы, сравнивая ее со статистикой развитых стран, единодушны в том, что необходим сбор намного более подробных и дифференцированных сведений [4, с. 7–17]. Второй признак неблагополучия – ее плохая сохранность и слабая доступность. Прежде главной причиной ее «недоступности» была засекреченность, теперь, в первую очередь, – финансовые препятствия.

С другой стороны, исследователи демографической истории России второй пол. XX в. имеют в своем распоряжении такое богатство статистических материалов, которое не сравнимо с остальными периодами отечественной истории. Статистические источники в совокупности соответствуют принципам комплексности, системности и динамичности, отражают изучаемый объект в многообразии его структурных элементов и взаимосвязей с учетом изменений во времени. Они позволяют реконструировать динамическую картину развития населения с достаточной точностью и полнотой, провести сравнения по многим показателям, необходимым для выяснения специфики развития населения на разных территориях, в городах и деревнях. То есть, в распоряжении исследователей имеется информация высокой степени интенсивности.

Особую проблему составляет ее использование. Она тоже имеет много проявлений, начиная с того, что информационные возможности введенных в оборот источников используются в очень малой степени, основная часть статистики не востребована, игнорируются целые комплексы статистических материалов, и заканчивая низкой культурой многих пользователей данными демографической статистики, часто просто не понимающих смысла ее показателей.

Анализ материалов всеобщих и микропереписей, текущей статистики населения позволяет делать вывод о наличии значительных резервов демографической информации, вовлечение ко-

торой в научный оборот позволит улучшить качество будущих исследований сферы воспроизводства населения России во второй половине XX века, необходимых для адекватной оценки современной реальности.

Список литературы

1. Михеева, А. Р. Тренды демографических процессов и трансформации отношений в сфере частной жизни: анализ исторических и современных материалов. / А. Р. Михеева. // Проблемы исторической демографии Сибири. Сб. науч. тр.– Новосибирск, 2013. Вып III. С. 287–308.

2. Киселева, Г. П. О чем рассказывают переписи населения. / Г. П. Киселева, А. Я. Кваша. – М., 1983. – 103 с.

3. Исупов, В. А. Источники по изучению демографической истории Сибири (1917-1960) / В. А. Исупов. // Источники по истории освоения Сибири в советский период.– Новосибирск, 1988. С. 7–22.

4. Вишневский, А. Г. Что знает и чего не знает российская демографическая статистика. / А. Г. Вишневский, С. В. Захаров. // Вопросы статистики. – М., 2010. № 2. С. 7–17.

СВОДНЫЕ ВЕДОМОСТИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1970 ГОДА ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РЕГИОНА

Перепись населения – один из важнейших статистических исторических источников. Особенно велико ее значение для демографической истории. Сводные ведомости позволяют получить информацию о распределении постоянного и наличного населения, районов, городов и сельских населенных пунктов Красноярского края по возрасту и источникам средств существования, по общественным группам и по уровню образования.

Богатый материал представлен по миграциям. Показаны следующие сведения: распределение населения, живущего в данном месте менее 2-х лет по предыдущему месту постоянного жительства; распределение населения по продолжительности проживания в данном месте и возрасту; миграционное движение населения Красноярского края.

Особо ценным источником являются дела, содержащие сопоставление итогов переписей населения 1959–1970 гг. по Красноярскому краю с аналогичными данными по Восточно-Сибирскому экономическому району и по РСФСР. Сравнение идет по численности населения, по полу и возрасту, брачному состоянию.

Сводные ведомости Всесоюзной переписи населения Красноярского края 1970 г., как и аналогичные материалы других региональных архивов (например, Иркутской области), свидетельствуют об активных процессах демографической модернизации в Восточной Сибири, которые нашли выражение в преобладании городского населения над сельским, концентрации

населения в крупных городах, повышенной миграционной активности, росте продолжительности жизни, сокращении естественного прироста, снижении смертности, в первую очередь младенческой и детской, формировании малой семьи, изменении брачного поведения и т. д.

Таким образом, материалы Всесоюзной переписи 1970 г. по Красноярскому краю, в частности, сводные ведомости, являются важным историческим источником, позволяющим увидеть нюансы демографического перехода и уточнить хронологию происходящих процессов.

***Ключевые слова:** перепись, население, 1970 г., Красноярский край, сводные ведомости, исторический источник, демография*

Статистические данные, как правило, собираются для получения информации в целях выработки стратегических управленческих решений. Эта работа проводится по специально заданной программе, рассчитанной на получение ответов на конкретные вопросы и обработку полученных данных методами математической статистики, что заставляет вводить в формуляр «избыточную» информацию. В новейшее время в статистике получили преобладание переписи [1, с. 428]. Они являются источником наиболее точных и надежных данных о населении, а также позволяют заполнить пробелы в изучении этнодемографических процессов.

Согласно определению Статистической комиссии ООН, перепись населения – это «единый процесс сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации, или распространения иным образом, демографических, экономических и социальных данных, относящихся по состоянию на определенное время ко всем лицам в стране или четко ограниченной части страны».

Перепись населения – один из важнейших статистических исторических источников. Особенно велико ее значение для демографической истории. Как заметил д.и.н. В.А. Исупов, «переписи дают как бы моментальный снимок населения, его неподвижное, застывшее изображение» [2, с. 22].

Переписи проводились в СССР в послевоенный период с определенной регулярностью : в 1959-м, 1970-м, 1979-м и 1989 -м - гг. К сожалению, программа, принципы и методы сбо-

ра и обработки материала значительно различались в разные периоды, что затрудняет их сопоставление.

Перепись 1970 г. представляет собой переходный этап от традиционных способов работы к технологичным. Она значительно подробней, чем перепись 1959 г., в ней больше параметров и возможностей для анализа. Учитывалось постоянное и наличное население. Впервые в практике советских переписей часть сведений была получена только от 25 % жителей. Метод переписи – опрос, но допускалось и заполнение переписных листов самими опрашиваемыми.

К сожалению, именно эта специфика и обусловила недостаточную востребованность материалов переписи исследователями. Обычно сопоставляют данные переписей 1959-го и 1979-го гг.: это удобнее и нагляднее при изучении общих процессов, хотя без 1970 г., важного рубежа демографического и урбанизационного развития, и без данных, собранных этой переписью, важные аспекты (особенно на региональном уровне) ускользают от внимания ученых.

Программа переписи 1970 года состояла из следующих форм: 1) переписной лист сплошной переписи; 2) переписной лист выборочной переписи; 3) опросный лист для лиц в трудоспособном возрасте, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве; 4) бланк учета передвижения населения от места жительства до места работы или обучения¹.

Переписной лист состоял из 11 вопросов: отношение к главе семьи, причина и время отсутствия (для временно отсутствующих), место постоянного жительства и время отсутствия в нем (для временно проживающих), пол, возраст, брачное состояние, национальность, родной язык, а также другой язык народов СССР, которым опрашиваемый свободно владеет, уровень образования, тип учебного заведения (для учащихся), источник средств существования. Для изучения городской демографии перепись представляет особый интерес в первую очередь потому, что в ней впервые представлен материал по отдельным городам.

¹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/73672>

В программу выборочной части переписи были включены 7 признаков: место работы, занятие (для пенсионеров – прежнее основное занятие), общественная группа. Эти три вопроса делали сопоставимыми данные новой переписи с прежними. Также указывались характер и продолжительность работы в 1969 году (для работавших в 1969 году неполный год). Таким образом, была предпринята попытка изучить продолжительность работы в сезонных и других отраслях хозяйства, сопоставить среднегодовую численность занятых по переписи с данными текущей статистики.

Новой позицией стали и данные по миграции. Учитывались продолжительность проживания в месте переписи, место предыдущего постоянного жительства, причина перемены места жительства. К мигрантам относились лица, прожившие непрерывно на постоянном месте жительства менее двух лет. Сведения о предыдущем месте жительства позволили получить данные о миграционных потоках. Также был поставлен вопрос о причинах миграции. В крупных городах (с населением свыше 500 тыс. жителей) проводилось обследование маятниковой миграции [3, с. 120–121].

Обработка материалов переписи проводилась на быстроедействующих электронно-вычислительных машинах «Минск-32», что также было новшеством. Применение ЭВМ дало возможность, в отличие от переписи 1959 года, получать без дополнительных затрат готовые высококачественные итоговые таблицы и проводить ряд контрольных операций¹. Материалы переписи представляют собой большие шитые неформатные таблицы, заполненные либо вручную, либо с использованием машинописи.

Итоги переписи были опубликованы в семи тематических томах, изданных в 1972–1974 гг. Однако большая часть данных была предназначена только для служебного пользования и не подлежала публикации в открытой печати.

¹ <http://do.gendocs.ru/docs/index-239774.html>;

<http://istoriirossii.ru/sss/97-provedenie-perepisej-v-sssr.html?start=5>

Избранная для анализа дата переписи важна не только в плане изучаемого источника, но и для нашего региона. Для Восточной Сибири, в которой процессы индустриального развития шли медленнее, чем в центре страны или на Урале и в Западной Сибири, 1970 г. стал рубежом, когда городское население стало значительно преобладать над сельским (70%), а темпы роста некоторых демографических показателей превысили аналогичные в центральных регионах.

Кроме того, для Красноярского края 1970 г. является рубежом начала «Красноярской десятилетки», которая стала эпохальным событием, превратившим регион в крупный, быстро развивающийся индустриальный центр с активной урбанизацией. Она стимулировала значительный приток мигрантов из других регионов и местное перераспределение населения, в первую очередь между городом и деревней, малыми и крупными городами, севером и югом.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г. содержатся в ГАКК (Государственный архив Красноярского края) Ф. 1300 – Красноярское краевое статистическое управление. Фонд охватывает период с 1930 по 2002 гг. и включает 7 описей (нумерация идет не по количеству: 6, 8 – 11 описи отсутствуют) и 26362 дела. Интересующие нас документы сосредоточены в трех описях. В частности, опись №5, особо ценная, содержит документы периода 1954–1996 гг., объединенные в 7368 дел и включает: инструкции ЦСУ при Совете Министров СССР о порядке проведения Всесоюзной переписи населения; распределение населения по национальности, по источникам средств существования и по возрасту, по полу, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования, по продолжительности проживания в данном месте; сведения о численности наличного и постоянного населения по краю; сводные годовые статистические отчеты о половом и возрастном составе сельского населения, о пострадавших при несчастных случаях на производстве, о жилищном фонде и численности проживающих; сводные итоги миграции населения; статьи по социально-демографическому

обследованию населения; группировку городов и поселков городского типа по численности населения, районов по численности населения.

Опись № 7 содержит материалы 1959–2006 гг., сброшюрованные в 1674 дела. Здесь находится основной объем документов Всесоюзной переписи населения (указания и приказы ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР, итоги, сводки, сведения), в том числе и за 1970 г.

Опись №12 охватывает период 1934–1981 гг. и включает 902 дела, в том числе: приказы и указания Госплана и ЦСУ; годовые отчеты по естественному движению населения; разработочные таблицы по механическому движению населения; сведения о естественном движении населения; инструкции по проведению Всесоюзной переписи населения; итоги переписи населения; сводные ведомости по переписи населения. Эта опись была рассекречена только в 2004–2011 гг.¹

Чрезвычайно интересно структурирование материалов переписи по городам и районам, что позволяет вычлнить характеристики городского населения и сравнить их с сельским, а также сопоставить параметры демографического развития отдельных городов как внутри региона, так и с сопредельными областями. Важны и сводные таблицы, позволяющие проследить соотношение возраста, занятости населения и образования.

Серьезную трудность для оформления ссылок составляет нумерация листов в делах. Она осуществлена не везде, дана отдельными блоками, иногда отсутствует совсем. Это объясняется тем, что данные материалы были полностью засекречены и исследователям не выдавались. Выдача стала осуществляться относительно недавно, но и она значительно ограничена в связи с переездом в новое архивохранилище. В тоже время объем материалов чрезвычайно велик, и обработать их при наличествующем составе работников достаточно сложно. Вторым фактором является низкая востребованность данных материалов. Только в последнее десятилетие к ним стали обращаться специалисты, что обусловлено, с одной

¹ ГАКК. Ф.Р-1300, Оп. 5, 7, 12.

стороны, недостаточным интересом к советской истории второй половины XX века, тем более демографической, а с другой стороны, тем, что материалы в массе своей опубликованы в виде статистических сборников и/или размещены в сети интернет¹. Таким образом, ни внутреннего, ни внешнего стимула к обработке документов нет. В то время как они имеют особо ценный характер и чрезвычайно высокоинформативны.

В этом плане заметим, что привычка некоторых молодых историков пользоваться опубликованными статистическими данными (см., например, работы А. Задорина, Д. Гаврина [4, 5] и др.) ведет к тиражированию далеко не всегда достоверных показателей и загоняет исследование в узкий коридор параметров, представленных в опубликованных материалах. В то же время документы переписи являются неисчерпаемым источником, позволяющим проводить изучение с применением всей палитры методов демографической науки.

В данной статье сосредоточимся на сводных ведомостях переписи. Они содержат уже обработанные и уточненные материалы, о чем говорят, например, сопроводительные документы, инструкции ЦСУ и др. Расчеты и печать текста выполнены с помощью ЭВМ. Часть из них представляет машинные бланки, заполненные от руки (Норильск), что, очевидно, связано с поздним получением данных.

Многочисленные правки и пометки в самом тексте источника позволяют видеть, как шел процесс обработки и доработки данных. Кроме того, изредка можно встретить и первичные переписные листы, отдельные документы внутренней переписки сотрудников, осуществлявших проведение переписи.

Также важно, что сводные региональные таблицы включают гораздо большее количество показателей, чем те, которые представлены в статистических сборниках. Например, в опубликованных материалах нет данных об образовании горожан, а также демографических характеристик населения

¹ См. например: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=4>; <http://istmat.info/library>

отдельных городов, что представляет особую ценность для нашего исследования. В частности, сопоставляя общее наличное население, городское население района и собственно городов, можно вычленил население закрытых городов.

Сводные ведомости позволяют получить информацию о распределении постоянного и наличного населения, районов, городов и сельских населенных пунктов Красноярского края по возрасту и источникам средств существования, по общественным группам, уровню образования. Дана группировка сельских населенных пунктов по типам и численности населения. Подсчитаны распределение пенсионеров по прежним основным занятиям и возрасту; численность членов семей и одиночек по краю, группировка семей по районам; распределение населения состоявшего в браке по полу и возрасту по районам и городам края¹.

Богатый материал представлен по миграциям. Показаны распределение населения, живущего в данном месте менее 2-х лет по предыдущему месту постоянного жительства; распределение населения по продолжительности проживания в данном месте и возрасту; миграционное движение населения Красноярского края. Миграционные процессы даны с разбивкой на городское и сельское население, по полу и возрасту, продолжительности проживания, по общественным группам, причинам миграции. Цифры сопровождаются их достаточно подробным анализом. Отдельно подшит материал по продолжительности проживания на одном месте. Дела состоят из текстов, набранных на печатной машинке, и не имеют правки чернилами, что позволяет предположить, что это уже чистовые записи. Таблицы частично выполнены машинописным способом с заполнением заголовков от руки².

Особо ценным источником являются дела, содержащие сопоставление итогов переписей населения 1959–1970 гг. по Красноярскому краю с аналогичными данными по Восточно-

¹ ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.7. Д. 12, 112, 113, 115.

² ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.7. Д. 64, 113.

Сибирскому экономическому району и по РСФСР¹. Сравнение идет по численности населения, по полу и возрасту, брачному состоянию. Городское население выделено, однако разбивки по городам нет. Отдельно рассчитаны данные по миграции населения, к сожалению, только за 1968–1969 гг., но они настолько ярки, что заслуживают отдельного упоминания. Сравнение отлично иллюстрирует динамику движения населения: в Красноярском крае оно не только в 4 раза выше, чем в РСФСР, но даже активнее, чем по ВС региону в целом. Выделена численность населения, с разбивкой по полу, проживавшего на месте переписи менее 2-х лет, а также по продолжительности проживания на данном месте от года до 25 лет в процентном отношении к остальному населению. К сожалению, эта важная таблица не датирована; следует предположить, что она также относится к 1968–1969 гг., так как листы подшиты друг за другом и имеют общие заголовки и нумерацию.²

Также большой интерес представляют сравнительные таблицы по численности семей и одиночек на 1000 населения по полу, включающие и графу по городскому населению; по типовому распределению семей (бездетные, с одним родителем, одна брачная пара, с одним из родителей супругов и др.), по общественным группам и числу детей и возрасту матери, по возрасту обоих супругов. Кроме того, посчитаны одиночки и лица, проживающие отдельно от семьи. К сожалению, эти данные нельзя сопоставить с более ранними переписями, так как там подобные таблицы отсутствуют. Сопоставление представлено только относительно группировки семей по размеру³.

Основной интерес для исследователя-урбаниста представляет возможность провести дифференциацию населения отдельных городов по полу и возрасту, а также по возрасту и состоянию в браке, миграционной подвижности. Можно также проследить связь между образованием и

¹ ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.7. Д. 58.

² ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.7. Д. 58, Л. 31–33.

³ ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.7. Д. 110–111.

брачностью, миграционной активностью и возрастом, возрастом родителей и количеством детей. Наиболее полные данные можно получить по региональным и национальным центрам: Красноярску и Норильску, Абакану и Дудинке. Отсутствующие данные по разводам, рождению и смертности легко восполняются по материалам ЗАГС.

Перепись позволяет четко определить демографические характеристики городского населения в качестве «моментальной фотографии» на 1970 г., а расчеты, которые можно сделать на основании представленных показателей, дают хорошие исследовательские перспективы.

Всесоюзные переписи населения в сочетании с итогами разработочных материалов являются источником, который представляет наиболее полную и точную информацию по исследуемой проблеме.

Сводные ведомости Всесоюзной переписи населения Красноярского края 1970 г., как и аналогичные материалы других региональных архивов (например, Иркутской области), свидетельствуют об активных процессах демографической модернизации в Восточной Сибири, которые нашли выражение в преобладании городского населения над сельским, концентрации населения в крупных городах, повышенной миграционной активности, росте продолжительности жизни, сокращении естественного прироста, снижении смертности, в первую очередь, младенческой и детской, формировании малой семьи, изменении брачного поведения и т.д. и, согласно книге В. И. Переведенцева (самой ранней аналитической работе по итогам переписи), эти процессы были аналогичны происходящим в стране в целом [6].

В то же время сводные ведомости показывают специфику этих процессов в Красноярском крае. Очень хорошо видно, что повышенная роль механического прироста в формировании городского населения, а также концентрация молодежи в городах с крупным промышленным производством и/или активным строительством, которые отмечаются в Сибири и на Севере, в нашем регионе прослеживается только в городах-

новостройках (Норильск, Дивногорск), которые и диктуют динамику показателей. Наблюдается резкая дифференциация по всем аспектам демографического перехода при сравнении «старых» и «молодых», крупных и малых, северных и южных городов.

С другой стороны, сравнительные таблицы 1959 и 1970 гг. позволяют увидеть, какие значительные изменения произошли за 11 лет. Наиболее яркие показатели – рост численности населения в целом и городского населения в том числе, а также увеличение продолжительности жизни и сокращение смертности, особенно младенческой.

Таким образом, материалы Всесоюзной переписи 1970 г. по Красноярскому краю, в частности, сводные ведомости, являются важным историческим источником, позволяющим увидеть нюансы демографического перехода и уточнить хронологию происходящих процессов.

Список литературы

1. Данилевский, И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие./ И. Н. Данилевский. В. В. Кабанов, О. М. Медушевская. – М., 1998. – 702с.
2. Исупов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки./ В. А. Исупов. –Новосибирск, 2000. – 244 с.
3. Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 352 с.
4. Гаврин, Д. А. Развитие социально-демографической структуры населения Красноярского края в 1971–1980 гг. : автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Гаврин. – Красноярск, 2005. – 24 с.
5. Задорин, А. В. История демографического развития Красноярского края (1970–2002 гг.): автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук / А. В.Задорин. – Томск, 2013. – 32 с.
6. Переведенцев, В. И. Население СССР/ В. И. Переведенцев. – М., 1972.

УДК 314.18(571.17)

К. А. Заболотская, А. В. Бельков
E-mail: noi@history.kemsu.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНА (1998 – 2015 ГОДАХ)

В статье рассматриваются изменения демографической ситуации в Кемеровской области в XXI в., наступившие под воздействием внешних и внутренних факторов, характеризуется социальная политика в регионе и ее влияние на динамику населения, естественное воспроизводство, соотношение городского и сельского населения, его социальный и национальный состав.

***Ключевые слова:** население, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, социальная политика, национальный состав.*

Завершающий год XX в. вошел в историю России неординарным событием. Впервые первое лицо в государстве, Президент, добровольно подал в отставку, и пост и. о. Президента России до официального избрания, 26 марта 2000 г., занял В. В. Путин.

Положение в стране было сложное, если не сказать критическое. Закрывались или работали неполное рабочее время предприятия, значительная часть работающих не получала совсем или получала неполную заработную плату, пенсионерам не выплачивалась пенсия, в магазинах были пустые полки, продукты и товары первой необходимости (далеко не все) продавались по талонам.

Сложной была ситуация и в Кемеровской области, которая в последние годы уходящего XX в. шла по тому же пути. Ситуация стала постепенно меняться после смены руководства области. В июле 1997 г. губернатором Кемеровской области был назначен Аман Гумирович Тулеев, в октябре того же года подтвердивший свою легитимность избранием на этот пост. В 1997 г. за А. Г. Тулеева отдали голоса 94,5 % избирателей при явке 52,05 %. Через 18 лет при участии в выборах 93,51 % избирателей кандидатуру А. Г. Тулеева на пост губернатора поддержало 96,69 % голосовавших¹. Возглавив администрацию Кемеровской области, губернатор взял курс на восстановление и подъем промышленности, поддержку аграрного сектора и проведение активной социальной политики.

Первое, с чего начал новый губернатор, – восстановление базовой отрасли экономики области, угольной промышленности. На Чрезвычайном съезде шахтеров Кузбасса, проведенном в декабре 1997 г., состояние угольной отрасли А. Г. Тулеев оценил как катастрофическое; хуже, чем было состояние Донбасса после его освобождения от фашистской оккупации [1, с. 20, 24, 53]. В отрасли была развернута форсированная, не проработанная до конца программа реструктуризации, в результате которой за 1994–1997 гг. в бассейне выбыло из строя 44 угольных предприятия, 43 шахты и один разрез, 10 были закрыты полностью, остальные находились в стадии закрытия. Произошло не только резкое падение объемов добычи угля. Без работы, а следовательно, и без заработной платы, остались не только сами шахтеры, но и члены их семей, занятые в сфере социального обслуживания угольных предприятий. Новое руководство прекратило массовое закрытие шахт, где это было возможно, попыталось восстановить закрываемые шахты и стало готовиться к строительству новых угольных предприятий. Постепенно начались выплаты задержанной заработной платы и пенсий.

Оперативно и сразу решить все злободневные вопросы команда А. Г. Тулеева не могла. Финансовая помощь, оказанная области, была недостаточна. Но постепенно ситуация стала ме-

¹ Аргументы и факты. № 38. Сентябрь 2015.

няться. Снижился градус социальной напряженности. Недовольные шахтеры вышли «на рельсы» в последний раз в конце июля 1998 г. В лучшую сторону стало изменяться положение и в других отраслях. Год 1998 стал для Кузбасса переломным. В следующие 18 лет (1998–2015 гг.) социально-экономическая обстановка в области, несмотря на кризис 2008–2009 гг. и современную сложную ситуацию, в корне изменилась и стабилизировалась. Только в угольную промышленность инвестиции достигли почти 630 млрд. руб., было построено 84 предприятия по добыче и переработке угля, создано более 30 тыс. новых рабочих мест¹. Добыча угля выросла почти в 2,2 раза с 97,6 млн. т в 1998 г. до 210,8 млн. т в 2014 г.² Нарастают инвестиции и увеличиваются объемы производства в других базовых отраслях – металлургии, на нефтеперерабатывающих и химических предприятиях и др.³ Все более уверенные позиции занимает аграрный сектор. Начиная с 2007 г. урожай зерновых в области стабильно превышает 1 млн. т.⁴ Особо следует сказать о социальной программе в Кемеровской области. Она многогранна, постоянно расширяется и в той или иной степени охватывает все нуждающиеся слои населения региона. Эта тема заслуживает самостоятельного исследования и распространения накопленного опыта. В данном случае мы ограничимся только несколькими примерами.

В социальной программе Кемеровской области во главу угла поставлены интересы ее населения. Не случайно губернатор А. Г. Тулеев уже не в первый раз поднимает вопрос о том, что, исходя из экологических последствий, нужно снизить наращивание объемов добычи угля, увеличив его переработку. В этих целях регулярно вводятся в строй новые обогатительные фабрики. Обогащение угля с 40 % поднялось до 73 %, и поставлена задача стопроцентного обогащения. За вклад в развитие Кузбасса мно-

¹ Кузбасс. 2015. 27 августа. Спецвыпуск. С. I.

² Российский статистический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 364; Уголь. 2015. № 3. С. 60.

³ Кузбасс. 2014. 30 декабря.

⁴ Кузбасс. История в цифрах. Кемерово, 2008. С. 136; Аргументы и факты. № 13. 2015. С. 5.

гие жители области получают дополнительную кузбасскую пенсию. Ветераны труда пользуются правом бесплатного проезда на городском транспорте и по области, дотациями за оплату ЖКХ. Студенты получают ссуды на образование, имеют право на частичную компенсацию оплаты за снимаемое жилье. Получают поддержку студенческие семьи, имеющие детей. Большая помощь оказывается сельскому населению в развитии личного подсобного хозяйства. В области ведется большое жилищное строительство. В последние годы ежегодно вводится в строй более 1 млн. кв. м. нового жилья. В него переселяются жители из так называемых «подработанных» территорий (результаты деятельности угольной отрасли); проживающие в ветхих, подлежащих сносу строениях довоенных пятилеток; сироты, молодые специалисты.

Казалось бы, в таких, объективно благоприятных, условиях население области должно расти. Однако этого не происходит.

Как и по всей России, начиная с 1992 г. численность населения Кемеровской области стала сокращаться (табл. 1).

Сокращение городского и сельского населения имело свои особенности. Численность горожан сокращалась устойчиво, сельского населения – волнообразно, но направление вектора динамики было однозначно. За 1998–2015 гг. (по состоянию на 1 января) население Кемеровской области сократилось на 292215 человек, 9,7 %. Число мужчин в области уменьшилось на 180,1 тыс. человек, 12,1 %, женщин – 112,0 тыс. человек, 9,3 %¹. Полученные результаты вызывают беспокойство: более интенсивное сокращение численности мужского контингента усиливает диспропорцию полового состава населения области и в недалекой перспективе может оказать неблагоприятное влияние на демографическую обстановку.

¹ Подсчитано по: Демографический ежегодник Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 2001. С. 14; Возрастно-половой состав населения Кемеровской области на начало года. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/resources/2b97a3004870d937911fd1f7eaa5adf2/Возрастно-половой+состав+населения+Кемеровской+области+на+начало+года.htm (дата обращения: 20.09.2015).

Таблица 1

Численность и удельный вес городского и сельского населения Кемеровской области в 1992–2015 гг.*

Годы	Все население области, тыс. чел.	Городское население		Сельское население	
		Тыс. чел.	Уд. вес, %	Тыс. чел.	Уд. вес, %
1992	3106,2	2703,9	87	402,3	13
2000	2987,3	2590,3	86,7	397,0	13,3
2003	2893,4	2508,3	86,7	385,1	13,3
2004	2862,1	2483,3	86,8	378,8	13,2
2005	2832,9	2410,1	85,1	422,8	14,9
2006	2805,9	2389,1	85,1	416,8	14,9
2007	2785,9	2373,8	85,2	412,1	14,8
2008	2780,2	2369,4	85,2	410,8	14,8
2009	2776,3	2366,7	85,2	409,6	14,8
2010	2772,9	2364,4	85,3	408,5	14,7
2011	2761,2	2357,3	85,4	403,9	14,6
2012	2750,8	2350,5	85,4	400,3	14,6
2013	2742,4	2345,0	85,5	397,4	14,5
2014	2734,0	2339,8	85,6	394,2	14,4
2015	2724,9	2335,5	85,7	389,4	14,3

* Источник: Демографический ежегодник Кемеровской области. Кемерово, 1997. С. 9; Численность населения Кемеровской области на начало года. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/resources/3ff9a5804351eba5bc0dfd74665da2b8/Численность+населения+Кемеровской+области+на+начало+года.htm

Небольшое изменение удельного веса городского и сельского населения в пользу последнего для такой высоко урбанизированной территории, как Кемеровская область, не имеет принципиального значения. Причиной этого может быть не только различное соотношение рождаемости и смертности в городе и в селе, но и имевшие место изменения границ муниципальных образований в пределах Кемеровской области¹.

Естественное воспроизводство населения определяется соотношением рождаемости и смертности. В рассматриваемый

¹ Закон Кемеровской области от 8 октября 2004 г. № 64–ОЗ «Об исключении из административно-территориального устройства Кемеровской области некоторых поселений». URL: <http://www.ako.ru/ZAKON/viewzakon.asp?C27804=On> (дата обращения: 20.11.2015).

период смертность населения Кемеровской области устойчиво опережала рождаемость. Одним из важнейших условий роста рождаемости является стабильность семейно-брачных союзов.

Изменение показателей брачности и разводимости населения области проходило также волнообразно; при этом число браков, как в абсолютном, так и в относительном выражении, устойчиво превышало число разводов (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика браков и разводов в Кемеровской области
в 1998–2014 гг.***

Годы	Браки	Разводы	На 1000 населения	
			браков	разводов
1998	16381	10026	5,4	3,3
2008	25063	15577	8,9	5,5
2014	21069	14508	7,7	5,3

* Источник: Демографический ежегодник Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 2011. С. 42; Показатели естественного движения населения Кемеровской области. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/resources/13bfe2004f4d2be0a2fff7e1000af5d8/Показатели+естественного+движения+населения.htm (дата обращения: 20.09.2015).

Как видим, здесь ситуация более благоприятна. Превышение числа брачных союзов над числом разводов свидетельствует об укреплении семьи и создает объективные предпосылки для роста рождаемости.

В конце XX – прошедшие годы XXI вв. изменение численности населения Кемеровской области сопровождалось трансформацией и его качественной структуры. В меньшей степени, исходя из данных демографических переписей 2002-го и 2010 - го гг., изменялся национальный состав (табл. 3), хотя достоверность информации в ряде случаев может быть сомнительна.

Дело в том, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации национальная принадлежность в ходе опроса

населения указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась переписными работниками строго со слов опрашиваемых. При рассмотрении национального состава населения, по данным Кемеровостата, следует учитывать, что на численность населения отдельных национальностей могло повлиять то, что население имело право не отвечать на вопрос о национальной принадлежности. В связи с этим в 2010 г. у 55,9 тыс. человек, или 2,0 % (в 2002 г. – 5,2 тыс. человек, или 0,2 %), в переписных листах отсутствовали сведения о национальной принадлежности (табл. 3). При обработке материалов переписи ответы населения о национальной принадлежности были систематизированы в 190 национальностей на основе Алфавитного перечня национальностей, разработанного Институтом этнологии и антропологии РАН. За межпереписной период изменения в национальном составе обусловлены действием трех факторов. Первый фактор связан с различиями в естественном воспроизводстве. Второй фактор обусловлен внешней миграцией населения. Третий фактор связан с процессами смены этнического самосознания под влиянием смешанных браков и других обстоятельств.

Динамика возрастно-полового состава населения Кемеровской области в рассматриваемый период характеризовалась уменьшением численности лиц трудоспособного возраста и ростом демографической нагрузки на экономически активные возрастные группы (табл. 4).

Соотношение численности этих трех возрастных контингентов (менее трудоспособного возраста, трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста) свидетельствует о старении населения; при этом рост удельного веса как мужчин, так и женщин старше трудоспособного возраста опережал сокращение доли лиц моложе трудоспособного возраста (потенциальных трудовых ресурсов области). Это наглядно подтверждают данные табл. 4 и позволяют сделать следующие выводы.

В рассматриваемый период в составе населения Кемеровской области максимальный удельный вес приходился на трудоспособное население (58,5–57,1 %), но он, как видим, снижался. Эта тенденция была характерна как для мужчин, так и для женщин. Почти на 2,6 % снизился удельный вес мужского и женского контингента, а не до-

стигшего трудоспособного возраста – на 1,85 % и 3 % соответственно. Доля лиц старше трудоспособного возраста выросла почти на 4 %, в том числе женщин – на 5,2 %.

Таблица 3

**Национальный состав населения Кемеровской
области в 2002–2010 гг.***

	Человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	2899142	2763135		
Указавшие национальную принадлежность	2893901	2707236	100	100
Русские	2664816	2536646	92,08	93,70
Татары	51030	40229	1,76	1,49
Украинцы	37622	22156	1,30	0,82
Немцы	35965	23125	1,24	0,85
Чуваши	15480	9301	0,54	0,34
Шорцы	11554	10672	0,40	0,39
Белорусы	10715	6049	0,37	0,22
Мордва	7221	3932	0,25	0,15
Телеуты	2534	2520	0,09	0,09
Лица других национальностей	56964	52606	1,97	1,95
Не указавшие национальную принадлежность в переписном листе	5241	55899		

* Источник: Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Т. 4. Кн. 2). С. 1866; Национальный состав. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovo_stat/es/190b-82804f8a8e33867aaf9b972d8349/6.+Национальный+состав.pdf (дата обращения: 20.09.2015).

Таблица 4

Возрастно-половой состав населения Кемеровской области в 1998–2015 гг.*

Возраст	1998			2015		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Моложе трудоспособного возраста	человек	328761	318340	515103	264182	250921
	%	22,99	20,06	18,9	21,14	17,0
Трудоспособного возраста	человек	918071	846449	1557160	802101	755059
	%	58,48	53,34	57,14	64,16	51,2
Старше трудоспособного возраста	человек	183413	422171	652727	183846	468881
	%	20,07	12,82	23,96	14,7	31,8
Итого	человек	3017205	1430245	2724990	1250129	1474861
	%	100	100	100	100	100

* Источник: Демографический ежегодник Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 2001. С. 14; Возрастно-половой состав населения Кемеровской области на начало года. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/resources/2b97a3004870d937911fd1f7ea5ad2/Vозрастно-половой+состав+населения+Кемеровской+области+на+начало+года.htm (дата обращения: 20.09.2015).

В сложившихся условиях властями региона был предпринят ряд мер, обеспечивающих стабилизацию демографической ситуации в области. Так, в целях реализации мероприятий, направленных на повышение рождаемости и совершенствование демографической политики в Кемеровской области, распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области от 17 сентября 2015 г. № 514-р утвержден план мероприятий Кемеровской области по повышению рождаемости на период 2015–2018 годов¹.

Постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 15 октября 2015 г. № 443 утверждена государственная программа Кемеровской области «Развитие здравоохранения Кузбасса» на 2014–2016 гг., согласно которой одним из целевых показателей является увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 70 лет в 2016 г.² Одной из наиболее острых проблем, как и в предшествующий период, остается существенное различие величины этого показателя у мужчин и женщин (табл. 5).

Решением межведомственного совета по проблемам социально-демографического развития Кемеровской области 29 октября 2015 г. утвержден подготовленный отделом социального партнерства, демографии и трудовых ресурсов департамента труда и занятости населения Кемеровской области «Семейно-демографический паспорт Кемеровской области»³.

По последним данным, представленным губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым в Бюджетном послании

¹ План мероприятий Кемеровской области по повышению рождаемости на период 2015–2018 годов (утв. распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области от 17 сентября 2015 г. № 514-р). URL: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home/trudotnosheniay/demograf.aspx> (дата обращения: 10.10.2015).

² Государственная программа Кемеровской области «Развитие здравоохранения Кузбасса» на 2014–2016 гг. (утв. постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 15 октября 2013 г. № 443). URL: <http://www.ofukem.ru/DOWNLOAD/АКО/POSTN443ОТ131015.PDF> (дата обращения: 20.09.2015).

³ Семейно-демографический паспорт Кемеровской области (утв. решением Межведомственного совета по проблемам социально-демографического развития Кемеровской области 29 октября 2015 г.). URL: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home/trudotnosheniay/demograf.aspx> (дата обращения: 30.10.2015).

Таблица 5
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Кемеровской области, лет*

	Все население			Городское население			Сельское население		
	Мужчины и женщины	Муж.	Жен.	Мужчины и женщины	Муж.	Жен.	Мужчины и женщины	Муж.	Жен.
1998	64,52	58,58	70,99	64,63	58,72	70,97	63,71	57,65	71,01
2008	64,64	58,17	71,71	65,06	58,50	72,06	62,35	56,40	69,67
2013	67,72	61,50	74,04	-	-	-	-	-	-

* Источник: Демографический ежегодник Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 2011. С. 38; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2014. С. 546. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14s/Main.htm (дата обращения: 20.09.2015).

на 2016 г., продолжительность жизни населения Кузбасса достигла 68 лет. Динамика положительная. Она, безусловно, не велика, но по сравнению с 2010 г. продолжительность жизни увеличилась на 3 года. Выросло также число семей, имеющих по 2–3 и более детей¹. Эти показатели свидетельствуют о том, что активная социальная политика в регионе начинает приносить свои плоды. Если учесть, что в настоящее время значительное число молодых родителей относится к поколению 1990-х гг., отмеченных низкой рождаемостью, а число новорожденных растет, есть основания надеяться на положительные сдвиги в демографической ситуации области.

Список литературы

Тулеев, А. Г. О состоянии угольной промышленности Кузбасса и угрозе национальной безопасности России. / А.Г Тулеев. – Кемерово, 1997. – 74 с.

¹ Бюджетное послание губернатора Кемеровской области Совету народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://www.sndko.ru/tribuna/6239.html> (дата обращения: 27.11.2015).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 ГОДА

В статье «Демографические показатели российской городской семьи по данным переписи населения 2002 г.» показаны особенности проведения этой переписи, выразившиеся, прежде всего, в учёте не семьи, а семейных домохозяйств. На основе сопоставлений с данными предыдущих переписей населения изучены существовавшие в городах России разные демографические типы семьи. Показано численное преобладание простых полных семей, состоявших из брачной пары с детьми. Отмечено повышение в 2002 г. числа неполных простых и сложных семейных домохозяйств. Рассмотрены демографические факторы этого явления: прежде всего, повышение уровня смертности населения и сокращение продолжительности жизни в браке. Отмечено доминирование в российских городах однонациональных семей. Автор проанализировал процесс сокращения величины городских семейных домохозяйств, характерный для большинства российских регионов. Отметил, что наиболее многочисленными были сложные семейные домохозяйства из 2-х и более супружеских пар, родственников или без них и неродственников или без них, а также семейные домохозяйства, переходные от сложных к простым, состоявшие из одной супружеской пары с детьми и без детей и одного из родителей супругов.

Показал, что учёт в переписи населения 2002 г. продолжительности проживания населения в месте постоянного жительства позволил изучить особенности миграций населения из бывших республик СССР в Россию, выразившиеся в условиях разрастания межнациональных конфликтов и боевых действий в появлении семей беженцев и вынужденных переселенцев.

Раскрыл особенности отражения в переписи населения 2002 г.

альтернативные явления в браке и семье, выразившиеся в фиксации числа фактических, незарегистрированных в органах ЗАГС браков, а также мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, включая возрастные группы 45 лет и старше.

Ключевые слова: перепись населения 2002 г., семейные домохозяйства, городская семья, тип, величина, детность

Демографические показатели семьи, прежде всего, тип и величина, отражаются в материалах переписей населения. Изучение данных переписей населения показало, что в 2002 г., в отличие от предыдущих переписей (за исключением Всеобщей переписи населения 1897 г. и микропереписи, проведённой в Российской Федерации в 1994 г.), фиксировалась не семья, а домохозяйство, учитывающее людей, связанных организацией их совместного быта. В домохозяйстве отношения родства или свойства не обязательны, оно может включать одного человека, проживающего самостоятельно и ведущего хозяйство. Однако в демографии изучается семейное домохозяйство, включающее лиц, связанных родством [1, с. 133].

Данные переписи населения 2002 г. свидетельствовали о том, что наиболее распространённым типом семьи в городах Российской Федерации, как и в прошлые десятилетия, была **простая (нуклеарная) полная семья**, состоявшая из брачной пары с детьми или без них. Перепись населения 2002 г. зафиксировала численное увеличение в городах России семейных домохозяйств такого типа по сравнению с данными микропереписи 1994 г. Вместе с тем, при сопоставлении с данными переписей населения 1970 г. и особенно 1979 г., видно их численное сокращение. В городах России на 1000 семейных домохозяйств было простых: 1970 г. - 639, 1979 г. – 658, 1994 г. – 485, 2002 г. – 527.

Уменьшилось также число семейных домохозяйств с **одной брачной парой, с детьми и без детей, с одним из родителей супругов и другими родственниками** – соответственно 149, 125, 112, 76. Этот демографический тип обычно был переходным от сложных семейных домохозяйств к простым. Таким образом, нуклеаризация семейных домохозяйств в изуча-

емый период, как и в прошлые десятилетия, осуществлялась за счёт сокращения числа брачных пар и поколений в семье.

Между переписями населения 1970 г. и 2002 г. повысилось в российских городах число **простых неполных семейных домохозяйств** (мать или отец с детьми): на 1000 семейных домохозяйств их было в 1970 г. – 126, в 1979 г. – 131, в 2002 г. – 163. В основном это были семейные домохозяйства вдового или разведённого населения.

Тем более, что ухудшение в 1990-е гг. социальных условий жизни в России способствовало повышению **уровня смертности населения**, в том числе городского. Данные статистики зафиксировали наиболее высокие коэффициенты смертности городских жителей в 1994 г. и в 2002 г. На 1000 человек постоянного населения умерло в 1990 г. – 10,5, 1992 г. – 11,5, 1994 г. – 15,0, 1996 г. – 13,4, 1998 г. – 12,9, 2000 г. – 14,6, 2002 г. – 15,4¹.

В 1990-е гг. отмечалось сокращение продолжительности брака российского населения. Средняя продолжительность брака в России составляла в 1995 г. 9,68 лет. Для сравнения отметим, что продолжительность брака в 1970 г. была 9,78 лет, в 1980 г. – 10,47 лет, в 1990 г. – 10,16 лет. Средняя продолжительность пребывания населения в разводе увеличилась в среднем на 2 года. В 1989 г. мужчины в возрасте от 16 до 70 лет пребывали в разводе в среднем 4 года, в 2002 г. – 6 лет. Женщины находились в разводе продолжительнее мужчин – соответственно 9 и 7 лет².

В 2002 г. численно сократились **сложные семейные домохозяйства** с двумя и более брачными парами с детьми или без них, с одним из родителей супругов, а также с другими родственниками – соответственно 34, 38, 31.

Сложные неполные семейные домохозяйства (мать или отец с детьми, с одним из родителей матери или отца) также были

¹ Демографический ежегодник России, 2005: стат. сб. М., 2005. – С. 69-71; Российский статистический ежегодник, 2005: стат. сб. М., 2005. С. 105, 107; Российский статистический ежегодник, 2014: стат. сб. М., 2014. –С. 83.

² Российский статистический ежегодник, 1994: стат. сб. М., 1994. – С. 45; Российский статистический ежегодник, 1996: стат. сб. М., 1996. С. 61; Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. М., 2001. – С. 84.

малочисленными. Однако, в отличие от **сложных семейных домохозяйств**, их число с 1970 г. по 2002 г. увеличилось – 52, 48, 69.

Данные переписей населения 1970 г. и 1979 г. показали существование в городах России разных типов семей. Тем не менее, численно преобладали простые полные семьи, состоявшие из брачной пары с детьми или без них. Из данных Всероссийской переписи населения 2002 г. также видно численное превалирование простых полных семейных домохозяйств. В то же время за межпереписной период с 1970 г. по 2002 г. увеличилось число неполных простых и сложных семейных домохозяйств¹.

Это явление совпадало с результатами проведённых исследований. Небольшое снижение в 1990-е гг. удельного веса полных семей и увеличение неполных видно из данных обследования Таганрога. В 1988–1989 гг. полные семьи составляли 83,2 %, в 1998 г. – 82,6 %, неполные семьи – 16,8 % и 17,4 %. Наряду с этим фиксировалось понижение доли простых семей и повышение сложных – соответственно 73,9 % и 68,4 %, 26,1 % и 31,6 % [2, с. 52]. Таким образом, в 1990-е гг. в городах России доминировали простые полные семейные домохозяйства, однако наблюдалось численное увеличение сложных полных, а также неполных семейных домохозяйств.

Самым распространённым типом семейного домохозяйства в городах большинства регионов России в 1990-е гг. было семейное домохозяйство, состоявшее из брачной пары с детьми и без детей. В 1994 г. на 1000 семейных домохозяйств было семейных домохозяйств из одной брачной пары с детьми и без детей в городах российских регионов: Республика Коми – 549, Ненецкий автономный округ – 611, Республика Марий Эл – 552, Кировская область – 533, Республика Дагестан – 493; Республика Башкортостан – 508, Оренбургская область – 523, Тюменская область – 592, Читинская область – 597, Приморский край – 535, Хабаровский край – 523, Амурская

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5531. Л. 4-6; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1974. Т. 7. С. 238, 252-255; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1990. Т. 6. Ч. 2. – С. 8-9, 216-219, 272-275; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005. Т. 6. – С. 24-27 (подсчёты автора).

область – 559, Камчатская область – 571, Магаданская область – 561, Сахалинская область – 556. В регионах России – соответственно – 550, 591, 541, 547, 534, 531, 558, 599, 600, 556, 542, 586, 565, 568.

В 1994 г. семейные домохозяйства с брачной парой и детьми и без детей наибольшее распространение получили в Ханты-Мансийском (на 1000 семейных домохозяйств было семейных домохозяйств из одной брачной пары с детьми и без детей – 638) и Ямало-Ненецком автономных округах (соответственно – 656), в том числе, и в городах (635 и 648). Таких семейных домохозяйств было численно меньше в городах Ленинградской (на 1000 семейных домохозяйств было семейных домохозяйств из одной брачной пары с детьми и без детей – 487), Московской областях (соответственно – 423), а также в столичных городах Санкт-Петербурге (401) и Москве (407). В городах Республики Дагестан число семейных домохозяйств с брачной парой и детьми и без детей заметно выше – 493.

Наряду с данным типом семейных домохозяйств в российских городах численно выделялись неполные семьи (мать (отец) с детьми) : на 1000 семейных домохозяйств в 1994 г. приходилось неполных семей – 112. Существенное превышение этого показателя наблюдалось в городах Республики Ингушетии – 164, Корякского автономного округа – 167, Магаданской области – 134. Однако в городах Кировской число неполных семей снизилось до 96, Оренбургской областях – до 98.

Неполная простая семья в Москве была распространена больше, чем в Санкт-Петербурге. На 1000 семейных домохозяйств в 1994 г. приходилось неполных семей: Москва – 127, Санкт-Петербург – 118. Вместе с тем, данные микропереписи населения 1994 г. свидетельствовали о том, что показатели неполных семей в Санкт-Петербурге были выше, чем в городах Ленинградской области: на 1000 семейных домохозяйств было неполных семей в городах Московской – 127, Ленинградской областях – 110¹.

Увеличение сложных полных и неполных семейных домохозяйств было характерно для России в целом, что обуславливалось заметным ухудшением в 1990-е гг. социальных условий жиз-

¹ Семья в России: стат. сб. М., 1996. – С. 29, 32-41.

ни большинства российского населения и вынуждало взрослых детей, не состоявших и состоявших в браке, оставаться жить с родителями, а многим семьям – съезжаться.

Следует отметить, что в России доля простых семейных домохозяйств с брачной парой без детей в 1990-е гг. была ниже, чем в США: Россия – 33,3 %, США – 41,0%. Доля неполных семей в России ниже, чем в США, но выше, чем в отдельных европейских странах: Россия – 13,4%, США – 15,4%, Ирландия – 10,6%, Швеция – 3,9%¹.

Величина российской семьи сокращалась. Это явление отразилось в данных переписей населения, проведённых в России в 1959–1994 гг. За межпереписной период с 1959 г. по 1994 г. средняя величина российской семьи сократилась (чел.): 1959 г. – 3,6, 1970 г. – 3,5, 1979 г. – 3,2, 1989 г. – 3,2, 1994 г. – 3,3. В 2002 г. величина семейного домохозяйства уменьшилась до 3,2 чел.

Размер городских семейных домохозяйств был ниже общероссийских; кроме того, отмечалось его сокращение, особенно в 1994 г.: соответственно 3,5 чел., 3,4 чел., 3,2 чел., 3,2 чел., 2,8 чел. В 2002 г. величина городских семейных домохозяйств немного увеличилась – до 3,1 чел².

В 1990-е гг. в российских городах, как и в целом в России, численно преобладали семьи с совместно проживавшими членами. Эти семьи в основном состояли из 2–3-х чел. Важно отметить, что в 1990-е гг. средний размер городского семейного домохозяйства в России практически не отличался от сельского: 2,8 чел. и 2,9 чел. Семейные домохозяйства из 4-х чел. и, в особенности из 5-и и более человек, получили в городах меньшее распространение, чем из 2-х и 3-х чел.

В то же время в городах России получили распространение семейные домохозяйства из 1 чел. К тому же, их было числен-

¹ О положении семей в Российской Федерации, 1994-1996 гг. М., 1998. – С. 5-7, 9.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. –С. 426-453; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т.6. Ч.2. –С.54-166; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 6. –С.20, 24; Семья в СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. –С.6-10; Семья в России. –С. 21.

но больше, чем из 5-ти и более человек. Такое явление указывало на увеличение в российских городах числа одиноких мужчин и женщин. Число зафиксированных в 2002 г. **одиноких мужчин и женщин** среди городских жителей России было численно больше, чем среди сельских: соответственно 8,8 млн. и 2,9 млн. Доля домохозяйств, состоявших из одного человека, в городах составляла 74,7%, в сёлах – 25,3%. Одинокие горожане главным образом находились в возрастах трудоспособных, а также – старше трудоспособных¹. Это явление определялось совокупностью многочисленных факторов, среди них – массовое обнищание и увеличение в 1990-е гг. числа безработных, рост преступности и снижение социальной защищённости населения, а также особыми взглядами на брак и семью, особенности профессии, карьерные устремления, материальные трудности, больные родители и другие [2, с. 54].

Из данных микропереписи населения 1994 г. видно, что доля семейных домохозяйств составляла (в %): из 1 чел. – 18,1, из 2-х чел. – 26,1, из 3-х чел. – 24,3, из 4-х чел. – 21,0, из 5-ти и более чел. – 10,5².

В 2002г. наблюдалось увеличение удельного веса городских семейных домохозяйств из 2-х и 3-х чел., а также из 6-ти чел. Данные переписи населения 2002 г. свидетельствовали о том, что в городах России процент семейных домохозяйств из 2-х чел. – 35,7, из 3-х чел. – 32,2, из 4-х чел. – 21,7, из 5-ти – 6,7, из 6-ти и более чел. – 3,7. Для сравнения отметим, что в 1989 г. семейные домохозяйства составляли соответственно 33,1%, 29,6%, 26,1%, 7,8%, 3,4%³.

Величина семейных домохозяйств сокращалась с увеличением возраста горожан. Данные переписи населения 2002 г. показали, что младенцы и дети в возрасте 0–3 года в большинстве случаев проживали в семейных домохозяйствах из 3-х, 4-х и 5-и чел. Дети в возрастных группах 4–5 и 6–9 лет – из 4-х чел. Подростки и молодёжь в возрастах 10–14 и 15–17 лет также в основном жили

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т.2.–С. 302-305; Т.6.–С.323–324 (подсчёты автора).

² Семья в России. С. 21.

³ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. –С.32; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.6. С.–. 24 (подсчёты автора).

в семейных домохозяйствах из 4-х чел. Дальнейшее повышение возраста городского населения было сопряжено с уменьшением величины семейного домохозяйства. Величина семейных домохозяйств у горожан в возрастах 18–24, 25–34 года и 45–54 года в основном – 3 чел. Исключение составляло городское население средних возрастов 35–44 года. Они обычно проживали в семейных домохозяйствах из 4-х чел. В пожилом возрасте городские жители, как правило, имели семейные домохозяйства из 2-х чел¹.

Величина городского семейного домохозяйства была связана с региональной спецификой. Самые большие семьи в 1994 г. фиксировались в Восточно-Сибирском (3,0 чел.) и Северо-Кавказском (3,1 чел.) районах. На Северном Кавказе численно большие семьи отмечались в городах Дагестана (4,0 чел.) и Ингушетии (5,0 чел.). Близкими по размеру к домохозяйствам Восточно-Сибирского и Северо-Кавказского районов были семейные домохозяйства городов Центрально-Чернозёмного, Поволжского, Западно-Сибирского и Дальневосточного районов – 2,9 чел. Средний размер семейных домохозяйств в городах Северного, Северо-Западного, Волго-Вятского, а также Уральского районов был немного меньше – 2,8 чел. В городах Центрального района величина семейных домохозяйств понижалась до 2,7 чел.

В Санкт-Петербурге величина семейного домохозяйства была немного выше, чем в Москве: Москва – 2,7 чел., Санкт-Петербург – 2,8 чел. В 2002 их величина по сравнению с 1994 г. увеличилась и в Санкт-Петербурге, и в Москве: Санкт-Петербург – 3,1 чел., Москва – 3,3 чел. Однако в городах Ленинградской области средний размер семейных домохозяйств был 2,7 чел., а в Московской области – 2,8 чел.

Сопоставление данных микропереписи населения 1994 г. с переписями населения 1970 г. и 1979 г. показало уменьшение в регионах России среднего размера городских семейных домохозяйств. Наиболее крупные по размеру семьи фиксировались в городах Поволжского (в 1970 г. – 3,5 чел., в 1979 г. – 3,3 чел.), Уральского (соответственно – 3,5 чел. и 3,2 чел.), Западно-Сибирского

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.6. –С.372 (подсчёты автора).

(3,5 чел. и 3,2 чел.), Восточно-Сибирского районов (3,5 чел. и 3,3 чел.). Размер семьи понижался в городах Центрального (3,4 чел. и 3,1 чел.), Волго-Вятского (3,4 чел. и 3,2 чел.), Центрально-Чернозёмного (3,4 чел. и 3,2 чел.), Северо-Кавказского (3,4 чел. и 3,3 чел.), Дальневосточного районах (3,4 чел. и 3,2 чел.). Наиболее низкой величина городской семьи была в городах Северо-Западного района (3,1 чел. и 3,1 чел.), а также в Москве (3,2 чел. и 3,1 чел.) и в Ленинграде (3,1 чел. и 3,1 чел.).

Таким образом, средний размер городских семейных домохозяйств сокращался практически повсеместно. Аналогичная ситуация была характерна для городских семейных домохозяйств большинства российских регионов.

Из данных переписи населения 2002 г. видно, что самые многочисленные семейные домохозяйства отмечались в Южном федеральном округе – 3,6 чел. Величина семейных домохозяйств в остальных федеральных округах заметно ниже (чел.): Центральный, Северо-Западный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный – 3,1, Приволжский – 3,2.

Однако средний размер частного домохозяйства (1 человек и более) в федеральных округах был меньше, чем семейного (2 человека и более). Аналогичное явление фиксировалось в городах и сёлах федеральных округов (чел.): Центральный – 2,6 (города – 2,6, сёла – 2,5), Северо-Западный – 2,6 (2,6 и 2,5), Южный – 2,6 (3,1 и 3,0), Приволжский – 2,7 (2,7 и 2,7), Уральский – 2,6 (2,6 и 2,7), Сибирский – 2,7 (2,6 и 2,9), Дальневосточный – 2,6 (2,6 и 2,9). В Приволжском федеральном округе величина частного домохозяйства была близка российским показателям за исключением сёл: Российская Федерация – 2,7 (2,7 и 2,8). В Москве средний размер частного домохозяйства составлял 2,7 чел., в Санкт-Петербурге – 2,6 чел¹.

В 2002 г. в городах России доминировали семейные домохозяйства, где все члены были **одной национальности**. Из данных переписи населения 2002 г. видно, что доля однонациональ-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5551. Л. 19-114; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т.6. Ч.2.–С. 54; Семья в России.–С. 21–28; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 6. С.–615, 32, 64–66, 86–88, 113, 141, 154, 185.

ных составляла 84,8% (от числа всех семейных домохозяйств), **многонациональных семейных домохозяйств** заметно ниже – 15,2%. В городах средний размер однонациональных семейных домохозяйств был меньше, чем многонациональных : соответственно 3,1 чел. и 3,5 чел. (в сельской местности соответственно 3,3 чел. и 3,6 чел.). Из числа городских однонациональных семейных домохозяйств семейные домохозяйства из 2-х чел. составляли : 37,1%, 3-х чел. – 32,3%, 4-х чел. – 21,1%, 5-и чел. – 6,3%, 6-и и более чел. – 3,2%; многонациональных – соответственно 28,0%, 31,6%, 25,0%, 8,9%, 6,5%. Таким образом, среди однонациональных семейных домохозяйств доминировали семейные домохозяйства из 2-х чел., среди многонациональных – из 3-х чел¹.

Данные переписи населения 2002 г. свидетельствовали о том, что в российских городах больше половины семейных домохозяйств не имело **иждивенцев**. Их удельный вес (от общего числа семейных домохозяйств) составлял 55,6%. В то же время в городах была зафиксирована высокая доля семейных домохозяйств с иждивенцами – 44,4%. В семейных домохозяйствах в основном жил один иждивенец, с увеличением числа иждивенцев их удельный вес понижался. Доля семейных домохозяйств с числом иждивенцев составляла: с 1 иждивенцем – 30,0%, с 2-мя – 11,3%, с 3-мя и более иждивенцами – 3,1%.

Численное повышение в семейных домохозяйствах членов способствовало увеличению числа семейных домохозяйств с иждивенцами. Из семейных домохозяйств, состоявших из 2-х чел., удельный вес семейных домохозяйств с иждивенцами был 18,4 %, из 3-х чел. – 50,7 %, из 4-х чел. – 64,7 %, из 5-и и более чел – 71,4 %.

В городах России численно преобладали семейные домохозяйства с **занятыми членами**. Доля семейных домохозяйств с занятыми членами семьи в общей численности семейных домохозяйств составляла 81,8 %, без занятых членов семьи – 18,2 %².

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.6. –С.205 (подсчёты автора).

² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.6.–С. 225 (подсчёты автора).

Тип семейных домохозяйств влиял на их величину. Это явление отразилось в данных переписей населения. В городах России средняя величина **полных семейных домохозяйств с брачной парой с детьми или без них** в 1979 г. была 3,1 чел. Данные микропереписи населения 1994 г. показали, что их величина не изменилась. Эти семейные домохозяйства в городах получили самое широкое распространение. Их удельный вес (от всех семейных домохозяйств) составлял 48,5 %. В 2002 г. величина этого типа домохозяйств практически не изменилась – 3,0 чел.

Средняя величина **семейных домохозяйств переходных от сложных к простым** составляла 4–5 чел. В 1979 г. величина семейных домохозяйств с брачной парой и детьми или без них, с одним из родителей супругов в среднем была 4,2 чел., с брачной парой и детьми или без них, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками – 4,4 чел. В 1994 г. соответственно 4,1 чел. и 4,6 чел. В 2002 г. величина этих семейных домохозяйств не изменилась: 4,1 чел. и 4,6 чел.

Простые неполные семейные домохозяйства (мать или отец с детьми), как отмечалось, были малочисленными. Величина этого типа семейного домохозяйства в 1979 г. и 1994 г. – 2,3 чел. В 2002 г. семейные домохозяйства с матерью и детьми имели 2,3 чел., с отцом и детьми – 2,2 чел.

Сложные неполные семейные домохозяйства (мать (отец) с детьми, один из родителей матери (отца), прочие родственники или не родственники или без них) были многочисленными. В основном такие семейные домохозяйства состояли из 3–4 чел.: 1979 г. – 3,3 чел., 1994 г. – 3,4 чел. Величина сложных неполных семейных домохозяйств, состоявших из матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца), в 2002 г. в среднем была 3,2 чел.

Наиболее многочисленными были **сложные семейные домохозяйства**. В 1979 г. величина сложных семейных домохозяйств (две брачные пары с детьми или без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками или без них) – 5,5 чел. Средний размер домохозяйств из двух брачных пар с детьми или без них в 1994 г. состоял из 5,5 чел., из трёх

или более брачных пар с детьми или без них – 8,7 чел. В 2002 г. величина семейных домохозяйств с двумя супружескими парами, родственниками или без них и неродственниками или без них – 5,6 чел. Самые многочисленные семейные домохозяйства состояли из трёх супружеских пар, родственников или без них и неродственников или без них – 9,0 чел¹.

Таким образом, в городах России величина семейных домохозяйств (брачная пара с детьми или без детей) в 1990-е гг. изменилась незначительно по сравнению с прошлыми десятилетиями. Данные переписи населения 2002 г. показали, что самыми многочисленными были семейные домохозяйства из двух и более супружеских пар, родственников или без них и неродственников или без них, а также из одной супружеской пары с детьми и без детей и одного из родителей супругов, т.е семейные домохозяйства переходные от сложных к простым.

Данные переписи населения 2002 г. свидетельствовали о преобладании в российских городах семейных домохозяйств с 1 ребёнком в возрасте до 18 лет. Такие семейные домохозяйства в 1970 г. составляли 53,7 % (от семейных домохозяйств с детьми несовершеннолетних возрастов), в 1979 г. – 62,5 %, в 2002 г. – 70,0 %. Удельный вес семейных домохозяйств с 2-мя несовершеннолетними детьми снижался: соответственно 35,5 %, 32,6 %, 25,8 %. Особенно было заметно понижение доли семейных домохозяйств с 3-мя и более детьми в возрасте до 18 лет – 10,8 %, 4,9 %, 4,2 %².

Распространение в 1990-е гг. межнациональных конфликтов, а также боевых действий вызвало многочисленные потоки в Россию беженцев и вынужденных переселенцев из бывших республик СССР. В эти годы существенную роль играла экономическая миграция, главным образом, русскоязычного населения, вытесняемого из бывших союзных республик. Большинство семей вынужденных мигрантов приезжало в

¹ Семья в России. С. 30; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.6. –С. 24–27.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 7. С. 250; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т.6. Ч.2.– С. 60; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.6. –С. 24 (подсчёты автора).

Россию из Таджикистана, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Узбекистана. Вынужденными мигрантами также становилось население, проживавшее в наиболее опасных регионах России (Чечня, территория Ингушко-Осетинского конфликта). Особенность вынужденной миграции в 1990-е гг., в отличие от естественной миграции прошлых десятилетий, заключалась в том, что в неё вовлекалась вся семья, а не только самые дееспособные её члены. За период с 1993 г. по 1997 г. численность семей беженцев и вынужденных переселенцев увеличилась почти в 8 раз¹. Закономерно, что перепись населения 2002 г. учитывала продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

Материал переписи населения 2002 г. отразил альтернативные явления в брачно-семейных отношениях. В городах России существовали неполные, в том числе материнские семьи; фактические семьи, основанные на незарегистрированных в органах ЗАГС браках; семьи, образованные в результате многократного вступления в повторные браки после очередного развода; семьи с неродными родителями [3, с. 198–211]. Данные переписи населения 2002 г. показали численность незарегистрированных в органах ЗАГС (фактических браках), а также никогда не состоявших в браке мужчин и женщин, в том числе в возрастах 45 лет и старше.

Таким образом, перепись населения 2002 г., в отличие от переписей прошлых лет, фиксировала семейные домохозяйства. Из её данных видно существование в городах России разных демографических типов семьи с доминированием простых полных семей (брачная пара с детьми или без них), а также увеличение по сравнению с прошлыми годами числа неполных простых, а также сложных – как полных, так и неполных – семейных домохозяйств. В российских городах численно преобладали семейные домохозяйства, где все члены принадлежали одной национальности. Средний размер городских семейных домохозяйств

¹ О положении семей в Российской Федерации, 1994-1996 гг. – С. 18-19, 160; Женщины в России: стат. сб. М., 1995. –С. 42; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 10. М., 2005.

сокращался, что, несмотря на региональные особенности, было характерно для большинства российских регионов. Это явление определялось сокращением числа детей в семье.

Наиболее многочисленными были сложные семейные домохозяйства из 2-х и более супружеских пар, родственников или без них и неродственников или без них, а также семейные домохозяйства переходные от сложных к простым, состоявшие из одной супружеской пары с детьми и без детей и одного из родителей супругов.

Фиксация в переписи населения 2002 г. данных о продолжительности проживания населения в месте постоянного жительства позволила изучить особенности миграций населения из бывших республик СССР в Россию, выразившиеся в условиях разрастания межнациональных конфликтов и боевых действий в появлении семей беженцев и вынужденных переселенцев.

Данные переписи населения 2002 г. зафиксировали численность незарегистрированных в органах ЗАГС, т. е. фактических браков, а также никогда не состоявших в браке мужчин и женщин, отразив, таким образом, альтернативные явления в браке и семье.

Список литературы

¹ Народонаселение: энциклопедический справочник. – М., 1994. – 640 с.

² Женщины, мужчины, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог». – М., 2001. – 320 с.

³ Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ./ С. И. Голод. – СПб., 1998. – 272 с.

ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 И 2010 ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Базовым источником при изучении образовательного уровня населения являются переписи населения. Целью статьи было показать информационные возможности материалов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов по образовательной тематике, а также охарактеризовать качество публикации итогов переписей. Анализ опубликованных документов показал, что они выгодно отличаются от предшествовавших советских переписей подробностью изложения и широким распространением их как в печатных изданиях, средствах массовой информации, так и с помощью современных технологий (Интернет, компакт-диски). Разработочные таблицы были построены на совокупности максимально возможного числа параметров. В итоге исследователи получили в своё распоряжение информацию высокой степени интенсивности. Она дает возможность рассматривать структуру, динамику и дифференциацию уровней образования различных категорий населения (городского и сельского, мужчин и женщин, занятого и незанятого населения, отдельных национальностей и т. п.). Основные методологические положения программы переписей 2002 и 2010 годов схожи, что позволило проследить изменения, произошедшие в структуре населения Республики Коми по уровню образования за межпереписной период. На основании сведений, полученных в результате переписей, показано, что образовательный процесс в Коми развивался в соответствии с общероссийской тенденцией, но вместе с тем отмечены и некоторые региональные особенности образовательного уровня населения.

Ключевые слова: *всероссийские переписи населения 2002 г. и 2010 г., Республика Коми, образовательный уровень населения.*

Уровень образования является одним из показателей уровня жизни населения. Он одновременно выступает и как социальный, и как экономический показатель, характеризующий степень развития общества и общественных отношений. Базовыми источниками информации, к которым в первую очередь обращаются исследователи при изучении образовательного уровня населения, являются переписи населения. В отличие от текущей статистики, которая фиксирует такие показатели, как прием, выпуск, количество школьников и студентов на определенный момент времени, состав преподавательских кадров, количество и типы учебных заведений и т. п., переписи дают полноценную картину распределения населения по уровню образования. Именно поэтому такой блок вопросов в той или иной редакции традиционно присутствовал во всех советских переписях и двух переписях современной России, проведенных в 2002-м и 2010-м годах.

Целью данной статьи является показать информационные возможности материалов Всероссийских переписей населения 2002-го и 2010-го гг. по изучению образовательного уровня населения, а также охарактеризовать качество публикации итогов переписи. Исследование проводилось на материалах Республики Коми, где эта проблема в научной литературе до настоящего времени специально не рассматривалась. Между тем вопрос является чрезвычайно актуальным. В настоящее время, когда мир в целом переходит от индустриального общества к обществу «информационного типа», образование играет главенствующую роль, являясь одним из основных залогов жизненного успеха и карьерного роста индивидуума. В свою очередь современные предприятия и организации не могут развиваться динамично и эффективно без персонала, обладающего высоким профессионализмом и достаточным уровнем образования. Поэтому сегодня главным ответом на вызовы новых технологий и растущей глобализации является повышение уровня образования людей, улучшение профессиональной подготовки рабочей силы.

Программы переписей 2002-го и 2010-го гг. предусматривали получение сведений об уровне образования каждого респондента, а также о типах учебных заведений, в которых он

учится или закончил. Переписные листы заполнялись со слов опрашиваемых без требования предъявления документов, подтверждающих правильность ответов. Надо отметить, что в 2002 г. не указали свой образовательный уровень 4,2 тыс. жителей Коми в возрасте старше 15 лет (0,5% респондентов), в 2010 г. их число возросло до 30,5 тыс. (4,1%)¹. Произошло это, скорее всего, из-за увеличения числа граждан, по тем или иным причинам уклонившимся от участия в переписи. По подсчетам ВЦИОМ, в целом по России в мероприятии не приняли участие около 11% населения. Переписчики вынуждены были пользоваться данными домовых книг, в результате чего большую часть отсутствующих все же удалось посчитать². Однако домовые книги не содержат всей полноты информации для заполнения переписных листов, в частности, там отсутствуют данные об образовании, что и объясняет столь значительное число лиц, не указавших свой образовательный уровень. Несмотря на заверения статистиков и экспертов в том, что переписи по большому счету нужны для выявления тенденций и отсутствующие проценты картины исказить не могут, в настоящее время на правительственном уровне активно обсуждается вопрос об обязательном участии граждан Российской Федерации в переписях населения.

При заполнении переписных листов уровень образования фиксировался для лиц в возрасте 6 лет и старше. Для детей, не имевших начального общего образования, указывалось, умеют ли они читать и писать, а для респондентов старше 15 лет – наличие или отсутствие начального профессионального образования. Для лиц, находившихся в процессе обучения, отмечался тип учебного заведения, для дошкольников – посещение (непосещение) дошкольных учреждений. Кроме того, в переписном листе традиционно осталась отметка об образовании вообще. Поскольку переписи учитывали высший из достигнутых опрашиваемым

¹ Рассчитано по: Состояние в браке и образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2. Стат. сб. Сыктывкар, 2012. – С. 64.

² Герасимова Е. Высшее образование доминирует//«Независимая газета», 20 декабря 2011 года.

уровень образования, то, в зависимости от ответа, отмечалось: послевузовское профессиональное – окончившим аспирантуру, докторантуру, ординатуру и адъюнктуру (независимо от защиты диссертации); высшее профессиональное – окончившим высшее учебное заведение: институт, академию, университет и т. п.; неполное высшее (незаконченное высшее) профессиональное – завершившим обучение по основной образовательной программе высшего профессионального образования в объеме не менее 2 лет срока обучения и получившим диплом о неполном высшем образовании, а также тем, кто учился и закончил обучение по основной образовательной программе высшего профессионального образования в объеме половины или более срока обучения. Тем, кто не имел диплома о неполном высшем образовании и проучился менее половины срока обучения, отмечался уровень образования, полученный до поступления в вуз; среднее профессиональное – окончившим среднее специальное учебное заведение: техникум, училище, колледж, техникум-предприятие и т. п.; начальное профессиональное – окончившим учреждение начального профессионального образования (профессиональное или профессионально-техническое училище, профессиональный лицей, школу фабрично-заводского обучения и т. п.) на базе основного или среднего (полного) общего образования; среднее (полное) общее – окончившим среднюю общеобразовательную школу, лицей, гимназию и т. п. и получившие аттестат о среднем (полном) общем образовании; основное общее – окончившим 9 классов общеобразовательного учреждения, неполную среднюю школу, а также учащимся 10–11(12) классов среднего общеобразовательного учреждения; начальное общее – окончившим начальную общеобразовательную школу, а также 4–9 классов общеобразовательного учреждения. При такой программе обследования недоучтенными оказывались такие виды обучения, как курсы, факультеты повышения квалификации и др. Практически не фиксировали переписи и профиль (направление) обучения: последовательность повышения однопрофильного образования и наличие разнопрофильных уровней подготовки. Лицам, не имевшим начального общего образования, задавался вопрос,

умеют ли они читать и писать. Переписи показали, что в настоящее время уровень грамотности в Республике Коми так же, как и в целом по России, приблизился к 100 %. В 2010 г. считались грамотными 99,7% населения Коми в возрасте старше 15 лет. При этом уровень грамотности сельского населения практически не имел отличий от этого показателя по городскому населению. Не умеющие ни читать, ни писать были отнесены к неграмотным, численность которых составила 2,4 тыс. чел. В основном это пожилые люди и лица с тяжелыми физическими и умственными недостатками¹.

В 2010 г. по сравнению с 2002 г. блок вопросов переписного листа «Образование» был существенно расширен. С присоединением России в 2003 г. к Болонскому процессу, который унифицирует мировые стандарты образования и научной деятельности, высшее профессиональное образование было разделено на два цикла: бакалавриат и магистратуру. Первый из них был призван удовлетворять массовый спрос на высшее образование, второй — способствовать формированию профессиональной элиты и научно-образовательных кадров высшего уровня. В соответствии с этим в 2010 г. впервые уточнялось, какие именно ступени обучения прошел человек: бакалавр, специалист* или магистр. Также впервые для лиц с высшим и послевузовским образованием был введен дополнительный вопрос о наличии ученой степени. Он был оставлен, несмотря на дискуссии по поводу включения его в переписной лист, так как разработчики переписи посчитали, что это определенная и весьма интересная характеристика потенциала страны². Несмотря на отмеченные различия, основные методологические положения программы переписей населения 2002-го и 2010-го годов схожи. Такая идентичность вопросов позволяет рассматривать изменения, произошедшие в структуре населения по уровню образования за межпереписной период.

¹ Состояние в браке и образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года... Указ. соч. С. 70-75.

*При переписи лица, получившие высшее образование в советский период, учитывались как специалисты.

² И. Збарская. Перепись покажет уровень образования населения России. Интервью РИА Новости. 17 сентября 2010 г.

Более того, основной блок вопросов об образовании сохранил преемственность с предыдущими советскими переписями, в частности, с последней Всесоюзной переписью населения 1989 г., что дает возможность сопоставить ее итоги с переписями в новой России.

При источниковедческом анализе материалов переписей серьёзным вопросом является качество публикаций, поскольку особенность переписей состоит в том, что информацию, заложенную в них, можно значительно улучшить или, напротив, резко ослабить за счёт характера и качества публикации документов и таблиц. Высокий уровень научного профессионализма организаторов и разработчиков переписей, а также возросшие возможности в области информационных технологий показали, что опубликованные материалы переписей 2002-го и 2010-го гг. выгодно отличаются от предшествовавших советских переписей подробностью изложения и широким распространением документов переписей.

Перепись 2002 г. издана Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации в 2004–2005 гг. в 14-ти томах¹, итоги переписи 2010 г. – в 2012–2014 гг. в 11-ти томах². Это фундаментальные издания с колоссальным объёмом информации. Все тома бесплатно распределялась по ведущим библиотекам страны. Сведения об образовательном уровне населения, как переписи 2002 г., так и переписи 2010 г., выделены в отдельные тома под названием «Образование»³. Население распределено по уровням образования, установленным федеральными законами Российской Федерации «Об образовании» от 13 января 1996 года № 12–ФЗ и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года № 125–ФЗ. Сборники включают данные о распределении

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Офиц. изд. В 14 тт. Федер. служба гос. статистики; М.: ИИЦ «Статистика России», 2004–2005.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Офиц. изд. В 11 тт. Федер. служба гос. статистики; М.: ИИЦ «Статистика России», 2012–2014.

³ Образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 3. Кн. 1,2. М., 2004. – 943 с. + 880 с.; Образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 3. М., 2004. – 1291 с.

всего и экономически занятого городского и сельского населения, мужчин и женщин в возрасте 15 лет и более по возрастным группам и уровню образования, об обучении детей в возрасте 3–9 лет в дошкольных и общеобразовательных учреждениях. По большинству из перечисленных параметров итоги переписей отражены в абсолютных и относительных показателях. Представленные таблицы содержат информацию о населении Российской Федерации в целом и по каждому субъекту Российской Федерации в отдельности, что дает возможность проведения сравнительного анализа данных по регионам России.

Сведения об образовательном уровне различных категорий населения содержатся и в других томах названных серий. Так, в 14-томном издании переписи 2002 г. в четвертом томе «Национальный состав и владение языками, гражданство» приводится характеристика образовательного уровня отдельных национальностей¹; седьмой том «Экономически активное и экономически неактивное население» включает данные о распределении по уровню образования городского и сельского населения частных домохозяйств, мужчин и женщин в возрасте 15–64 лет²; том восьмой «Занятое население по видам экономической деятельности» и том девятый «Занятое население» – об уровне образования городского и сельского населения, мужчин и женщин в возрасте 15–64 лет, занятых в экономике по занятиям и возрастным группам³; том 12-й «Рождаемость» – о среднем числе рожденных детей женщинами, имеющими различный уровень образования и относящимися к различным социально-экономическим группам⁴; том 13-й «Коренные малочисленные народы Российской Федерации» – об уровне образования

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1,2. М., 2004. –946 с., 1130 с.

² Экономически активное и экономически неактивное население. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 7. М., 2004.

³ Занятое население по видам экономической деятельности. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 8. М., 2004; Занятое население. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 9. М., 2004. –347 с.

⁴ Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 12. М., 2004. –875 с.

указанных народов, проживающих на территории России¹; том 14-й «Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года» – сводные данные об образовательном уровне населения Российской Федерации (имеются сравнительные таблицы переписей 1989 г. и 2002 г.)². Выпуск итогов переписей не исчерпывается указанными фундаментальными изданиями. Электронная версия каждого тома выпущена на CD (в качестве приложения к бумажному изданию и самостоятельного носителя информации), а также размещена в свободном интернет-доступе на сайте Росстата (www.gks.ru).

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми также подготовил и опубликовал по результатам переписей целый ряд статистических сборников. В первую очередь надо упомянуть изданные в 2004–2006 гг. пять тематических сборников с итогами переписи 2002 г.³ и серию из семи тематических томов по итогам переписи 2010 г., вышедшую в свет в 2012–2013 гг.⁴. При общей схожести подачи материалов необходимо отметить, что последняя перепись была разработана и опубликована более подробно. Если сформированные на основе материалов переписи 2002 г. сведения об образовательном уровне включены в один (первый) том вместе с данными о численности населения, его возрастном и половом составе, состоянию в браке⁵, то изданный по итогам переписи 2010 г. том «Состояние в браке, образование» содержит развернутые таблицы со следующими показателями: распределение по уровню образования всего – городского и сельского – населения Республики Коми, мужчин и женщин в возрасте 15 лет и более по возрастным группам (с выделением групп

¹ Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 13. М., 2004. –574 с.

² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. М., 2004. –493 с.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Республика Коми. В 5 Ч. Сыктывкар, 2004-2006.

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Республика Коми. В 7 Т. Сыктывкар, 2012-2013.

⁵ Численность, возрастно-половой состав, состояние в браке, уровень образования населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Республика Коми. Часть 1. Стат. сб. Сыктывкар, 2004. –119 с.

трудоспособного населения, старше трудоспособного возраста, молодежи от 16 до 29 лет); наличие у лиц с высшим образованием ученой степени (по возрастным группам и полу, по городскому и сельскому населению); посещение дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений детьми в возрасте до 10 лет (по возрастным группам и полу по отдельным городам и районам); население в возрасте 10–50 лет, обучающееся и не обучающееся (на момент проведения переписи) в образовательных учреждениях, по уровню образования отдельно по городскому и сельскому населению; распределение по образовательному уровню населения частных домохозяйств в возрасте 15–72 лет, занятого в экономике по возрастным группам и полу по городам и районам¹. Представленные в сборнике таблицы содержат информацию об образовательном уровне населения Республики Коми в целом, а также по городам и районам. Итоги приведены в абсолютных и относительных показателях, основные из которых публикуются в сравнении с переписью 2002 года. Относительные показатели рассчитаны на численность населения, ответившего на соответствующие вопросы в переписном листе. Кроме того, в указанный том включены: обобщающая таблица, показывающая динамику образовательного уровня населения Республики Коми с 1959 г., сравнительная таблица образовательного уровня мужского и женского населения в 2002-м и 2010-м гг. Дополнительные сведения об уровне образования отдельных категорий граждан можно почерпнуть и в других томах названной серии: в третьем томе «Национальный состав и владение языками, гражданство»²; в четвертом томе «Социально-экономическая характеристика населения»³; в седьмом томе «Рождаемость»⁴.

¹ Состояние в браке и образовании. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2. Стат. сб. Сыктывкар, 2012. – 158 с.

² Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 3. Стат. сб. Сыктывкар, 2012. –201 с.

³ Социально-экономическая характеристика населения (источники средств к существованию; экономически активное и экономически неактивное население; занятое население по положению в занятости, уровню образования). Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Т.4. Стат. сб. Сыктывкар, 2012. –244 с.

⁴ Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Т.7. Стат. сб. Сыктывкар, 2013. – 111с.

Подготовленные статистиками разработочные таблицы результатов переписей 2002-го и 2010-го гг. строились на совокупности максимально возможного числа параметров. Так, только одна таблица может объединять сведения о распределении экономически занятого населения отдельных городских округов и муниципальных районов республики по образовательному уровню, с разбивкой их по возрасту и полу¹. В другой таблице мы находим сведения о распределении населения отдельных национальностей по уровню образования, по полу, в разных типах поселений (город – село)². По третьей таблице можем определить среднее число рожденных детей женщинами, состоящими в браке, имеющими различный уровень образования, по городам и районам и т. д.³ Наряду с выпуском печатных сборников, итоги переписей 2002-го и 2010-го гг. размещены на веб-сайте Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Более подробная информация предоставлялась и предоставляется пользователям по индивидуальным запросам. Помимо официальных изданий, в более сокращенных вариантах переписная информация об образовании населения содержится и в других статистических сборниках⁴.

Полученные в результате переписей сведения об уровне образования населения Республики Коми весьма интересны. Они выявили четкие тенденции в развитии образовательного процесса и, прежде всего, показали серьезный рост образовательного уровня населения. В 2002 г. имели основное общее образование и

¹ Социально-экономическая характеристика населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Республика Коми. Ч.3. Сыктывкар, 2006.–С.105-114; Социально-экономическая характеристика населения (источники средств существования). Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Указ. соч. – С. 232-235.

² Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Указ. соч. С. 93-108.

³ Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Указ. соч. – С. 52.

⁴ Сколько нас? Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Коми. Стат. сб. Сыктывкар, 2005. –111 с.; Население Республики Коми. Краткий стат. сборник. Сыктывкар, 2010. –55с.

более высокий его уровень 92,9 % населения республики в возрасте 15 лет и более, в 2010 г. – 94,7 % (в 1989 г. – 87,2 %), что выше среднего показателя по России¹. Переписи выявили следующие изменения в структуре образовательного уровня, произошедшие в межпереписной период. В расчете на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и более численность граждан, имевших высшее профессиональное образование (включая послевузовское), выросла со 122 чел. в 2002 г. до 184 чел. в 2010 г., со средним профессиональным образованием – с 314 до 347 чел. На фоне роста лиц с высшим и средним профессиональным образованием снизилась доля лиц с начальным профессиональным образованием – со 163 до 85 чел. Это позволяет сделать вывод о том, что юноши и девушки были нацелены на получение профессионального образования, причем высшего и среднего его звеньев. Численность имевших общее среднее (полное) образование повысилась со 156 до 164 чел., в то время как с основным общим понизилась со 155 до 133 чел., с начальным общим – с 58 до 46 чел. Сократилось и количество людей, не имеющих никакого образования, – с 8 до 6 чел.². Подобная динамика объясняется рядом причин: естественным процессом смены поколений (из жизни уходило старшее поколение с более низким образовательным уровнем); вхождением в первое десятилетие XXI века в возрастную группу 15 лет и более многочисленного поколения родившихся в 80-е годы прошлого столетия при одновременном уменьшении численности возрастной группы до 15 лет, ставшего следствием спада рождаемости 90-х годов; а также тем, что молодежь, получившая гарантированное государством обязательное общее среднее образование, не останавливалась на достигнутом и старалась продолжить обучение.

Переписи убедительно доказали, что растет число граждан, желающих во что бы то ни стало получить именно высшее образование. За 2002 – 2010 гг. число «высокообразованных» людей в

¹ Социально-демографический портрет России. По итогам ВПН 2010 г. Офиц. изд. М., 2012.–С. 110-111.

² Сколько нас?... Указ. соч. С. 49; Состояние в браке и образовании.. Указ. соч.–С. 70-71.

Коми выросло со 102,2 тыс. до 133,9 тыс. чел., или на 31 % (в России – на 41 %). Увеличилась и численность лиц с неполным высшим образованием: с 19,6 тыс. до 25,4 тыс., или на 29 % (в России – на 44 %), при этом большая их часть продолжала дальнейшее обучение¹. Материалы переписей позволяют проследить зависимость между уровнем образования и возрастом. Максимальный образовательный потенциал приходится на молодое поколение. Так, в 2010 г. в возрастной группе 20–29 лет имели высшее и незаконченное высшее образование 30,3 %, 30–39 лет – 28,8 %. В последующих возрастных группах идет уменьшение этой доли до 20,2 % среди 40–49-летних, до 17,7 % среди 50–59-летних. Что касается структуры высшего образования, то в 2010 г. степень бакалавра имели 4,9 тыс. чел. (3,7 % от лиц с высшим образованием), специалиста – 122,9 тыс. (94,4 %), магистра – 2,4 тыс. (1,8 %)². То есть подавляющее большинство людей имели образование, полученное еще в советское время и по советским стандартам. Среди городов республики по числу лиц с высшим и послевузовским образованием с большим отрывом лидирует столица республики г. Сыктывкар – 53,3 тыс. чел. (20,3 тыс. мужчин и 33,0 тыс. женщины), на втором месте расположилась Ухта – соответственно 22,5; 9,3; 13,2 тыс. чел. Далее следуют Воркута, Усинск, Печора³.

Как было уже сказано, в 2010 г. впервые для лиц с высшим и послевузовским образованием был введен дополнительный вопрос о наличии ученой степени. По данным переписи, среди специалистов с высшим профессиональным образованием 3,6 тыс. чел. имели послевузовское профессиональное образование. Всего в 2010 г. в Коми насчитывалось 1450 кандидатов наук и 236 докторов наук. Среди имеющих ученую степень преобладали мужчины, но среди кандидатов наук большинство составляли женщины (52 %), среди докторов наук доминировали мужчины (65 %). Поч-

¹ Рассчитано по: Образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.3. Кн.1. М., 2004.– С.208-209; Состояние в браке и образование... Указ. соч. –С.64.

² Рассчитано по: Состояние в браке и образование... Указ. соч. – С.64.

³ Рассчитано по: Состояние в браке и образование...Указ. соч. – С.122-124.

ти все «остепененные» (98 %) проживали в городских поселениях, из них 74 % – в г. Сыктывкаре. По возрасту среди кандидатов наук преобладали лица в трудоспособном возрасте (70 %), среди докторов наук – лица старше трудоспособного возраста (59 %)¹.

В соответствии с общероссийской и общемировой тенденцией в большей степени стремлением повысить свой образовательный уровень отличились женщины. В 2002 г. из 1000 мужчин в возрастной категории 15 лет и более имели дипломы вузов и получили послевузовское образование 108 чел., в 2010 г. – 157 чел., в то время как среди женщин этот показатель равнялся соответственно 135 и 211. Среди женщин также больше, чем среди мужчин, лиц со средним специальным образованием. Всего в Коми высшее и среднее профессиональное образование имели в 2002 г. 49,8 % женщин и 41,6 % мужчин, в 2010 г. – соответственно 61,3 и 51,7 %. В то же время среди мужчин больше, чем среди женщин, распространено начальное профессиональное образование (рабочие профессии), а также полное среднее и основное общее образование². Подобное соотношение в образовательном уровне мужчин и женщин наблюдалось как среди городского, так и среди сельского населения на всех ступенях образовательного процесса.

Среди городов Коми в 2010 г. в тройку лидеров по уровню образования вошли Усинск и Воркута, 97,3 % населения которых в возрасте 15 лет и более имели образование не ниже основного общего, а также Сыктывкар (96,2 %). По уровню высшего образования, включая послевузовское и неполное высшее, впереди были Сыктывкар, Ухта и Усинск (31,7; 27,7; 26,2 % населения указанного возраста); по среднему профессиональному образованию – Печора, Воркута, Ухта (41,5; 38,3; 36,2 %). Среди административных районов выделялся более высоким уровнем образования Удорский район, где 95,1% населения имели образование не ниже основного общего. Далее следовали Княжпогостский и Усть-Вымский районы (соответственно 94,2 и 94,0 %)³.

¹ Рассчитано по: Состояние в браке и образование... Указ. соч. –С. 122-124.

² Рассчитано по: Состояние в браке и образование... Указ. соч. –С. 70-75.

³ Рассчитано по: Состояние в браке и образование... Указ. соч. –С. 77.

Интересные данные получены и об образовательном уровне различных национальностей, проживающих в Республике Коми. В 2010 г. в группе наиболее многочисленных национальностей по числу лиц с высшим образованием (из 1000 чел. соответствующей национальности в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования) первое место в занимали русские – 198 чел., второе и третье – украинцы и белорусы (соответственно 187 и 186 чел.), на последних местах – представители коренного этноса республики – коми (142 чел.) и чуваша (139 чел.). Но чуваша лидируют по уровню среднего профессионального образования (388 чел.), а коми – по уровню начального профессионального образования (96 чел.). Среди женщин впереди всех по числу лиц с высшим образованием русские (226 чел.), со средним профессиональным образованием – татарки (398 чел.), среди мужчин – соответственно белорусы (182 чел.) и чуваша (392 чел.)¹.

Оставляя за рамками нашего исследования оценку качества образовательных услуг, уровня знаний выпускников общеобразовательных школ и подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, основываясь на сведениях, полученных в результате переписей населения 2002 г. и 2010 г., мы констатируем факт серьезного роста образовательного уровня населения Республики Коми, особенно среди молодежи. В течение восьми лет на фоне снижения лиц с более низким уровнем образования (начальное профессиональное, общее образование на всех его ступенях) шел стабильный рост числа граждан с высшим (включая послевузовское) и средним профессиональным образованием, что говорит о высоком показателе уровня профессионального образования в республике в целом. Лидерами образовательного процесса выступила женская половина населения: переписи показали превышение доли женщин, имеющих высшее и среднее специальное образованием, по сравнению с мужчинами. К региональным особенностям можно отнести тот факт, что в Коми были существенно более высокие, чем в среднем по России, показатели числа имеющих профессиональное сред-

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года... Указ. соч. –С. 91-106.

нее и профессиональное начальное образование, а также основное общее образование. Вместе с тем здесь заметно меньше доля населения с дипломами вузов и окончивших аспирантуру. Это означает, что в республике еще имеются значительные резервы повышения образовательного уровня населения.

В заключение хотелось бы отметить, что качество и количество информации, которую предоставляют переписи населения, определяется уровнем научной методологии и методического инструментария, а также способом обработки полученных в ходе переписи данных и объемами их публикаций. Исходя из программ переписей, была создана методика построения обобщающих показателей образования населения в целом и отдельных социально-демографических групп, изучения их дифференциации и динамики. В итоге исследователи получили в свое распоряжение информацию высокой степени интенсивности. Материалы переписей позволяют проанализировать структуру, динамику и дифференциацию уровней образования городского и сельского населения Республики Коми, мужчин и женщин, занятого и незанятого населения. В них нашло отражение распределение населения по уровню образования по городским округам и муниципальным (административным) районам, а в ряде случаев – по отдельным городским поселениям и районным центрам, т. е. на уровне максимально дробного территориального деления, допустимого в подобного рода публикациях. Можно сказать, что при таком обширном объеме информации, к которому имеют доступ исследователи и пользователи в настоящее время, в значительной степени становится неактуальным обращение к первичным материалам переписей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (ИРИ РАН) (г. Москва).

Безносова Наталья Павловна – научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ РАН) (г. Сыктывкар).

Белов Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра изучения территории и населения России Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) (г. Москва).

Бельков Антон Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Бурматов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета (г. Куйбышев).

Васина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск).

Гонина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, Красноярский государственный аграрный университет (г. Красноярск).

Жиromская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению истории территории и населения России Института российской истории РАН (ИРИ РАН) (г. Москва).

Заболотская Карелия Александровна – доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово).

Зверев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ) (г. Новосибирск).

Исупов Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

Коробейникова Надежда Сергеевна - кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

Лапердин Вячеслав Борисович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

Нефедова Марина Викторовна – аспирант Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет (АлтГУ) (г. Барнаул).

Семенов Михаил Александрович - кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

Славина Людмила Николаевна - доктор исторических наук, профессор ВАК, профессор кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (г. Красноярск).

Чернышева Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, Вятского государственного университета (ФГБОУ ВО ВятГУ) (г. Киров)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	3
А. В. Белов ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА	5
Д. Е. Сарафанов ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ В ГОРОДСКИХ ПРИХОДАХ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ БАРНАУЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.)	21
Т. А. Васина ДУХОВНЫЕ РОСПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ БЕМЫШЕВСКОГО ЗАВОДА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.)	39
В. А. Зверев ВОСПОМИНАНИЯ ДВУХ СЕСТЕР. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СЕЛСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА АЛТАЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В	49
В. Б. Жиромская ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ.	78
В. А. Исупов ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕРЕПИСИ И УЧЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ.	96
М. В. Нефедова ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1920 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	125
Н. С. Коробейникова КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ РАЗВИТИЯ БРАКА И СЕМЬИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	148
М. А. Семенов СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ О ДВИЖЕНИИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ	

НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	160
В. Б. Лапердин СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО МЕХАНИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	171
Н. В. Чернышева АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ В 1945–1967 гг. (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	186
А. А. Бурматов ТЕКУЩИЕ ФОНДЫ СТАТИСТИЧЕСКИХ УПРАВЛЕНИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	197
Л. Н. Славина ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	227
Н. В. Гонина СВОДНЫЕ ВЕДОМОСТИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1970 г. ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РЕГИОНА	248
К. А. Заболотская, А. В. Бельков ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНА (1998 – 2015 гг.)	259
Н. А. Араловец ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 г.	271
Н. П. Безносова ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 И 2010 ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)	285
Сведения об авторах	300

Научное издание

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РОССИИ И РЕГИОНОВ

Сборник научных трудов

Выпуск I: проблемы источников

Редакторская корректура — Ю. Е. Фигуровская
Техническое, художественное редактирование и верстка —

Т. А. Коробейникова

Дизайн обложки — А. А. Алабугин

Верстка обложки — Т. А. Коробейникова

Препресс — Т. А. Коробейникова

Ответственный за выпуск — Т. А. Коробейникова

Подписано в печать 12.10.2016.

Формат 60x84/16.

Гарнитура Minion Pro.

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 19,5. Усл. изд. л. 17,82.

Тираж 200 экз. Заказ 16-06-001

Код ОКП: 95 3004

Издательство «Апельсин»

630049, Россия, Новосибирск, Красный пр., 220

Отпечатано в типографии ООО «Апельсин» ИПП

630049, Россия, Новосибирск, Красный пр., 220